

18+

Михаил
Гиголашвили

ЧертОВО КОЛЕСО

Финалист премий

БОЛЬШАЯ
КНИГА,
РУССКИЙ
БУКЕР

Лауреат

РУССКОЙ
ПРЕМИИ

Новая русская классика

Михаил Гиголашвили

Чертово колесо

«АСТ»

2007

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гиголашвили М. Г.

Чертово колесо / М. Г. Гиголашвили — «АСТ», 2007 — (Новая русская классика)

ISBN 978-5-17-106752-6

Михаил Гиголашвили (р. 1954) – прозаик и филолог, автор романов «Иудея», «Толмач», «Захват Москвитии» (шорт-лист премии «НОС»), «Чертово колесо» (шорт-лист премии «Большая книга»), «Тайный год» («Русская премия», шорт-лист премий «Большая книга» и «Русский Букер»). Грузия, 1987 год, «перестройка». Тбилисские наркоманы и менты, неотличимые от мафии, интеллигенция, воры в законе, партноменклатура – детально прописанные персонажи романа «Чертово колесо» страдают от ломки физической, слома личности, смены эпох и «понятий». «Сквозь мелкие детали, сквозь чутко расслышанные фразы и точно схваченные общественные настроения проступает сложный и страшный образ великой империи накануне распада. Наркотики в этом плотном, густонаселенном, эпохальном романе – не более чем машинное масло, смазка, позволяющая привести в движение поразительно изящную и стройную конструкцию». Галина Юзефович

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106752-6

© Гиголашвили М. Г., 2007
© АСТ, 2007

Содержание

1	6
2	14
3	20
4	25
5	32
6	38
7	44
8	50
9	53
10	61
11	69
12	77
13	83
14	89
15	95
16	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Михаил Георгиевич Гиголашвили

Чертовое колесо

© Гиголашвили М.Г.

© ООО «Издательство АСТ»

1

Инспектор уголовного розыска Пилия сидел в дежурной части и, не обращая внимания на женские стоны из арсенала, быстро вписывал что-то между строк на листе бумаги. Иногда он поднимал голову и без усмешки косился на звуки. Время от времени звонил телефон. Дежурный, крутоносый тапир, сонно отвечал в трубку. Ночь была душная, тяжелая.

В дальнем углу дежурки, в клетке, метался бесшумно и быстро, как зверь, чернявый парень.

Наконец Пилия кончил писать.

– Эй, какое сегодня у нас число? – крикнул он дежурному.

Лейтенант повернулся к стенному календарю:

– Двадцать пятое августа восемьдесят седьмого года.

– Год я еще и сам помню, балда, – пробурчал Пилия, исправил что-то напоследок в листе и аккуратно вставил его в железные ушки «дела». Захлопнул папку и посмотрел на часы – не пора ли снимать подвешенного на наручниках наркушу, которого он случайно выловил днем: заходил в подъезд к любовнице и наткнулся на него, когда тот муржил с пакетами, что-то пересыпая.

Из арсенала появился начальник угрозыска, толстый и румяный, доброжелательно-голубоглазый майор Майсурадзе. Отдуваясь, он присел возле стола и стал платком вытирать грудь под расстегнутой синей форменной рубашкой.

– Ну как, ничего? Показала она тебе класс? – спросил Пилия, указывая глазами на железную дверь, из-за которой теперь доносились шорохи одежды и тихий перестук каблучков.

– Потрясающе! Прямо заново родился! – кивнул майор, напяливая галстук на резинке.

– Дай бог, – усмехнулся Пилия. – Она мастер своего дела. Если б все так работали, давно бы коммунизм был...

– И где ты выуживаешь таких рыбок? – с заинтересованной завистью глянул на него майор.

– Работа такая. – Пилия со скрежетом отъехал на стуле к железному шкафу и закинул туда «дело».

– Как ее зовут?

– Гита.

– Что за дурацкое имя?

– Осетинка. В тиски взял после ареста ее отца. Он из Орджо в Тбилиси левый спирт возил...

– Посходили они там с ума с этим спиртом, как будто анаши им мало, – согласился майор, крутя головой и растягивая резинку галстука.

Дверь скрипнула. Появилась хорошо сложенная блондинка, яркое пятно среди этих унылых стен в грязных серых разводах. Челка закрывала лоб до бровей. Большая грудь колыхалась при ходьбе. Губы были уже ярко накрашены.

– Ну что? Теперь я могу идти?.. Хоть сигареткой угостите!.. – Она увидела на столе пачку «Кэмела» и моментальнохватила из нее несколько сигарет.

– Куда идти? – удивился Пилия, вставая. – Ну-ка садись! Ты что думаешь, я тебя из-за этого позвал? – Он сделал неопределенный жест в сторону майора. – Сесть!

Женщина сникла и, боязливо обогнув коренастую фигуру инспектора, села.

– Давай выкладывай все по порядку! – нагнулся над ней Пилия.

Оправив юбку на бедрах, она вздохнула и принялась давать отчет. Все сделано так, как ей было велено: она приняла приглашение своего престарелого партийца (за которым уже

несколько месяцев следила по поручению Пилии), отправилась с ним в Батуми и там видела, как люди приносили ему деньги.

– Доллары, вот такие пачки! – Она показала красивыми пальцами толщину пачек. – Дальше как обычно... Встречаемся раз в неделю на минут, он мне что-нибудь дарит – вот и всё...

– Дарит? Он что, Дед Мороз? Деньги дает?

– Иногда...

– Неплохая работа у тебя: отсосала – и свободна, закрывай рот и открывай кошелек! – засмеялся майор, а Пилия, недовольно покосившись на него, подытожил:

– В общем, так... Мне нужна его записная книжка. Перепиши ее.

– Трудно. Но сделаю. Кстати, он меня и в Пицунду приглашал...

– Очень хорошо, поезжай... Книжку перепишешь – раз. Всех, с кем он встречается, – список мне, два. Дом по возможности обыщи – три. Только очень осторожно!

– А что искать-то? – с любопытством спросила женщина.

– Не имеет значения. Что найдешь, то и найди. Деньги, цацки, порно, оружие, кайф! Бояться тебе нечего – все умрет тут, между нами. Ты меня знаешь... Ты вообще в этом деле так, дополнительно. По своей линии соси из него, что можешь, я у тебя доли не прошу, но учти – времени у тебя мало. Чтоб через две недели копия книжки была у меня! И рассказ о том, что нашла...

На протяжении разговора майор сидел молча. Когда женщина встала, он тоже вежливо поднялся:

– Извините, я забыл ваше имя!

– Гита, – ответила она.

Тогда он так же вежливо попросил телефон – «на всякий случай». Пилия усмехнулся, а Гита пробубнила:

– Дома у меня нет телефона.

– А на работе?

– Я не работаю.

– У соседей? – с нажимом сказал майор, и глаза его, потеряв прежнюю улыбчивость, стали злыми.

– Я живу в новом районе, там еще нет телефонов...

– Как же с тобой клиенты связываются, а, соска? – оскалился майор.

– Я звоню сама...

– Ах, вот как... Ну, хорошо! Тогда вот тебе мой телефон, будешь звонить мне по вторникам и пятницам... ровно в полдень. Ясно? – повторил он и, наклонившись над столом, написал свой номер на клочке картона от сигаретной пачки.

Гита поверх его спины показала Пилии глазами, что ей все это неприятно. Тот презрительно пожал плечами. Ему тоже не понравилась настырность майора – Пилия просто сделал бурдюку одолжение, увидев, как тот загорелся при виде Гиты, забежавшей по экстренному вызову. Ну ничего, пусть, ее не убудет, сочные губы только крепнут от работы...

Когда Гита, перебирая каблучками, уходила, дежурный тапир проснулся и вытаращился на ее задницу. Чернявый арестант тоже замер. А майор глубоко вздохнул. После ухода осетинки в дежурке снова стало тускло. Пилия отправился в подвал за пойманным морфинистом.

К решетке окна наручниками был прикован плешистый парень. Он обвис мешком и плакал. Невдалеке от него сидел инспектор Бежан Макашвили по кличке Мака – аккуратный брюнет с кобурой через плечо – и просматривал журнал.

– Ну что, тварь, подумал? Или еще повесишь? – ткнул Пилия ногой морфиниста. – Как он себя ведет, Мака?

– Плачет, – ответил тот, зевая. – Надоел уже, хнычет и хнычет, как баба. Гела, мне уходить надо, мама в больнице...

Морфинист заскулил:

– Отпустите... Умираю...

– Будем разговаривать? – спросил у него Пилия.

– Будем, будем...

– Ладно,ними его. Потом можешь идти, я сам с ним разберусь!

Мака обрадованно снял наручники, усадил наркомана на стул и исчез.

Тот продолжал всхлипывать, бормоча:

– У меня печень больная, я умру...

– Не умрешь!.. А умрешь – засунем в машину, вывезем за город и зароем на свалке. Голову сперва отрубим, чтоб никто не опознал... Или сожжем к черту! У нас в столовой печь здоровая, трое таких доходяг, как ты, поместятся разом... Вставай, пошли! – вдруг приказал Пилия.

– Куда? – испугался парень.

– В тюрьму, куда же еще?

При слове «тюрьма» морфинист залился слезами:

– Как в тюрьму? Куда в тюрьму? Дайте отцу позвонить! Папе позвонить хочу, папе!

– Позвонишь... С того света... Пошли! Майор поговорит с тобой.

Когда они поднялись в дежурную часть, майор, уже аккуратно причесанный и строгий, сидел за столом, просматривая «дело».

– Вот, полюбуйся, это подонок Кукушвили, которого я выловил в подъезде...

– Как твоя кличка, гнида? – спросил майор.

– Кукусик, – машинально ответил морфинист.

– Кукусик? Ты смотри! Так это и есть главный барыга? – спросил майор в никуда. – Придется тебе отвечать по всей строгости нашего советского закона! Сейчас, мой дорогой Кукусик, вышел приказ – барыг стрелять без суда и следствия. Попытка к бегству – и всё. Ушел на рывок – и пуля в затылок. Ясно? Распоряжение Совмина! Понял? – повысил он голос.

– Какой я барыга! Кого стрелять? Зачем? – в ужасе пробормотал Кукусик.

– По мне – так вот этот убийца, – и майор, не глядя, кивнул в сторону клетки, где бесшумно сновал чернявый тип, – вот этот езид¹, убийца Амоев, в тысячу раз лучше тебя, барыги проклятого!

Кукусик замахал кровоточащими руками:

– Что вы, какой я барыга?! Сам всю жизнь ищу, где бы что купить!

– Вот оно что! – протянул майор, а Кукусик продолжал, захлебываясь, доказывать:

– Да я... Да я... Да я свой заход² самому Богу не отдам! Все из дому вынес, все продал ради лекарства! Какой я барыга? Я больной человек...

– Мы! Всё! Знаем! – зловеще отчеканил майор. – Ты где рос, подонок? Где воспитывался? Чему тебя в детстве учили, тварь? Кокнаром³ торговать? Кому ты нес кокнар, у кого брал?.. Молчишь?.. Утром будешь в тюрьме, а там тебя быстро в задницу трахнут, будь уверен! Я лично позабочусь, чтоб тебе самый толстый хер достался... Говори, у кого брал, кому нес?

– Никому не нес. Нашел, – отрешенно ответил Кукусик.

Пилия с размаху ударил его по затылку так увесисто, что морфинист ткнулся носом в стол и залился кровью.

– У кого брал? Говори, гад!

¹ Этноконфессиональная группа в составе курдов.

² Доза наркотика.

³ Размельченные сушеные головки опийного мака, подготовленные для приготовления настоя.

– Мой, – разбитыми губами выдавил Кукусик.

– Твой? Ты что его, в кармане вырастил? У кого брал, сука? – заорал Пилия и еще раз ударил морфиниста ребром ладони по шее.

По-собачьи пригнувшись, морфинист заголосил:

– Я его имени не знаю. Там, на перекрестке, стоит...

– Так. Имени, стало быть, не знаешь... Врешь! Сейчас не то время, чтобы имени не знать! То время ушло, когда на Майдане косой Або через форточку башами торговал за копейки! Сейчас все всё знают. И ты всё знаешь. И скажешь, поверь мне! И имя вспомнишь, и дом покажешь. Сейчас и поедем туда, понял? – ледяным тоном процедил майор, а Пилия потряс наручниками:

– Видишь? Кандалы! Сейчас тебя верх ногами повесим, пару раз по яйцам дубинкой да по башке ногой – быстро и имя, и фамилию, и отчество, и кличку, и дом, и квартиру, и где бабушкины трусы лежат – все сразу вспомнишь!

И Пилия подкрепил слова новой оплеухой, а майор двинул телефонным справочником Кукусика по темени. Зубы у того клацнули, он запнулся и уронил голову на стол. Но Пилия за шиворот поднял его и как следует встряхнул.

Кукусик, выкатив глаза, залепетал:

– Какие бабушкины трусы?.. За что?.. Где адвокат? Папа-мама? Сейчас перестройка, гласность...

– Что-о? – взревел майор. – Перестройка? Вот тебе перестройка! – И он смачным жестом указал на свою ширинку, а Пилия со словами: «Вот тебе гласность, ублюдок!» огрел звенящими наручниками морфиниста по почкам.

Тот, пискнув, повалился на пол. При звуке упавшего тела дежурный тапир открыл глаза и, обалдело оглядев помещение, опять закрыл их. Убийца Амоев, замерший на миг, продолжил свой звериный крутёж. Ботинок Пилии уже завис над морфинистом, но майор жестом остановил его:

– Подожди! Может, он одумался? Он мне, ей-богу, кажется неплохим парнем. Ну-ка, посади его за стол. Кто твой отец, Кукусик?

– Управляющий трестом... Дайте я ему позвоню! – с надеждой прохлюпал Кукусик с пола.

– Никуда ты не позвонишь, пока на наши вопросы не ответишь. Я тебя лично в подвале придушу! Ты же барыга из барыг: пол-Союза отравил! Задницу надо тебе проткнуть шампуром, а яйца в мангале испечь! Любишь печеные яйца козла?.. Будешь у нас вешалкой! – Пилия опять, теперь уже слегка, ткнул его ногой.

– Кого я отравил? Какой я барыга? – Кукусик сложил молитвенно руки, обращая с пола окровавленное лицо к майору. – Какая вешалка?

– А такая, на которую все дела вешают! Все всяки нераскрытые! – охотно объяснил майор.

– Мы всё знаем, вас всех закладывает наша насадка, мы всё про всех знаем, – сказал Пилия, закуривая. – Сообрази сам, как я оказался в том подъезде? И именно в это время? Как раз на Третьем Массиве?⁴ Именно в том доме, где я тебя взял? А?.. Вот так-то! Тебя просто сдали, как овцу. А ты будешь за всех срок тянуть и страдать. Тебе, дорогой, за этот кокнар как минимум семь лет сидеть... Еще и пару убийств навесим, обещаю. У нас их навалом, нераскрытых...

– У тебя дети есть? – спросил участливо майор у Кукусика.

– Да, дочка, маленькая...

⁴ Новый район Тбилиси.

– Ты еще не знаешь, что твои дружки хотели сделать... Дочку выкрасть и потребовать выкуп! – вступил майор.

– Не может быть... – прошептал морфинист.

Пилия удивился такой неожиданной импровизации, а майор продолжал развивать ее:

– Да... Мы за тобой давно следим... И сдали тебя, и дочку хотели украсть. Кстати, задержание зарегистрировано? Проведено в сводке? Ордер на обыск дома оформлен? – обернулся майор к Пилии.

– Нет еще.

– Немедленно оформить! – морозным тоном произнес майор и зашуршал бумажками.

– Не надо, не надо, очень прошу, какой обыск... – ошарашенно заныл Кукусик.

Майор долгим взглядом посмотрел на него:

– Как это не надо? Обязательно надо! – Потом, как бы раздумывая, добавил: – И все-таки жаль мне его, хоть он и сучий барыга... Зачем он должен один за всех на всю катушку отдуваться? Пусть те, кому он нес, расплачиваются.

– Дайте позвонить, – быстро проговорил Кукусик с пола, почувствовав какую-то теплею, но майор печально покачал головой:

– Никаких звонков, запрещено!

– Как же я скажу, чтобы деньги принесли? – развел руками морфинист.

– Что за деньги? – удивился майор, будто впервые в жизни услышав это слово. – Какие деньги, ты что? Садись лучше, пиши список наркоманов! Укажи всех, кого знаешь. И кому нес. И у кого купил. Пиши, как Руставели. А дальше мы сами...

– Не бойся, твоего имени никто не услышит, – заверил Пилия взъерошенного морфиниста, поднял его с пола и усадил на стул. – Напишешь – выпустим, еще на дорожку заход дадим. А не напишешь – все, хана тебе: в тюрьме на параше гнить будешь, носки вонючие лизать! С барыгами так делают, сам, наверное, знаешь.

Майор подтвердил, серьезно покачав головой:

– Замучают, не сомневайся. У тебя губы вон какие... Пухлые... Вмиг опетушат! Сколько у тебя отравы было? – осведомился он.

– стакан, не меньше, – ответил за него Пилия. – А может, и больше... Я еще не мерил... Утруска, усушка, – добавил он с намеком.

– Это не мой кокнар! Это вы его подкинули! – взвизгнул Кукусик, утирая кровавые сопли, но кулак инспектора снова рухнул ему на затылок.

– С кем кайфуешь? Кому нес?

После этого удара морфинист затих. Глаза его были закрыты, со лба тек пот, а из-под век струились слезы. Мелко трясая головой и посидев так в молчании (во время которого инспектор и майор обменялись понимающими взглядами), он хрипло прошептал:

– И что... И что вы с ними сделаете?

– С кем – с ними?

– Ну, кому нес... Если скажу?

– А ничего! – деланно-равнодушно ответил майор. – Скажем, чтоб деньги собрали, принесли, выкупили тебя – и всё. Что мы, псы, еще делаем? Вы же нас псами называете? Собаками?

– И... Больше ничего? Не посадите? – выдавил Кукусик, не открывая глаз. – Слово даете? Майор и Пилия опять переглянулись.

– Честное пионерское! – уверенно оказал майор, а Пилия добавил:

– Если всех наркуш сажать – места не хватит. На черта они нам?

– Ладно! – сказал Кукусик, прерывисто вздохнув. – Только меня не упоминайте. Вообще. Никогда.

Майор поспешно подтвердил:

– Конечно, дорогой, конечно, о чем речь... Зачем нам тебя упоминать, нам же хуже от этого будет... – Заметив, что Кукусик пару раз боязливо взглянул в сторону клетки, где маячила фигура убийцы, он предложил: – Давайте перейдем ко мне в кабинет! Кондиционер включим, боржому выпьем, а то жарко тут. Ну и лето выдалось! Я же говорил, что он хороший парень! – дружелюбно заключил майор, поднимаясь, а Пилия, взяв «дело», мимоходом спросил у морфиниста:

– Кандалы захватить?

– Нет, нет, зачем? – ужаснулся тот, и Пилия со звоном зашвырнул наручники в арсенал, цепко взял Кукусика за локоть, но тотчас отдернул руку и поспешно обтер ее о сорочку наркомана. – Да он весь мокрый, в ломке!

– Тем лучше! – откровенно ухмыльнулся майор.

Они втроем прошли по гулким этажам и оказались возле кабинета, на двери которого висела табличка: «Начальник уголовного розыска майор Г. И. Майсурадзе».

Пилия плюхнулся на диван, майор сел за стол и сорвал ненужный галстук, Кукусик поместился на краешке стула, заглядывая им в глаза. Он стал немного приходить в себя.

– Садись удобнее, не стесняйся, Кукусик, – сказал ему майор, доставая бумагу. – Тебе сколько листов? Три, четыре?

– Два, – неуверенно отозвался морфинист.

– На тебе пять.

Пилия, не вставая, дотянулся до сейфа и вытащил прозрачный полиэтиленовый пакетик, в котором темнело что-то вроде пятака.

Кукусик не спускал с него взгляда, как собака – с куска сахара. Пилия развернул пакетик и показал его издали морфинисту:

– Вот, видишь – опиум хороший, чистый, туркменский, не то что твой вонючий кокнар, солома негодная! Хочешь, небось, ломку снять? Ты же в подъезде не успел еще свой заход схавать?

– Не успел. Лучше бы все схавал.

– Сдох бы.

– Дайте – увидите. Я и больше хавал.

– Молодец. Вот опиум, хороший, туркменский, – показал Пилия издали темный пятак опиума.

Кукусик, сглотнув, кивнул и уставился на руку Пилии.

– Потом, – пообещал инспектор, пряча опиум в нагрудный карман. – Вначале напиши все как следует, а потом вместе покайфуем, если вот майор разрешит! – (Майор соорудил дружелюбную мину.) – И вообще, что ты с этими подонками возишься? Видишь, твою дочь украсть хотели – шутка ли? Захочешь кайфовать – приходи к нам. Здесь, в сейфе, всегда найдется заход для хороших людей. Всегда дадим! И от хулиганов защитим!

– Спасибо! – поблагодарил Кукусик.

Будучи слабым и трусливым, сейчас он вдруг почувствовал даже что-то вроде гордости: он, как равный, беседует с людьми из угро! Было похоже на сцену из видео... Что ж, действительно, если кто-то всех закладывает, то при чем тут он, Кукусик? Псы, видно, и так всё знают... Что делать? Он попался. Пусть теперь соберут деньги и выкупят его. Им же лекарство нес, рисковал, к Лёвику в такую даль, на Третий Массив, потащился... Пусть соберут! Другого выхода Кукусик не видел и успокаивал себя тем, что и так все известно. Не сидеть же ему, в самом деле... А собаки без денег не отлипнут...

Как бы отвечая на его мысли, майор придвинул к нему бумагу:

– Не бойся: все строго между нами. Никто ничего не узнает. Пиши. Потом снимешь ломку. Болят, небось, руки-ноги?..

Пилия отщипнул от опиума крохотную крошку и кинул на стол. Кукусик прямо со стола с хрипом слизнул ее.

– Пиши подробно: с кем кайфовал, когда, где. У кого покупали, кому отдавали, почем... Адреса, имена, телефоны, клички. А мы выйдем, чтобы тебе не мешать... Будь умницей, Кукусик, и не ищи приключений на свою задницу. В обиду не дадим, не оставим! – подмигнул майор и направился в коридор.

Пилия, кинув еще крошку и прихватив со стола бутылку «Боржоми», вышел следом. Закуривая, спросил у майора:

– Что будем с этим Амоевым делать?

– Подождем до утра. Я уже говорил с его отцом. Он должен утром принести деньги. Тридцать пять тысяч...

– Что?! Всего-то?! За убийство? – уставился на него с раздражением Пилия.

– Тридцать пять утром и столько же – вечером, всего семьдесят, – неохотно пояснил майор. – Поделим на троих – тебе, мне и начальнику.

Пилия проворчал что-то вроде «знаем этого начальника», но майор дружески положил пухлую ладонь ему на плечо:

– Ты же в курсе, как хорошо иметь дело с езидами – ни тебе звонков, ни ходатаев, только деньги – и всё. А еще говорят, что они жадные!

– Жаднее наших никого нет! – быстро ответил Пилия, весь вздуваясь от злобы: неделю назад прямо из рук ушел большой куш. Позвонили – и дело пришлось даже не закрыть, а захлопнуть.

– Отец этого Амоева – старший бригадир дворников, – сообщил майор. – Плакал у меня в кабинете: «Пять сыновей имею – и все по тюрьмам сидят, хоть этого оставьте, одного, для матери!...» Подождем до утра, а там решим. Да, я всегда говорил: езидов, курдов, греков, армян лучше всего ловить – сразу деньги на стол выкладывают. А от наших поди отбейся – чей-то сын, внук, племянник или даже дедушка, надо отпускать. Нет, лучшее место на свете – начальник милиции где-нибудь в Глдани или ТЭВЗе⁵, где одни черные падлы гнездятся!

В коридоре майор направился в туалет, а Пилия вытащил опиум, украдкой закинул в рот и запил маленькими глотками из бутылки. Потом поболтал через открытое окно с дворником, вздумавшем ночью спяну или по бессоннице мести двор милиции.

Когда они вернулись в кабинет, список лежал на столе.

Получив горстку своего же кокнара, Кукусик сжевал его без воды и отправился в клетку к убийце, окрыленный обещаниями, что завтра («Как только придет главный начальник!») его выпустят и дадут «на дорожку» опиума. А майор и инспектор склонились над бумагой и начали читать, изредка обмениваясь репликами...

Прочитав весь список, Пилия удовлетворенно кивнул:

– Ну, тут все ясно – будем действовать, как обычно. А с Кукустиком что делать?..

– На срок пускать – что же еще? – удивился майор.

– Ты же слово дал! – криво усмехнулся Пилия.

– Какое еще слово, ты что, рехнулся?

– Рехнулся не я, а ты! Разве можно его упускать? Он же душой стукач, разве не видно? Я из него сделаю главный передатчик! – сказал Пилия. – Азбука Морзе!

– Кто к нему после этого приблизится? – указывая на список, возразил майор. – Он же по горло в дерьме!

– Выгородим, не упомянем... Зачем резать курицу, золотом какающую? В общем, это мое дело. Тебе не все равно?

⁵ Новые районы Тбилиси.

– Делай что хочешь, – пожал плечами майор. – И не лень тебе возиться? Стукачей в городе больше, чем морфинистов!

– Не ты ли говорил, что в стукачестве – будущее нашей работы? Зачем бегать, искать, вынюхивать, сидеть в засадах? Может, лучше спокойно пиво пить и ждать, когда тебе позвонят и сообщат, когда, где и кого вязать?.. Еще один не помешает... Кстати, дай несколько обысковых ордеров.

– Я же давал тебе недавно! Ты что, их вместо туалетной бумаги употребляешь? – удивился майор.

– Кончились, – отрезал Пилия. – Бумажек жалко? Я сам их на ксероксе распечатать могу! – севшим голосом добавил он, расчесывая грудь от начавшего давить о себе зная опиума.

– Просто странно, – окрылся майор, но вынул из ящика пачку чистых ордеров, предпочитая не связываться с Пилией.

Инспектор сгреб бумажки:

– И список дай сюда! Я, может, еще вернусь, поработаю с ним...

Майор без слов отдал и список. Набрасывая на плечи кожаную куртку, рассовывая по карманам джинсов сигареты, бумаги, ключи, оружие, Пилия поинтересовался:

– Ну как, прошла у тебя голова после голубого боржома?

– Какого боржома? – не понял майор.

– Которым тебя в арсенале Гита угощала...

– А-а... Голубой боржом! – захохотал майор и долго еще после ухода Пилии улыбался и бормотал про себя: «Голубой боржом! Чего только не придумают! Голубой боржом, а, черт побери! Хорошо!..»

2

Продрав глаза и убедившись, что на работу в редакцию он опоздал, Ладо остался лежать в постели. Мучило похмелье. Мысли слепо шевелились в гудящей голове. В последнее время он совершенно выбился из колеи: кололся и пил.

Дошло до галлюцинаций: недавно, стоя на чьих-то похоронах, он вдруг увидел рядом с собой своего лектора, умершего два года назад. Лектор так неподвижно смотрел в глубь подъезда, откуда вот-вот должны были вынести гроб, что не ответил на приветствие, которое невольно вырвалось у Ладо. А Ладо, поглазев на него, вдруг осознал, что перед ним покойник. В страхе поспешил прочь, но, запутавшись в кустах, упал. Его вытащили и увели в какую-то квартиру, где пожилая женщина в черном поила его водой и оттирала виски уксусом, приговаривая:

– Несчастные, больные... У меня племянник тоже... эту наркотику... Жаль вас, потерянных...

Мысли съехали на сегодняшний день, вяло поковырялись в нем. Все перспективы – на нуле. Опять жить? Зачем? Какой смысл? Все надоело. Ничего не светит. Все враждебно. Денег нет и не предвидится. Наркота негодная, да и по цене уже недоступна. Чего ждать?.. Семья?..

Жена молчит, но молча ненавидит. Сын? Может, для него будет лучше, если такой отец умрет... Что видит ребенок?.. Одни ссоры, склоки и прочую дрянь. Родственников полно, с голоду умереть не дадут... А как покончить?.. Надо бы пистолет у кого-нибудь взять, да кто даст?.. Вот у Зуры наверняка есть...

Зура, бывший одноклассник, приволокся вчера вечером, как обычно, неожиданно. Сидел до ночи, пил чай, чесал густую бороду и полоскал мозги про то, что пора скинуть коммунистов и взять власть в свои руки. Ладо было наплевать, кто там шурует в Доме Правительства, а Зуру это волновало. Перекладывая сванскую шапочку по столу, он серьезно перечислял и подсчитывал: танки можно захватить на базе в Ахалкалаки, там охрана гнилая, за деньги сама пригонит, куда скажешь. Автоматы надо покупать в России – там дешевле. Наемников наwerbовать, если своих не хватит. Разом перекрыть все точки и центры, чтобы осадить собак, забывших родину, дом и хозяина. Потом перешел к любимой теме: с какого времени то или иное княжество можно считать составной частью страны? И до какого времени считать его свободным? И как эту свободу понимать?

– Текст принес? – перебил его Ладо.

Зура передал несколько страниц. Он писал повесть про древние времена и давал Ладо по главам на правку. По словам Зуры, большая часть была готова, осталось несколько глав, концовка. Странно! Пишет о старом, а беспокоится о будущем!.. И много таких. Ладо как-то попал на их сходку (не было места уколоться, и он попросился к Зуре в ванную). Пока готовил раствор, слышал краем уха, как Зура и его приятели вели степенные беседы о свободе, рабстве, о выходе из империи, если надо, немирным путем. Шли подсчеты бронемашин, снарядов и ресурсов для свержения коммунистов. «Грузия от моря до моря!» – шуршали они линейкой по карте, измеряя расстояние от Понта до Каспия...

Ладо попытался вновь заснуть, но затрещал телефон. Его любовница, Нана.

– Подожди! – прошептал Ладо и вышел посмотреть, нет ли кого в квартире. Пусто. Жена – на работе, мать – за покупками, сын – в школе. Он вернулся к телефону.

Нана была очень раздражена. Оказывается, вчера она весь вечер просидела в квартире уехавшей подруги, ожидая его, а он в это время сидел в мастерской у Художника, ожидая Кукусика с кокнаром. Но Кукусик исчез. В итоге – ни кокнара, ни Наны. Она злобно напомнила ему, что такое происходит не в первый раз, и ее терпение подошло к концу:

– Мне эти твои наркоманы неинтересны. Кукусики-Мукусики!.. Я тебя жду, жду, а ты...

– Послушай, я же не виноват, что этот проклятый Кукусик куда-то провалился! – огрызнулся Ладос. – Я и так умираю, напилась потом... А еще ты меня грызешь! Мне плохо!

– А мне, по-твоему, хорошо?! – взвилась Нана.

Последовали привычные упреки в эгоизме, хамстве, жалобы, угрозы. Он равнодушно внимал им, от всей души желая, однако, чтобы Нана сейчас оказалась рядом. Он так и сказал ей.

– Да я прекрасно знаю, чего тебе от меня нужно, – вздохнула она. – Только одного! Знаю! Хотя и этого, видно, уже не надо, раз вчера не явился... А могли бы побыть хоть немного по-человечески, в квартире... – Затем она заявила, что больше не собирается выбегать «на часок», что она не шлюха по вызову, что все это ей осточертело. – Я хочу семью, детей, свой дом, а вместо этого, как собачонка, бегу, куда поманишь! Все знают, что я твоя любовница! Пальцами показывают! А я хочу жить нормально!

– Но что же делать? – спросил он, окончательно просыпаясь и сознавая справедливость ее доводов.

– Раз ты все равно не собираешься на мне жениться, тогда будем считать, что я свободный человек и могу делать, что хочу! – заключила она металлическим голосом.

– Давай, делай, запретить не могу...

Она недобро засмеялась:

– И сделаю! И так сделаю, что ты, мой милый, даже и не узнаешь никогда! И получше тебя есть. И с деньгами. И не вечно больные, как ты... Раз уж я и так опозорена, раз ты сделал меня шлюхой, лучше мне стать любовницей какого-нибудь дельца... Хотя денег соберу на будущее!

– Да какой шлюхой я тебя сделал?! Ты в своем уме? Мало было у тебя до меня? Не пугай! – начал старую песню Ладос, зная, что она права, а он опустил и балансирует над ямой.

Его участь незавидна: цена укола равна месячной зарплате Ладоса... Это же – как чума и холера... Предположим, решил не колотиться, сбросил ломку, но вот звонят, говорят, что в городе появилось хорошее лекарство, можно выгодно купить – и всё! Хватаешь последнее, занимаешь у соседей, ворует у родителей, отнимаешь у сына, клянчишь у черта-дьявола, бежишь, берешь, колешься, садишься на иглу – и пошел по новой... А тут еще Нана с упреками!

А та продолжала на повышенных тонах:

– Посуди сам: мне тридцать лет, у меня ничего нет, а я сижу и жду, как дура, когда ты потащишь меня в какую-нибудь заплыванную дыру, вроде подвала этого недоноска Художника, и потрахает в грязи, причем за это время три раза постучат и два раза позовут со двора пьяницы и морфинисты. Всё! Я так больше не могу! Жизнь проходит, мой милый! Завтра ты найдешь себе новую, молодую девицу, а меня выкинешь, как тряпку! Нет уж, лучше я сама тебя брошу, пока не поздно!

Вдруг с улицы донесся голос Серго Двали. Ладос сказал:

– Извини, подожди, кто-то зовет, – накинул халат и спустился в подъезд.

Серго обтирал платком лысую голову:

– Слушай, Ладос... Такое дело... Там в машине Нугзар и Сатана, оба в ломке, все от них прячутся... надо что-нибудь найти для них, а то не отстанут... Всё объездили – нигде ничего нет. Одна дырка осталась – Рублевка на Авлабаре⁶. Ты можешь зайти к нему? Тебя он не боится. Сходи к нему, возьми, ради бога, а то они меня съедят. Мне Рублевка не дает, я ему много задолжал, а тебе он даст, тебя он уважает...

Ладос совсем не хотелось встречаться с вором и бандитом, но на улице хлопнула дверца машины, и в подъезд вошел Сатана.

⁶ Старый район Тбилиси.

– Ну что, есть? – спросил он у Серго, не здороваясь с Ладом и не глядя на него.

Серго растерянно пожал плечами. По его лицу Лад понял, что все это ему очень не по душе.

– Можешь взять лекарство? – уставился Сатана в упор.

– Могу, если есть.

– Поехали, – коротко приказал Сатана.

– Сейчас, халат переодену...

– Не надо! – И Сатана крепко ухватил Лада за руку. – Так поедem.

– В халате? – удивился Лад, чувствуя, как лапа Сатаны впивается в его локоть.

– В халате даже лучше. Если что, скажешь: сосед, зашел за сигаретами. Давай, давай, поехали!

И Сатана, схватив другой рукой Серго, силой поволок обоих на улицу.

В машине, на заднем сиденье, полулежал Нугзар. Он хрипло дышал, утирая лоб и сплевывая прямо на пол. Увидев Лада, он что-то неопределенно пробурчал и плотнее натянул на плечи чехол, сорванный с сиденья. Его трясло.

По дороге Сатана материл Серго и пару раз довольно сильно хлопнул его по лысине (Серго имел несчастье когда-то учиться с Сатаной в одном классе). Нугзар, разлепив губы, спросил:

– Думаешь, есть у барыги лекарство?

– Кто его знает...

– По сколько он пускает?

– Было по полтиннику чек⁷. На двоих идет.

– Вот сучья морда! – Сатана, в очередной раз обматерив Серго, с силой ударил лапой по бардачку, а Нугзар покачал головой, сплюнул:

– Это вам один на двоих, а мы на такой дозе сидим, что мне одному и пяти чеков не хватит. Что за время! Что за жизнь пошла! Раньше спрашивали – сколько человек один чек ширяют, а теперь спрашиваем – сколько чеков надо одному человеку ширнуть! Голяк пришел! Где он держит лекарство? – через некоторое время спросил Нугзар.

– Не знаю.

– Как не знаешь? Ты же заходишь к нему, берешь у него, колешься с ним – и не знаешь, где у него лекарство спрятано? – повысил голос Нугзар.

Лад не понравился эти намеки. Он ответил:

– Я колелся с ним всего два раза, по вынудиловке... Кроме меня, туда еще сто человек заходит!

– Ну, вот когда ты два раза заходил и колелся, откуда он доставал лекарство? – начал вьедаться Сатана.

«Тут надо следить за каждым словом!» – подумал Лад.

– Тогда он из холодильника вынул. Готовый раствор в пузыре.

– С кем живет эта гнида?

– С женой и сыном.

– У-у, знаю я его породу!.. – прорычал Сатана и щелкнул Серго по лысине. – Давай быстрее, козлина, умираем совсем!

Когда они приблизились к дому Рублевки, Сатана засуетился, вытащил из-под сиденья наган и сунул его в задний карман брюк. Тут до Лада дошло, что именно они собираются делать.

⁷ Расфасованная порция наркотика.

– Кинуть его хотите? – спросил он, стараясь голосом не выдавать недовольства от предназначенной ему роли, – после кидняка он, ясное дело, потеряет Рублевку. Может, последуют и более крупные неприятности.

– А что же, бабки этой падле платить?! – возмутился Сатана, крутя по привычке клок волос на своей лохматой голове. За этот клок, торчащий в виде рога, а также за взбалмошный упрямый характер его еще в школе прозвали Сатаной.

– Ну и дела... – пробормотал Ладо.

– Что такое? – захрипел Нугзар.

– Могли бы хоть предупредить...

– Кого? Тебя? Отчеты тебе давать?! – злобно застыл Нугзар. – Значит, так... Серго сидит в машине и не выключает мотора. А ты позвонишь – и всё. Дальше тебя не касается. Понял?

– Понял, – ответил Ладо, чувствуя холодок на спине. Рублевку он, конечно, потеряет...

В нужном месте Серго остановил машину.

– Сделаешь один? Или пойти с тобой? Трясет меня сильно, – сказал Нугзар.

– Обижаешь... Финку только дай.

Когда они вошли в подъезд, Сатана шепнул, обдав Ладо спиртным духом:

– Смотри, без глупостей! Не то голову отрежу! Звони! – и встал в стороне от обшарпанной двери.

На звонок долго не отвечали. Ладо в душе надеялся, что дома никого нет. Но вот раздалось шарканье, потом тишина – смотрели в глазок – затем стук упавшей цепочки, щелчок замка, и дверь приоткрылась. Ладо замешкался. Сильный толчок занес его в квартиру. Он споткнулся о порог и рухнул на пол. Сатана, кинувшись к Рублевке, резаным ударом свалил его с ног, ботинком наступил на руку и, приставив финку к горлу, хищно просипел:

– Лежать! Молчать! А то прикончу на месте! А ты осмотри квартиру, кто еще есть.

Ладо на деревянных ногах обошел затхлые комнатенки с облезлым ковром на стене. Никого. На галерее у шкафа жался мальчик.

– Никого. Сын.

– Дверь запри! – приказал Сатана и волоком, за шиворот, потянул Рублевку по полу в комнату. Ладо, не зная, что делать, поплелся в галерею. Из комнаты неслись звуки ударов, звон пощечин, брань Сатаны:

– Быстро! На стол всё! Скорей! Лекарство сюда, на стол!

Сын Рублевки, мальчик лет десяти, побелев от ужаса, замер, слушал гнусную брань, глухие толчки и вопли Рублевки:

– Нету, нету! Ничего нету! Это не мое было, это чужое! Чарликино лекарство было, клянусь! Чарлик приносил, прятал тут, я ничего не знаю! Его опиуха!

– Не шути со мной – голову разнесу! Всё сюда, на стол! – рычал Сатана.

Что-то звенело и падало. Рублевка визжал громче и громче:

– Нету, ничего нету! Кончилось! Ребенком клянусь, кончилось, нету!

– Ах, ребенком клянешься! – зловеще крикнул Сатана, ворвался в галерею, схватил мальчишку и поволок его в комнату, кинув через плечо: – И ты тоже сюда...

Ладо повиновался. В комнате, среди опрокинутых стульев и разбитой посуды, на скрипящей кушетке извивался Рублевка.

– Нету, значит? Сейчас увидим! – Бросив ребенка, Сатана уставился на Ладо: – Продавал он тебе лекарство? Отвечай!

Тот промедлил с ответом и тотчас получил ощутимый удар в челюсть.

– Отвечай! Или вы заодно?

– Продавал, – ответил Ладо.

– Ты слышал? – еще громче завопил Сатана и начал наносить Рублевке короткие, незаметные, но увесистые удары кулаком. – А еще ребенком клянешься, сучий потрох! Сейчас тебе

конец! – свирепо и торжественно провозгласил он, вытаскивая наган из кармана. – Последний раз спрашиваю – где лекарство?!

Рублевка что-то вопил. Тогда Сатана обернулся к мальчику, схватил его за волосы, крикнул:

– Отвечай, где лекарство! – и угрожающе занес нож.

– Оставь его! – закричал Рублевка. – Все отдам – его отпусти, зверь!

– Давно бы так! – процедил Сатана и оттолкнул мальчика. – Неси!

Тот убежал в галерею, а Рублевка пополз к гардеробу, покопался в нем и, не вставая с колен, вытащил из белья несколько полиэтиленовых пакетиков, чеков, в которых чернели пятна опиума. Сатана оттолкнул его, вывалил всю стопку простынь – и на пол посыпались другие пакетики.

– Этого мало! Где еще?

– Нету больше. Убей, нету... – канючил Рублевка, сидя на полу и размазывая кровь по лицу.

– Убью, не сомневайся! Давай, Лад, включай уют – он думает, мы тут шутки шутим, из-за двух чеков пришли. Сейчас убивать будем! Сперва тебя, потом – сына...

И Сатана, склонившись над Рублевкой, стал запихивать дуло нагана ему в рот. Рублевка, мыча, вырываясь и по-собачьи мотая головой, пополз к колченогой тумбочке и вытащил из нее банку из-под сметаны, залитую черной массой. Сатана велел ему собрать чеки, разбросанные по комнате, и сложить туда же, в банку.

Пока Рублевка, оттирая кровь, собирал чеки, в квартире стояла тишина, только слышалось хриплое дыхание Сатаны, шорох пакетиков и всхлипывания мальчика из галереи. Рублевка дрожащими руками протянул банку Сатане. Тот глазами указал на стол. Барыга поднялся с колен и поставил банку на стол. Он тоже всхлипывал, судорожно икая.

– А теперь деньги! – приказал Сатана и взял двумя пальцами Рублевку за кадык.

– Какие деньги? – успел пискнуть он, но Сатана свалил его с ног, прижал подошвой его щеку к полу, а лезвием финки пощекотал его затылок:

– Где деньги, падаль?

Рублевка в предсмертном ужасе клокотнул что-то.

– Где? – шепотом спросил Сатана, не отрывая ножа от мелко дрожащего затылка.

– Там, там! – засипел Рублевка. – В столе, на кухне...

Сатана поволок Рублевку на кухню. Послышался стук открываемых ящиков, звон вилок и ложек. Сатана вернулся, на ходу просматривая купюры. За ним плелся Рублевка, бессильно опустив руки и неся какую-то чушь:

– Никогда не знал... У меня ничего, это все Чарликино... Артуркино... Откуда у меня лекарство? Что мне Чарлику отвечать? В глаза не видел...

– Врешь, все это твое, – пряча нож, сказал Сатана и, взяв банку, пригрозил: – Чтб молчал, сука, а то вернусь и перережу всю семью!

Они уже были в прихожей. Вдруг Рублевка кинулся на колени:

– Сатана, оставь пару чекушек, я умру в ломке, прошу тебя, оставь хоть пару!

Сатана, не глядя, вытряхнул из банки на пол пару пакетиков...

Потом была какая-то страшная хата в Сололаки⁸, разбитый шприц, хрипы Нугзара, охи Сатаны в очередном приходе, его севший шепот, которым он хвалил лекарство и говорил Лад, что барыгу они кинули вместе, и теперь самое время повеселиться, что Лад не должен обижаться на него за удар в челюсть – так было надо и так лучше, пусть Рублевка думает, что не он один пострадал, что они заставили Лад это сделать – теперь Лад не потеряет барыгу и всегда сможет обратиться к нему, если надо.

⁸ Старый район Тбилиси.

– Ну, извини, если сильно получилось, – в опиумном угаре расчувственно лез он извиняться и целоваться. – Думаешь, мне мальчишку мучить было с понта? А что делать, если фатер-барыга не раскалывается?

От лошадиных доз Ладо и Серго были не в состоянии отвечать и полуспали с горящими сигаретами в руках (хотя будто видели сквозь закрытые веки), пока все не померкло в блаженной мгле.

3

В подвальной мастерской у Художника ожидали опиум.

Человекообразный Черный Гогия, двухметровый бывший баскетболист, плашмя лежал на кушетке, не шевелился. Руки свисали до пола. Ботинки упирались в стену.

Лысый Серго Двали пытался читать газету, но поминутно складывал ее, смотрел на часы, перебирал в портфеле бумаги, вытирал потную лысину комком платка. Он был инструктором райкома и вечно куда-то опаздывал.

Директор магазинчика «Ткани» на Дезертирском базаре, Нодар Баташвили по кличке Бати, тщательно выбритый и холеный, накручивал телефонный диск, с неприязнью поглядывая вокруг холодными глазами.

Рыжий Арчил Тугуши, работник ВЛКСМ, время от времени повторял, что он пропускает уже второе заседание, его наверняка разыскивает начальство и надо позвонить вахтеру.

– Да ты на себя посмотри, кому ты нужен! – отвечал на это Бати, с издевкой указывая на сползшие с задницы Арчила джинсы и не подпуская его к телефону.

Что-то прибирала на загаженной кухне женщина, которую все звали Анкой.

Сам Художник, нищий любитель дармового кайфа, копался в углу. Он был из тех, которые питаются остатками чужих пиршеств, расплачиваясь за это своей хатой, где обычно собирались, ждали, варили из кокнара героин, кололись. Когда все уходили, он заново переваривал остатки, выжимая для себя какие-то крохи второй свежести: «вторяк» кайфа практически не давал, но ломку снять на время мог.

Все были удручены. Несчастья сыпались одно за другим. Вначале, несколько дней назад, пропал с деньгами Кукусик – поехал за кокнаром и не вернулся. Потом Рублевка, их обычный поставщик, был избит и ограблен. А теперь вот приходилось мучиться в ломке, ожидая Ладо и Гугу, которые отправились за Красный Мост, в Азербайджан, к татарам, наобум – авось что достанут.

Время от времени кто-нибудь вполголоса ругал Нугзара и Сатану: кинули Рублевку – а остальным что теперь делать?! Всех в логе оставили! Наконец Серго окончательно рассердился, потому что за этот кидняк винили в основном его. Блестя лысиной, он заявил, что во всем виновата советская власть:

– Всюду дефицит! Было бы лекарство – стал бы я Ладо беспокоить? Или привязались бы эти бандиты ко мне? А так... Да они просто не выпускали меня из машины – и всё!.. Вы что, Нугзара не знаете?.. Сатану?.. Да и кто, в конце концов, этот вонючий Рублевка? Барыжная рожа, мать его!

– Рожа-то он рожа, но вот видишь, теперь без лекарства сидим! – злобно начал точить его Бати. – Нугзар и Сатана сейчас по грамму делают, а мы сидим и хер сосем!

– Ты, может, и сосешь, а я просто жду! Да что ты ко мне привязался? Я, что ли, Рублевку кинул? – окрысился Серго. – Или запретишь бандюгам барыг кидать? Кинули – и всё. Ни тебя, ни меня не спросили!

– Не надо было им вообще барыгу показывать! Не в свое дело сунулся!

– Не показывать? – повысил голос Серго. – Вот я бы посмотрел на тебя, как это ты вору в ломке барыгу не покажешь! Я припарковался, хотел «Боржом» купить, Сатана меня заметил – и всё.

Художник, желая унять спор, поинтересовался, куда они отправились после кидняка – он был немного обижен, что они не приехали к нему, и мысленно облизывался, представляя, сколько «вторяка» осталось бы после них.

– Мы уже ехали к тебе, но по дороге Сатане взбрело в голову ехать колоться в какой-то подвал, где ему первый раз в жизни сделали морфий... Это где-то наверху, около ресто-

рана «Самадло»... Можно прямо в горы уйти по тропинкам... Какая-то комната, карманники, карты, водка, грязь, вонь... Ангидрида совсем мало было, иглы старые, тупые, гнутые, с заусенцами! Воды нет, шприц треснутый, пузырь грязный, выпарить ангидрид не на чем – ни миски, ни тарелки чистой! Щипачи стаканами чачу пьют! Всюду объедки, окурки, водка разлита, пьяные дети под столом дерутся. В общем – конец света! Адский ад!

– Сколько забросили варить? – поинтересовалась из кухни Анка.

– Не знаю, у них заход лошадиный. На мазут было лекарство похоже. Черное, как нефть! – Серго махнул рукой. – Эти звери себе по четыре захода вмазали, я и Ладоса всего разок по два куба пустили – и чуть не подошли! Я потом дома весь вечер около унитаза провел. Наизнанку выворачивало, даже дети спрашивали: «Что с тобой, папа? Опять отравился пирожками?» – а жена, кобра, говорит им: «Да-а, что-то ваш папа часто травиться стал пирожками уличными!» А мать только сидела и плакала...

В это время Черный Гогия заворочался и оглушительно икнул. Из его громадного носа лились сопли, глаза были полны слез. Он взревел, кашляя и захлебываясь мокротой.

– Чихает! – с уважением оказал Тугуши, опасливо поглядывая на гиганта.

Переждав, все опять обратились к Серго:

– Ну, дальше!

– Что дальше?.. На прощание дали нам с Ладосом по чеку и исчезли... Я свой чек наутро сделал, – поспешил подчеркнуть он, увидев возникший на лицах плотоядный вопрос. – Уж как Сатана бедного Рублевку бил!.. Сам я не видел, в машине сидел, но Ладос рассказывал... Ребенка за волосы в воздух поднял, чуть не прирезал!

– Подлец! – сказал Художник возмущенно.

– Правильно. А что делать, если барыга не раскалывается? – важно заметил Тугуши, на что Бати засмеялся:

– Да ты, клоун, хоть раз в жизни живого барыгу видел хотя бы издали, специалист херов? Художник тоже накинута на Тугуши:

– Что правильно? Что правильно? Ты свихнулся? При чем тут ребенок? Он-то в чем виноват?

– В том и виноват, что сын барыги, – отозвался Тугуши.

– Сын за отца не отвечает. Это еще ваш кумир сказал.

– Сталина не трогай! При нем порядок был и морфий в аптеках продавался! – возмутился Тугуши.

Тут Черный Гогия, сев на кушетке, тяжело дыша и загнанно озираясь по сторонам, жестами попросил воды. Он явно не понимал, где он. Анка принесла ему стакан, но он после первых же глотков опять начал икать, потащился в туалет, где начал блевать так зычно и гулко, что Художник поспешил закрыть окна: соседи услышат! Но Бати заставил открыть их снова:

– Задохнемся! Будто твои соседи не знают, что у тебя творится! Зайдут десять нормальных человек – и вываливаются через час с красными мордами, как задницы у павианов. Один раз вызовут на нас ментов, попомните мои слова! Открывай, задохнемся в этом карцере!

Разговор опять вернулся к Рублевке. У него они давно брали лекарство, и всегда все было в порядке, Рублевка всех устраивал – быстро, тихо, надежно. Но вот кинули его, и надо искать нового.

– Еще, оказывается, Рублевка после кидняка выпрашивал у Сатаны лекарство, ломку снять, – сообщил Серго, тщательно обтирая платком шею и голову. – Хотя чему удивляться? Помню, когда у Чурчелы мать повесилась, он все равно пришел на стрелку и тоже выпрашивал у всех лишний заход – мол, мать повесилась, пожалейте!

– Из-за него она и повесилась, между прочим!

– Где сейчас этот Чурчела?

– Кто его знает? Подохо, наверное, где-нибудь... Он же все на Украину за кокнаром ездил...

Опять вспомнили Сатану и Нугзара – гуляют, небось, с бабами, колются, видео смотрят, фирму курят, а ты сиди тут и жди, когда от татар приедут... Привезут ли еще?.. Неизвестно.

Из туалета неслись харканье и хрюканье. Потом Черный Гогия вылез и обвел всех бессмысленным взглядом из-под черных, сросшихся бровей. Его спортивная куртка была вся загажена.

– Уф-ф-ф... – протянул он тоскливо, делая суставчатыми мосластыми руками какие-то движения и повалился на кушетку.

– Что с тобой, Гогия? – забеспокоились все.

Труп был тут никому не нужен. Один Бати безучастно смотрел на мучающегося гиганта.

– Ох и ломает его! – пожалела Гогию Анка, мокрой грязной тряпкой отирая с него блевоту.

– Где же они, в конце концов?! – встревоженно произнес Серго, меряя мастерскую шагами. – У меня совещание в четыре. Как я там в ломке буду сидеть?

Что-то вспомнив, он кинулся к телефону, почти вырвал его из рук Бати, долго набирал номер, так же долго просил кого-то позвать, ждал, опять долго просил кого-то кому-то что-то передать. Бати принялся ругать бандитов:

– Кинули – и всё! А мы? Мне тоже в торг надо... Сколько, кстати, денег дали Гуге и Ладю?

Художник принялся считать:

– Гогия дал триста рублей. Тугуши – сто. Серго – свои сто и пятьсот чужие. Анка – пятьдесят. У самого Туги был чужой столик. И ты дал сорок три...

– Сорок три? – возмущенно переспросил Тугуши, вертя рыжей головой. – Уж и не помню, чтобы Бати хоть раз положил что-нибудь круглое! Всегда у него то двадцать семь рублей, то двадцать восемь... Сегодня вот сорок три. А сам миллионами ворочает у себя в магазине! Как ни войдешь к нему – полки пустые, покупателей нет, а продавцы столбики считают...

– Тебя не спрашивают! – огрызнулся Бати. – За своей задницей следи!

– Как это меня не спрашивают? А заход будешь требовать полный! – закипятился Тугуши.

– Да кто ты такой, сопляк, чтобы мои заходы считать? – Бати встал вплотную к Тугуши. Он не любил Тугуши, как, впрочем, и всех остальных на свете.

– Хватит, без вас тошно! – попросил Серго.

Минут двадцать все в молчании бесцельно бродили по подвалу. Самое страшное – ждать. Намного легче бегать, ездить, искать самому, чем сидеть и ждать, ждать, ждать...

Тут Черный Гогия со стоном попросил его поднять. Тугуши и Художник потащили его в туалет, сгибаясь под тяжестью громадной фигуры, обвисшей, как труп. Одна рука гиганта волочилась по полу, другой он цеплялся за шеи парней, хлюпая носом и пуская слюни. Лицо его искажала идиотская улыбка, но потухшие глаза были угрюмы и злы.

– А когда они уехали? – тоскливо спросила Анка.

– Да часов шесть, не меньше...

– Может, они в Гянджу дернули?

– Они к Сайду собирались, в Казах, – уточнил Художник.

– К Сайду?.. Да у него лекарство негодное, – поморщился Бати.

– Кто тут уже о кайфе думает?! Лишь бы ломку снять, – отозвался Серго. – И что за жизнь проклятая?! Даже наркотиками не могут обеспечить население!.. Спичек – нет, пасты – нет, мыла – нет, кайфа – нет! Одна перестройка кругом недоделанная... Ее не хватало! Раньше хоть лекарство было! А сейчас ничего нет!

В туалете что-то гроыхнуло, упало. Дощатый пол мастерской вздрогнул.

– Гогия навернулся! – поспешил на шум Художник.

Из туалета доносились стоны. Потом вылез Черный Гогия. Качаясь, он по стенке дотопился до кушетки. Ежился, вздрагивал, делая руками такие движения, будто что-то набрасывает на себя. Его бил озноб, и кушетка скрипела под его громадным телом.

В этот момент раздался стук в дверь. Художник кинулся открывать. На пороге возник мужчина в возрасте, одетый в белоснежный костюм и черное шелковое кашне с узорами. Он снял темные очки, оглядел мастерскую, нашел глазами Серго и спросил у него упавшим голосом, брезгливо не переступая порога:

– Не приехали еще?

– Пока нет... Ждем.

Мужчина в растерянности сложил дужки очков.

– Что же делать? И не звонили?

– Нет.

– Клянусь двумя внуками, никогда в жизни больше с вами не свяжусь! Мальчишки! – покачал он седой головой и, не слушая объяснений Серго (это был его знакомый, какой-то чин из Совмина), вышел, громко хлопнув дверью и бросив напоследок: – Я буду у себя в кабинете.

– Рассердился! – сказала Анка.

– Рассердился, ничего себе! Пятьсот рублей дал, а лекарства нет. Вы бы видели его компанию – все уже дедушки, на тысячи берут... Сейчас, видно, у них кончилось, вот и обратился ко мне. А я подвожу, неудобно, – проговорил Серго.

– Да ты просто сломать оттуда надеялся, а лекарства нету и ломать неоткуда! – злобно заметил Бати, опять берясь за телефон и передразнивая Серго: – «Неудобно»!

Серго махнул рукой, ничего не ответил. Все ходили из угла в угол. Изредка кто-нибудь приближался к окнам и с тоской осматривал пустой двор, где сутились воробьи, валялись разморенные кошки и две женщины развешивали белье на веревках. Разговаривать ни о чем не хотелось. Бати от нечего делать рассматривал картины на стенах, которые потускнели и местами даже закоптились от бесконечных варок.

– Продаешь их? – спросил он наконец.

Художник замялся.

– Охота тогда тебе их малевать! Кому они нужны?

– Он для себя рисует. Что ты понимаешь?! – вступилась за Художника Анка.

– Ох, ты тут большой специалист по кларнету! Будешь еще много рассуждать! – злобно оборвал ее Бати.

– В живописи она мастер! – засмеялся Серго. – Ты спроси ее, куда она дела рисунки Гудиашвили, которые тот дарил ее бабке, известной пробляди?

– Куда она могла их деть? Проширяла, наверное...

– Она сделала с них копии, а подлинники продала евреям, которые в Израиль сваливали. Так?

– Так, – подтвердила Анка, и улыбка возникла на ее иссохшем лице. – Потом в Азию поехала, в Бохардын... Ну и ширялась же я там полгода!.. Прямо в маковом поле!

Все опять стали подходить к окнам, всматриваться в пыльных кошек, слушать, не грохочет ли машина Туги, которую по глушителю было слышно за версту. Духота стояла адская. Сырые стены не давали дышать. Из кухни воняло. Ожидание и неизвестность невыносимы. Вдобавок нет воды, туалет смыть нечем.

Так прошло еще около часа.

Вдруг Анка, стоящая у окна, крикнула:

– Приехали!

Все с грохотом повскакали, кинулись к окнам. Действительно, из запыленной машины устало вылезали Туга и Ладо.

– По рожам видно – пустые! – со злобой определил Бати.

– Не каркай! Неизвестно... Вон Туга будто улыбается!

– Какой там улыбается! Это у него в ломке мускулы не держат, – объяснил Тугуши.

– Хмурые идут оба, хму-у-рые...

– Плохо дело...

Войдя в подвал, Туга швырнул на стол деньги.

– Пролет. Никого нет. Сайд уехал в Кисловодск отдыхать. Вагифа забрали. Курбан в больнице, Сабира не нашли, Абдуллу ждали три часа – ничего не принес. На Красном Мосту полно псов из управления, хорошо еще, вены не проверили...

– Что же делать?

– Не знаю.

Анка принялась снимать фартук. Все подавленно молчали.

– Поеду к Изольде, может, там что-нибудь есть...

– Это в Мухиани⁹, что ли? Опять часами ждать! – со слезами в голосе произнес Тугуши.

– Рабство, – пробормотал Серго, вытирая лысину.

Вдруг Бати, пристально смотревший на приехавших, зловеще сказал:

– А вы, ребята, в кайфе!

Туга смутился. Тут и другие увидели, что они почесываются и курят большими затяжками. Ладо ответил:

– У меня был чек от Нугзара. Мы по дороге заехали ко мне, в подвале ширнулись. Там и на двоих-то еле хватило. Что было делать? Так бы мы до татар не доехали...

Что отвечать? Деньги – вот они. А опиума нет. Все подавленно молчали, только Бати что-то угрожающе бормотал сквозь зубы да тяжело ворочался на кушетке Черный Гогия.

⁹ Новый район Тбилиси.

4

После оперативки майор отпустил всех сотрудников, кроме двоих. Мака из угла отрешенно глядел в окно. Пилия сел за стол.

– Что нового по Кукусику? – спросил майор.

– Он чуть не свихнулся, когда я объявил ему, что против него возбуждается уголовное дело, – ответил Пилия.

– А он как думал, подлец? Заложил своих дружков – и всё? – усмехнулся майор, поправляя на пустом столе ручку и пепельницу.

– Когда я показал ему папку, он чуть не обкакался. Плакал, кричал, что мы слово дали... Потом сник и выдал еще один список! – сообщил Пилия.

– Большой? – заинтересовался майор.

– Человек на десять.

– Хорошо! – обрадованно захохотал майор. – Это же клад, а не Кукусик!

– А ты такой клад хотел в тюрьме закопать, – заметил Пилия.

– Э, да ничего я не хотел! – махнул рукой майор. – Чем эти списки отличаются?

Пилия открыл папку:

– В первом списке он, дурачок, попытался схитрить: написал имена известных в городе морфинистов, которые или сидят, или умерли, пустые номера, Стандарт, Карандаш, Вазо, Амир... И несколько имен детей вакийских и сабурталинских¹⁰ шишек, устанем на телефонные звонки отвечать и отпускать...

– Чтoб они провалились! – сквозь зубы проворчал Мака. – Бегаешь, ловишь – а толку?

Но майор возразил:

– Не торопись, Мака! Это самый выгодный товар! Ты что, не знаешь, как обстоят дела с наркотиками? Никто и пальцем не пошевелит, чтобы помочь, никто! Лучше за убийцу просить, чем за морфиниста! Звонить-то они звонят, но если до большого шума довести, то все эти звонители тут же в кусты дриснут и замолкнут! Или большие деньги принесут. Ну, а второй список?

– А второй – реальный. Плюс парочка адресов, где они колются, – сообщил Пилия.

– Кто хозяева хат? Знаешь?

– Какое имеет значение? Не знаю – узнаю, куда они денутся? – пожал плечами Пилия.

– Ладно, всё в рабочем порядке. Прямо сегодня и начните прочесывать по реальному списку, – велел майор.

– Ты как, Мака, в форме? – спросил Пилия у напарника.

– Мне все равно, – обронил безучастно Мака. Он недавно перешел из транспортной милиции в угрозыск, еще до конца не вник во все тонкости и поэтому инициативы не проявлял. Им лучше знать, с чего начинать и чем заканчивать. Он уже понял, что ему, как новичку, в любом случае достается меньше всего из общего улова.

– Ну-ка, дай сюда! – И майор, нацепив очки, взял лист и начал вслух читать: – «Шалико Сванидзе, студент ГПИ. Родители в деревне, где живет, не знаю. Два раза курил с ним анашу»...

– Насчет Сванидзе я уточнил у него потом. Знаю курс, факультет и адрес, – вставил Пилия.

– Ну и бери его прямо в этом ГПИ. Сколько мы уже переловили в Политехе идиотов – а все новые появляются. Удивительно! Их что там, на лекциях специально учат наркотики принимать? – поморщился майор и вернулся к чтению: – Так... «Гуга Арвеладзе, доктор.

¹⁰ Ваке и Сабуртало – центральные районы Тбилиси.

Несколько раз брали вместе опиум. Где живет – не знаю, что делает – не знаю, телефон не знаю». Короче, ничего не знает, гад! Что за доктор?

– Я уточнил. Этот Гуга – медик, работает в лаборатории при психиатрической больнице.

– Это в лаборатории бывшего министра? – уточнил майор.

– Они там все кайфуют, – проворчал Пилия, приглаживая короткие волосы.

– Доктор, доктор Айболит, у меня яйцо болит! С доктором поговорим по-научному! – развеселился майор. – Так, это кто? «Двали Серго, лысый, инструктор райкома или что-то такое»... Какого района?

– Ленинского.

– В такую даль переть! – заметил Мака, закуривая.

– Отец Двали – партком цементного завода, кажется... Кукусик точно не знал, – сообщил Пилия.

– О, очень хорошо, цементный завод – это просто отлично! – расплылся майор. – С этого Серго и начнем. Так, дальше... «Тугуши Арчил. Познакомились в Бакуриани¹¹. Несколько раз курили анашу. Работает в комсомоле, который в Сололаки».

– В ЦК комсомола, что ли? В этом ЦК года полтора назад, помню, столпотворение было – кто-то кодеин продавал, то ли вахтер, то ли инструктор, – вспомнил майор.

– Ты путаешь, – поправил его Пилия. – Вахтер продавал в Министерстве здравоохранения, а в ЦК работал тот клиент, через которого мы вышли на валютчиков. Еще из профсоюзов звонили, помнишь, просили отпустить?

– Ладно, дальше! – поморщился майор. – «Нодар Бати, директор магазина на базаре, три раза кололись вместе». О! Гусь! Директор на базаре! – Майор поднял палец. – Это самое вкусное!

– Да, это в точку! Я уточнял – директор магазина тканей на Дезертирке... – сказал Пилия.

– Его я беру на себя! – перебил майор, но тут Мака заскрипел стулом:

– Нам, значит, комсомольцы и коммунисты, а тебе – директора базаров и магазинов?

Пилия удивленно обернулся к нему.

Майор развел руками, досадливо объяснил:

– Что значит – мне? Нам, нам! Мы, по-моему, вместе работаем! Ты брось эти штучки – мое, твое! Это у вас в транспортной, наверно, так было: кто успел, тот и съел, кто зайца поймал – тот его и зажарил, а?.. Тут не так, дорогой мой! Тут мы в группе и друг друга уважаем! Ты хороший парень, я сам взял тебя, знаю, что у тебя больна мать, что ты игрок, что тебе нужны деньги, что у тебя долги, но держи себя в руках! – внушительно взглянул на него майор и вернулся к списку: – Так... «Художник, у него на хате колются»... Адрес... Хорошо. А это что за «Ладоморфинист»? Ничего нет, только телефон...

– Он не знает ничего, кроме телефона, да и то не уверен... Сказал, что этот Ладоморфинист недавно ходит к Художнику...

– Проверим... «Анка, бездомная блядь»...

– Бездомная? Что с нее возьмешь? – проговорил Мака, чувствуя, что ее обязательно поручат ему: тренируйся, мол, на блядах, пока опыта борьбы с убийцами маловато!

– Это у вас в транспортной было плохо, если бездомная, а у нас это как раз хорошо! Что возьмешь? А сводки, факты, стук-стук? Мало тебе? – опять накинута на него майор, уставившись в упор голубыми глазами. – За стукачами – будущее!

– Кстати, я уточнял – эта Анка уже дважды сидела, в третий раз точно не захочет. И вдобавок – голубой боржом, а, товарищ майор? – подмигнул Пилия начальнику. – Говорят, Берия бабам снотворное в вино наливал, а потом трахал их от всей души, пока они дрыхли...

– При чем тут Лаврентий Павлович? – поморщился майор.

¹¹ Горнолыжный курорт в Грузии.

- Просто так... А Гита тебе звонила?
- Конечно, – нехотя ответил майор.
- Соскучилась, небось? – усмехнулся Пилия.
- Что тут смешного? – вдруг вспыхнул майор, заметив, как инспекторы переглянулись между собой.
- Она единственно чего не любит, это когда у мужчин зеркальная болезнь, – пояснил Пилия.
- Какая еще болезнь? – подозрительно уставился майор, но Пилия сделал вид, что не слышит вопроса, а Мака спросил:
 - Брать когда поедет? Время идет. Днем жарко будет мотаться туда-сюда по городу...
 - Да, хорошо, что вспомнил, – вдруг вскинулся Пилия. – Кукусик сказал, что этот Гуга Арвеладзе привез из Москвы какой-то аппарат, который дает кайф!
 - Препарат?
 - Аппарат.
 - Может, эфедрин? – предположил Мака.
 - Какой же ты тупой! – в сердцах воскликнул Пилия. – Говорят тебе – аппарат! Понимаешь? Машинка, вроде швейной: на голову что-то надеваешь, включаешь, крутишь ручку – и человек в кайфе!.. Понятно?
 - Ничего себе! – присвистнул Мака. – Да с таким аппаратом мы в два счета без работы останемся, на хлеб и воду сядем – весь город будет день и ночь ручки крутить...
 - Ну, не будем торопиться. Возьмем этого Гугу – тогда и про аппарат узнаем. Раз привез – значит, не увезет. Езжайте за сыном цементного завода, Серго Двали. Прямо сейчас... – приказал майор и сунул очки и ручку в нагрудный карман голубой рубашки.
 - Да, я еще уточнил: проколы есть у всех, можно просто руки смотреть – и брать! – сказал Пилия.
 - Ты, я вижу, так науточнялся ночью, что на Кукусике живого места не осталось наверняка, – засмеялся майор. – Ну, с богом!
- Когда Мака вышел в коридор, Пилия, наклонившись к майору и заглядывая в его безмятежные голубые глаза, тихо, но со значением спросил:
 - Деньги за Амоева получил?
 - На коленях просили подождать еще день. Лето, людей нет, не успели собрать полную сумму. Завтра в десять, – ответил майор, а Пилия покачал головой:
 - Уже третьи сутки пошли, не нравится мне это...
- Но майор перебил его:
 - А мне не нравится, что ты Макаке обещал долю за Амоева!
 - Мы же брали его вместе!.. Он даже чуть не пострадал...
 - Это его обязанность. Я приказал – он исполнил, и всё! А мы дело раскапывали! Я и ты! Если каждому доли давать – денег не напасешься!
 - Он не «каждый», он твой сотрудник, а мой напарник!
 - Прошу тебя без моего ведома никому ничего не обещать! – холодно подытожил майор.
- Пилия надел фуражку, не забыв, однако, объяснить майору напоследок, что зеркальная болезнь – это когда мужчина может увидеть свою чучушку только в зеркале, а по-другому – пузо мешает.
 - Доиграешься у меня со своими шуточками! – прошипел майор ему в спину. – Ты на себя посмотри! Как в том анекдоте, где слон спрашивает верблюда: «Почему у тебя сиськи на спине?» «Не тебе, хуеносому, спрашивать!» – отвечает верблюд.
 - Сам ты верблюд. Счастливо оставаться! – не оборачиваясь, ответил Пилия и хлопнул дверью. Мака молча последовал за ним.

По коридору с бумагами и папками деловито ходили сотрудники, о чем-то беседовали, кого-то ждали, искали, звали. Инспекторы поспешили в свой кабинет. Как только они оказались одни, то заперли дверь и оба сразу неувовимо преобразились: лица стали сосредоточенны, движения – резки, слова – отрывисты. Мака начал протирать пистолет, считать патроны, а Пилия открыл сейф, вынул таблетки, разложил их по две штучки и стал методично забрасывать в рот, запивая резкими глотками воды из графина.

Мака неодобрительно поглядывал на него, копаясь в карманах своей куртки. Пилия поджег пустые пачки в пепельнице. В этот момент снаружи властно постучали.

– Кто? – крикнул Пилия, чуть не подавившись.

– Я, Рухадзе! Что вы заперлись?

– Ну, только прокурора нам не хватало! – прошептал Мака и поспешно выбросил тлеющие остатки из пепельницы в окно.

– Дурак, весь двор в бензине! – прошипел в ответ Пилия и открыл дверь. В кабинет вошел щегольски одетый благоухающий прокурор. Уловив замешательство и запах горелого, он с насмешкой спросил:

– Что это вы тут делаете? Марихуану курите?..

– Нет, коку жуем, – отозвался Пилия.

– У меня есть сведения, что вы задержали некоего Кукусика...

– Да, – насторожился Пилия. Но откуда прокурор знает об этом? Арест не оформлялся в сводке, дело не открывалось. – А что?

– Ничего. Просто это мой родственник, сын племянницы. Надо бы с ним полегче... Что у него?

– Пакет кокнара. Идите к майору. Мы люди маленькие, не нам решать, – процедил Пилия.

– Его надо отпустить, а то племянница обидится!

– Есть, товарищ начальник! – козырнул с издевкой Пилия, который, как и все оперативники, терпеть не мог прокуратуры. – Побежал отпускать!

Рухадзе, поозиравшись и покачав головой, вышел.

– Вот петух! – возмущенно прохрипел Пилия, постепенно наливаясь кодеиновой истомой. – Ты представляешь: Кукусик – его родственник! Благоухает, как шлюха! А как-то по пьянке в ресторане заявил майору, что меньше двадцати пяти тысяч баксов не берет, руки не пачкает! Вот так-то, братишка, двадцать пять штук зеленых, не меньше! А тут гоняйся за всякой сволочью по мелочевке! Были бы деньги – ушел в дельцы, клянусь! – угрюмо заключил он и ногой захлопнул дверцу сейфа. – Фактуру для подкидона не забудь!

Мака достал из сейфа два черных пятака опиума в полиэтилене.

– Хватит?

– Добавь еще, жалко тебе, что ли? Чем больше – тем лучше. Мы его все равно попозже обратно заберем... Давай, снаряжайся!

Они сноровисто собрались, почти бегом проскочили коридоры, лестницу и уселись в машину.

– Значит, лысый Серго?.. Ему есть что терять. И ему, и семье, и отцу! Его можно брать голыми руками. Считай, что он уже наш! – сказал Пилия, ловко выводя машину из узких ворот милиции.

В дороге он непрерывно курил, сипел, чесался, плевал в окно. Кодеин выкрасил его лицо в бурый цвет. Мчался он без всяких правил, сигнала, распугивая попутные машины и показывая неприличные жесты гаишникам, кидавшимся остановить лихача. Мака неодобрительно поглядывал на него и, когда они были недалеко от цели, сказал:

– Приведи себя в порядок! На обезьяню задницу похож!

– За собой следи! – бросил Пилия, но форменную рубашку застегнул, волосы пригладил, а Мака надел фуражку и даже напялил галстук на резинке.

Оставив машину во дворе райкома, они узнали, где находится нужный им кабинет, и избежали по лестнице. Пилию распирало от кодеина, тянуло лететь по ступенькам хоть на двадцатый этаж. Постучали. Нажали на ручки двери. Вошли.

– Двали? Серго Двали?

Лысый Серго, сидя за столом, опешил:

– Да, я...

– Встать! Руки за голову! – заорал Мака, а Пилия, вытащив из кармана удостоверение и мельком показав его остолебевшему Серго, добавил: – Угрозыск! Стоять смирно! Не шевелиться!

– Угрозыск? – ошеломленно повторил Серго, задирая руки на лысину. – В чем дело?

– Вы арестованы! – сказал Пилия и брякнул на стол бумагу. – Вот ордер! А теперь ценности, наркотики, оружие, деньги – на стол! Быстро! Из карманов, из стола, из шкафов – всё сюда! – И он громко постучал рукояткой пистолета по столешнице.

Серго, не снимая рук с головы, выпучил глаза... Полез за платком, но Мака угрожающе перехватил его руку:

– Сказано – стоять смирно! Я сам обыщу карманы!

И вот на столе, среди связки ключей, райкомовской книжки, зажигалки и мелочи, блеснул складной нож. Пилия, открыв его, подбросил на ладони, приложил пятерню к раскрытой ладони:

– Пять пальцев! – а потом, понюхав и внимательно рассмотрев лезвие, добавил: – Когда в следующий раз будешь ножом опиум с чеков снимать – не забудь обтереть его потом как следует. Или содой вычистить. Впрочем, тебе нескоро придется это делать.

И он, бросив раскрытый нож в бумажный пакет для вещдоков, отправился к шкафу, полки которого были уставлены красными томами Ленина. На нижних полках пылились папки и брошюры. Пока Пилия, сев на корточки, шарил в шкафу, Мака переворошил ящики стола и извлек оттуда пустую пачку из-под сигарет, из которой торжественно вытряс на стол шприц, иглу и пузырек из-под валидола, на дне которого виднелась бурая масса. Приоткрыв крышку пузырька, он понюхал его, поморщился и дал понюхать Пилии.

– Вторяк!.. Да он скис у тебя! В холодильнике надо хранить раствор, – не вставая с корточек, посоветовал Пилия. – Хотя вряд ли ты в ближайшее время увидишь холодильник. А это что?.. – и он, вдруг поднявшись с раскрытой книгой, кинул на стол два чека. – Вот где он, мерзавец, опиум прячет! В Ленине!

Серго, сразу не поняв, что к чему, только рот открыл. В этот момент в дверях без стука появилась секретарша с папками в руках. Увидев мужчин (Мака успел закрыть собой стол), она растерянно посмотрела на Серго, стоящего с руками на затылке:

– Тут бумаги пришли из ДОСААФа...

Серго, сделав вид, что он просто потягивается, буркнул:

– Потом, потом, я занят!

Девушка исчезла. Пилия, не обращая внимания на протесты Серго, зычно произнес:

– Закатать рукава! Показать вены! Снять носки! Ноги показать! Быстро!

– Что вы от меня хотите? – жалобно произнес Серго. – Зачем снимать носки? Это вы подкинули мне опиум!

– Ты на него только посмотри! Пол-Грузии отравил – и отпирается, ублюдок! – усмехнулся Пилия. – Значит, так: ты обвиняешься в хранении, употреблении и распространении наркотических веществ! Ясно? Вены покажи, ублюдок! – зарычал он.

Серго покорно задрал рукава. Пилия грубо вывернул его руки, осмотрел вены на сгибах рук, пощупал «обратки» – вены на задней стороне, около локтей.

– Весь набор – проколы, мозоли, шрамы! – торжественно сообщил он. – Вот это, – ткнул он в красные точки на венах, словно простроченных на швейной машинке, – употребление!

Вот это, – он указал на стол, – хранение! О распространении поговорим в отделении, когда прочтешь показания тех, кому ты продавал наркотики. Нам все известно! От и до! Учти... Твои сотоварищи уже сидят. Анка в ломке, жалуется, что по камерам опиум не разносят. Тугуши, идиот, уже в тюрьме, а Художник ждет на хате, когда мы его брать поедем. Вот так! – Сказав это, Пилия еще раз удовлетворенно осмотрел онемевшего райкомовца и добавил для убедительности: – Теперь позовем понятых! Секретаршу, например...

– Не надо, – покраснел Серго. – Какие понятые? Не надо понятых.

– Как это «не надо»? А протоколы обыска, ареста? – прищурился Пилия. – Ты что думаешь, мы зря тащились сюда к черту на рога?

– Вы сами мне подбросили, – попытался снова протестовать Серго, но Пилия попер на него корпусом, приговаривая:

– Что-о-о?! Опять? Может, и уколы мы тебе делали? И мозоли наварили, а? – И он угрожающе занес кулак.

Съежившись и все поняв, Серго взмолился:

– Не надо понятых! Это же конец, конец!

– Конечно, конец! – зловеще предрек Пилия и обернулся к Маке. – Складывай улики в кулек. Значит, не надо понятых, говоришь? – опять обернулся он к Серго. – И не стыдно тебе – работник райкома, а в Ленине опиум прячешь?! Да тебя будут показательно судить! Как Кобахидзе¹², поставят к стенке за особый цинизм! Тот под портретом Ленина взятки брал, а ты в Ленине опиум хранишь! Улавливаешь? Думаешь, раз перестройка – то и опиум в Ленине прятать можно? Едем сейчас к тебе домой, обыск! Вот ордер! – И он показал издали очередную бумажку.

– Не надо, я не поеду домой! – Серго сел на стул и закрыл лицо руками.

– Как это не поедешь? Кто тебя спрашивать будет? Ты преступник, – нагнулся над ним Пилия, грубо поставив ногу на сиденье стула, где обмяк Серго. – Мы давно следим за вашей шайкой. Среди вас не первый день наша насадка шурует, вы все в помоях по уши!

Серго выдавил:

– Может, мы решим этот вопрос как-нибудь... по-другому?... По-дружески?... По-человечески?... Зачем вам мне жизнь портить?..

– По-человечески? – рявкнул Пилия. – Ах ты, гнида! Детям в школах наркотики продавал, а теперь: по-дружески?!

– Каким детям, что вы говорите? – ужаснулся Серго.

– Сам знаешь каким. Нам все известно! – повторил Пилия, как заклинание. – Думаешь, мы в угро чем занимаемся? Пирожки хаваем, харчо на голову мажем? Давай, собирайся, сейчас едем к тебе домой, а потом напрямую в тюрьму.

– Не надо домой! Там ничего нет, клянусь вам! Там жена, дети, семья! Не надо! – ссохшимися губами молил Серго. – Они умрут... Неужели нельзя... как-нибудь... По-хорошему...

– Что ты имеешь в виду? – застыл Пилия с сигаретой в зубах. Мака, ковыряясь в шкафу, тоже насторожился.

– Сколько?... – выдавил Серго.

– Это ты должен сказать, сколько. И когда... – прищурился инспектор.

Запнувшись, Серго произнес:

– Штука...

– Что-о-о? – с презрением и разочарованием протянул Мака, а Пилия сказал:

– Ты, видать, не в нашей стране живешь... Или свихнулся. Что за цифру ты называешь? Издеваешься над нами, а? Вся милиция в курсе! Начальник управления знает! Прокурор! Весь

¹² Секретарь райкома, приговоренный к расстрелу за взятки.

город! А ты говоришь – тысяча. Так, будем оформлять. Видно, он думает, что мы в детском саду работаем.

– Нет! Нет! – закричал Серго. – Баксов, баксов! Даже если я перевернусь – больше не соберу... Это же все-таки доллары!

– Не надо переворачиваться! Понятых не хочешь, дома обыска делать тоже не желаешь, в тюрьму не торопишься и даешь за все вонючую штуку, которой мне на сигареты не хватит? – язвительно прищурился Пилия.

Серго попытался что-то сказать, но Пилия рывком поднял его за лацканы пиджака:

– Если хочешь по-мужски, то слушай: штук пять-шесть зеленых мы бы взяли и ушли без разговоров, а ты бы пошел свой прокисший вторяк делать. А так!.. – И он отбросил Серго обратно на стул. Тот грохнулся на сиденье и со вздохом безнадежно развел руками. – Бежан, все вещдоки со стола в кулек! В милиции оформим. Сейчас к нему домой...

– Отец умрет, мать сойдет с ума, – прошептал Серго, на что Пилия жестко возразил:

– Раньше о чем думал, болван?

Мака побросал в мешок шприц, иглы, пузырек, чеки, мелочь, нож, зажигалку, удостоверение. А связку ключей, прежде чем бросить, тщательно осмотрел и спросил:

– У тебя какая машина?

– «Шестерка».

– Сколько лет машине?

– Три года. А что?

– Ничего, пошли, – прервал этот диалог Пилия.

Тупо, как робот, шагал Серго между инспекторами. Он мало что соображал. Больше всего на него действовало перечисление имен и фамилий. Это окончательно парализовало его. Значит, знают! Значит, следят! Имеют факты, открыто дело! Конец! Тюрьма! Срок! Все рушится!

Но тут его осенило: «А если отдать им машину?» Он произнес это вслух. Мака промолчал, а Пилия ответил:

– Не поможет! Больно старая она у тебя.

Но во дворе они втроем подошли к синей «шестерке» и стали мирно осматривать и оценивать ее, причем Серго хвалил машину, а инспекторы молча и внимательно оглядывали, сиделись внутрь, заводили мотор и даже сделали пару кругов по двору.

По пути в отделение на слепящем повороте под мостом Пилии почудилось, что их обгоняет автомобиль, из которого какой-то тип целится в него. Он пригнулся, напугав этим движением Серго. Но выстрела не последовало, и Пилия понял, что ему опять померещилось... С начала лета, как пошла жара, уже несколько раз ему казалось, что в него целится один и тот же человек, причем происходило это в разных местах – в потоке машин, на улице, возле киосков, даже в коридоре милиции... Началось это с того, что один вор пригрозил ему при аресте: «Ты жить спокойно не будешь!» С тех пор редкие, но панические припадки страха не оставляли Пилию: ему казалось, что в него целятся, или за ним следят, или кто-то в толпе надевает перчатки, чтобы придушить его, или лезет в карман за ножом, чтобы зарезать. Он боролся с мороком, понимая, что это вздор, но человек опять появлялся. И Пилия ничего не мог с собой поделать...

В зеркальце он видел, как сзади едет на конфискованной машине Мака. А Серго молча смотрел на дорогу. Его бил озноб, и он невпопад отвечал на редкие вопросы Пилии, где и на кого оформлена машина.

5

По дороге в Цхнети¹³ двигалась серая «Волга» директора текстильного комбината Солико Долидзе. За рулем отдувался сам хозяин, тучный мужчина лет пятидесяти. Миновав разъезд, он с трудом въехал в узкий тупичок, впритык к воротам белой дачи, шлепнул дверцей машины и проник во двор сквозь калитку. Не без опаски поглядывая на пса, дремавшего возле будки среди кур и цыплят, миновав навес, под которым возились дети, он очутился в доме. Сверху доносились негромкие мужские баритоны.

На втором этаже, на увитой виноградом веранде, за круглым столиком играли в карты. Возле каждого игрока – придавленные чем попало стопки денег, пепельницы, зажигалки, красные «Мальборо» и желтые «Кэмэл». Жужжали два больших вентилятора.

– Всем – мое почтение! – откланялся Долидзе.

Мужчины подняли глаза от карт.

– А, Шотаевич... Давно не виделись! Как дела? Как семья? Как дети?

Хозяин дачи, очень высокий и худой мужчина, тоже кивнул, но не особенно приветливо, и сердито прокричал во двор:

– Эй, вы там! Опять калитку не запираете, черт бы вас побрал! Сколько раз повторять?!

– Была закрыта, Элизбар, видно, дети открыли, – ответили снизу.

– Закройте как следует!

– Что это с ним? Чем он взволнован? Почему сердитый? – вполголоса спросил Долидзе у игроков.

– В плохом настроении – вчера шестьдесят тысяч проиграл. И сегодня уже пять, – пояснил один из играющих. – Не везет ему – вот и все. Бывает.

– Мы ему советовали не играть сегодня – так нет, все-таки играет! – в тон добавил другой игрок, седой и моложавый, а Долидзе подумал, что этот точно не жалеет о том, что Элизбар сел играть в невезучий день.

– Не ваше дело, играю я или нет! – довольно резко ответил хозяин дачи и покосился на Долидзе. – В чем дело? Что случилось?

– Несколько слов, Элизбар, – просительно ответил Долидзе, подавив вздох, что не укрылось от хозяина дачи.

Он покачал головой, перебрал карты, которые третий день не выпускал из рук, бросил их на стол и направился в комнаты. Уселся. Долидзе взволнованно сообщил, что у него на комбинате ожидается большая ревизия.

– Успеем до их прихода вывезти левое сырье? Должны успеть! – занервничал Элизбар Дмитриевич.

– Боюсь, что нет! – закрыл глаза Долидзе. – Времени в обрез! Там тонны... А ревизия – близко.

– Завтра с утра займусь этим – найду грузовики. Узнаю, что за ревизия... Что еще?

– Еще... – Долидзе вздохнул. – Еще звонил из Узбекистана Паико. Эти проклятые чучеки опять расплатились с нами опиумом... – с трудом выговорил он. – Представляешь, тридцать кило опиума дали!

Элизбар Дмитриевич побледнел:

– То есть как?

– Только не волнуйся, Элико, – взмолился Долидзе. – Второй инфаркт никому не нужен! Валидол?

¹³ Дачный пригород Тбилиси.

– Засунь себе... – выкрикнул Элизбар Дмитриевич, откидываясь на спинку кресла. Посидев так, он с натугой произнес: – Объясни, как это получилось. Мы же договорились, что больше подобного не будет?

Долидзе молчал.

– Это ты во всем виноват! Ты придумал – вместо денег опиум брать! – прошипел Элизбар Дмитриевич.

– Почему я? Мне предложили – я тебе предложил, а ты согласился! – ошетинился Долидзе. – Я тут ни при чем! Ты свое «да» сказал! Сказал бы «нет» – и не было бы ничего.

– Соблазнил, дьявол! «За рубль можно сто получать!» Вот и получили!.. Мало мы намутились с той отравой?.. В первый раз они дали нам три кило. Ты тогда радовался, говорил, что в городе три кило превратятся в сто тысяч. Хорошо, взяли... Забыл приключения потом?.. Забыл?.. – Элизбар Дмитриевич в ярости стукнул по столу. – Уже тогда я сказал тебе, чтобы этого больше не было! – Он провел пальцем перед носом у Долидзе, который, сложив ладони между колен, сидел, как школьник. – А ты что? Второй раз они всунули нам десять кило! Хорошо еще, Мераб согласился в Москву половину увезти! Один раз сделали одолжение, два раза – и все, хватит!.. И где это видано – опиумом расплачиваться?.. Теперь вот пожалуйста – тридцать кило! Да ты, я вижу, очумел! Давай рассчитаем. Они нам должны что-то около трехсот тысяч долларов, так? И вместо денег они дают тридцать кило опиума. Значит, кило они оценивают в десять тысяч? Так?

– Так.

– А тут сколько за кило этой отравы можно взять?

– Тысяч тридцать... Если оптом. В розницу – намного больше, – ответил Долидзе.

– А кто эту розницу будет осуществлять, ты подумал об этом, идиот, кретин?! У тебя от жадности совсем мозги набекрень съехали! – замахал руками Элизбар Дмитриевич.

– Тише, тише! – закудахтал Долидзе и, видя, что цеховик хватается за сердце, хотел растегнуть на нем рубашку, но тот злобно оттолкнул его:

– Это была твоя идея, твоя! Конечно, чучмекам выгодно платить опиумом – они его там, у себя в кишлаках, за гроши скупают, а нам за тысячи всовывают! Кто будет возиться с этим? Кто будет продавать – ты? Я? Кто, я тебя спрашиваю?! И где? Не видишь обстановку? Всех снимают, переводят, тасуют! Перестройка ебучая!

– При чем тут я, что ты ко мне привязался?! Я человек маленький. Когда впервые приехал из Азии этот проклятый Убайдулла, не ты ли вместе с другими согласился принять этот опиум в оплату долга?! – опять напомнил Долидзе.

– Да, но там речь шла об исключительном случае, услуге и о трех кило, а не о тридцати! – рявкнул Элизбар Дмитриевич. – Это было сделано в качестве одолжения, одноразового одолжения!.. А тут уже – система, за это – к стенке пойдем все!

– Те три кило превратились в хорошую сумму, – еще раз осторожно произнес Долидзе.

– Тогда было другое время, другой хозяин, другие отношения, – оборвал его Элизбар Дмитриевич. – А ты своим куриным мозгом не можешь ничего понять, дурак! Ладно. Рассказывай все по порядку про опиум!

– Звонил Паико, из Узбекистана, два дня назад. Ну, тот вор, который на месте курирует сделки... Но по телефону, сам понимаешь, он не мог всего сказать, да и слышно было ужасно, но я понял так, что он поехал получать деньги, а узбеки притворились, будто старый договор в силе, и всунули ему этот опиум, тридцать кило. Что он мог сделать? Это же Азия! И никто не хочет умирать, и никто не хочет, чтоб его зарыли под хлопком! Паико, хоть и вор, но тоже вынужден действовать по обстоятельствам... Он был вынужден взять. Или это, или – ничего! Я тебе еще раньше, когда ты начинал мурыжить с Азией, говорил, что иметь дело с цеховиками из Узбекистана непросто и опасно. Они хитрые и изворотливые...

– Я одного не понимаю... Паико туда заслали, чтобы он, как вор, мог постоять за цех, за деньги, за порядок! Или мы анашу курить на бахче его посадили?! – спросил раздраженно Элизбар Дмитриевич.

– Элико, наших в Азии всего трое: один в Ташкенте, другой – в Карши, а Паико – блуждающий! Что они могут? Они, хоть и воры, но тоже люди. И нас, в конце концов, халаты не кинули, чтобы начинать войну!.. Они расплатились сполна и даже больше, если считать как в розницу... А сейчас, если мы не возьмем опиум, надо посылать туда людей и начинать бойню. Нужно это нам?.. Вот Паико и взял. И сидит сейчас с этой отравой, как в ловушке, боится везти... Со всего Союза в Азию угрозыск нагнали, всюду рыщут, наркотики ищут... Раньше там все тихо-мирно было, и на тебе! Как Горбачев пить запретил – так все на анашу и опиум перешли... Да еще этот идиотский следователь-армяшка, как его... Дрян, Гдлян, что ли, воду мутит, проверки туда насылают...

Элизбар Дмитриевич, помолчав, тихо спросил:

– Кто реализует такое количество? Ты вообще представляешь себе, что это такое – тридцать кило? Вон там, за столом, сидит прокурор Рухадзе. Ты бы послушал, что он рассказывает насчет наркотиков и всего, что с этим связано! – начал опять кипятиться цеховик, тыча пальцем в сторону веранды. – За тридцать кило – смертная казнь! Как в Иране.

– Тише, тише!.. А откуда тут взялся прокурор? Этого только не хватало! – настороженно спросил Долидзе.

– Он тоже покерист, в родстве с моей женой, как я ему откажу?! Ты что, наш город не знаешь? За одним столом все хорошо умещаются – и воры, и прокуроры. Этот Рухадзе сам по уши в дерьме! – Элизбар Дмитриевич махнул рукой. – Он столько порассказал... Раньше на десять наркоманов был один информатор, а сейчас на одного морфиниста – десять стукачей. Воров изгнали, в городе анархия и беспредел... Да если сегодня на рынок выйдет хотя бы кило – начнется свалка, морфинисты кинутся на него, их начнут вязать... А тридцать?.. Нет, это гибель! – Он опять в отчаянии махнул рукой. – Я всегда говорил, что это – самая дикая идея: брать опиумом долю, но кто слушал? Брали бы деньгами – и спали бы спокойно. Ты вспомни, какой кровью продали тот, первый опиум! До сих пор хвосты тянутся. Одному дали продавать – сбежал. Второй – подох. Третьего поймали, слава богу, рта не раскрыл, и нам его, между прочим, еще пять лет в зоне кормить. Четвертого убили. Бедный Како в свои шестьдесят пять подсел на иглу, в скелет превратился...

– Просто мы тогда не знали тонкостей этого дела, – возразил Долидзе. – Не знали, кому можно доверять, кому – нет. С ворами не посоветовались. Следить за порядком некому, вот и бардак!

– Между прочим, за того, который сбежал с опиумом, поручался твой вор, – процедил Элизбар Дмитриевич. – И вообще... У всех нас, в конце концов, дети! Мой сын, Кукусик, тоже, кажется, с этим связался – жена видела у него на руке какие-то следы... Если проклятый опиум будет продаваться на каждом углу – что тогда?

– Вовремя ты о детях вспомнил! Пол-Грузии опиумом наводнил, а теперь о детишках толкуешь!.. – зловеще-язвительно обронил Долидзе.

– Ну, ты! – угрожающе зашипел Элизбар Дмитриевич.

Долидзе, подобравшись, стеклянными глазами следил за ним.

Замолчали. Некоторое время слушали смех и обрывки разговора с веранды – картежники, как всегда, под шлепки карт поминали недобрым словом старых жен:

– Весь ужас в том, что надо трахать этих жирных старух. Конечно, у кого будет нормально стоять?.. А ты дай мне молоденькую девочку – такую, какая меня действительно, а не по паспорту, взволнует – и увидишь! Настоящий сухостой пойдет!.. Сам в мальчика превратишься!..

– Аминь. Молодое существо дает тебе жизнь, а старая сварливая дрянь – только отнимает.

– Некоторые молодые тоже сволочные бывают!

– Да, но их хотя бы тянуть приятно...

– Супружеская жизнь – одна скотобойня...

Элизбар Дмитриевич послушал, покачал головой:

– Мне бы их проблемы!.. Значит, так... Опиум взят и обратно его не отдать. Паико везти боится. Придется вывозить товар из Азии...

– У тебя люди, связи, опыт, – льстиво всполошился Долидзе. – Подумай!

– Связи, люди! – передразнил Элизбар Дмитриевич. – Ты тоже не в сарае вырос, мог бы и сам подумать, что делать!

– Да я думаю, думаю, – Долидзе торопливо вытащил из-под воротника крестик и поцеловал его со скороговоркой: – Клянусь Сионом, куском хлеба, горстью соли: если это дело кончится хорошо – никогда в жизни к отраве не прикаснусь!

– Ты и раньше не особенно прикасался, – усмехнулся Элизбар Дмитриевич. – И в тот раз мои люди везли, мои хранили, мои продавали, а ты только деньги принимал и через свой туфтовый комбинат в банк сдавал.

– Кстати, я забыл сказать... – вдруг помрачнел Долидзе. – Вчера Рублевку, одного нашего барыгу, кинули. Отняли четыре тысячи денег и опиума тысяч на десять.

– Вот-вот, поздравляю, – махнул головой, как от надоедливой мухи, Элизбар Дмитриевич. – Лучше бы ты вообще сегодня не приходил! Кто нашел этого Рублевку? Ты? Вот и будь добр отвечать за него. Вернешь эти деньги!

– Десять туда, десять сюда – переживем! – примирительно сказал Долидзе. – Верну! Конечно. Лишь бы уладилось, Господи, помоги!

– И почему это Господь должен всяким мошенникам помогать?.. Как-то неразумно с Его стороны... Короче, сделаем так: я посоветуюсь с кем надо и завтра скажу тебе, что делать. Ровно в час приезжай на наше место к Муштаиду¹⁴. А где Паико?

– Живет в доме Убайдуллы, в кишлаке под Наманганом.

Элизбар Дмитриевич покачал головой:

– Наманган... Вся эта Азия – одно басмачье гнездо! Надо спешить, как бы его там не укокошили и опиум не отняли! Ну, до завтра! Я пошел играть.

И он, не обращая внимания на воркованье Долидзе о том, что ему сегодня лучше не играть, направился на веранду. Долидзе, не имея желания прощаться с игроками, ушел через комнаты и в кислом настроении потащился в городское пекло.

На следующее утро Элизбар Дмитриевич очень рано подъехал к саду, загнал машину на тротуар, возле решеток стадиона, перебрался через бордюр и зашагал в сторону каруселей. Дворники в желтых безрукавках мели розовые дорожки.

Неподалеку от каруселей он увидел троих пожилых мужчин в дорогах спортивных костюмах. Они молча делали какие-то странные движения: присев, медленно вращали руками, застыли в этом вращении, меняли позы и опять чертили в воздухе непонятные знаки и фигуры. Большой Чин кивнул ему, но гимнастики не прекратил, продолжая тщательно и сосредоточенно делать упражнения.

Элизбар Дмитриевич, зная, что эта глупость называется «ушу», модная гимнастика, сел на скамейку и принялся ждать, с внутренним раздражением наблюдая за троицей: «И не лень им эти дурацкие круги чертить? Больше им делать нечего! Заботятся о себе, сто лет жить хотят! А почему не хотеть, с их доходами?»

Наконец, Большой Чин сел рядом на скамейку и начал обтираться махровой тканью с иероглифами. Элизбар Дмитриевич, стараясь ничего не упустить, рассказал все, что узнал

¹⁴ Парк отдыха в Тбилиси.

вчера об опиуме. Большой Чин долго молчал, с неприязнью поглядывая на Элизбара и комкая в руках полотенце. Затем ответил:

– Ясно. Знаешь, мой милый... И ты, и он, и все вы попросту аферисты и авантюристы! Денег вам мало, шакалам? Теперь смертью торговать вздумали?! Да я бы и пальцем не шевельнул, если бы в паршивые азиатские цеха не вложил деньги этот сопляк, мой зять! Какова там его доля?

– Сто пятьдесят тысяч взноса и пятнадцать процентов от прибыли.

Большой Чин подумал и заключил:

– Я его долю забираю. Это раз. Сам вывезу из Узбекистана опиум – это два. И больше ни с Долидзе, ни с тобой никаких дел иметь не хочу! Это три. Дашь мне вечером адрес того вора в Азии. И предупреди Паико, что приедет человек и поможет вывезти товар. С меня хватит! С такой опасной кодлой, как ваша, я дел больше иметь не хочу. И очень жаль, что имел! Вы – хуже, чем убийцы и бандиты! – Большой Чин так пронзительно посмотрел на Элизбара Дмитриевича, что тот понял – разговор закончен.

Хотелось ответить, но Большой Чин, отвернувшись своим значительным седым профилем, направился к выходу, где его ждала иномарка со множеством антенн.

В тресте Элизбар Дмитриевич сидел рассеянный,пил но-шпу и раздраженно отвечал на звонки, не переставая ругать перестройку, путающую все карты. Прибавилась масса проблем. На пяти фабриках уже копались чиновники из центра, сразу запросившие такие астрономические суммы, что им было бесповоротно отказано. Их пытались усовестить, они разводили руками: «Перестройка! Ломка старого! Новые порядки!» – и с удвоенной энергией ворошили бумаги и архивы. Сотрудники паниковали, звонили, прибежали в трест, спрашивали, что делать и как быть.

И сам он звонил куда-то, ругался, шумел и отбрехивался. В минуты передышек вспоминал вчерашний день, за который успел проиграть еще двадцать тысяч, и давление у него прыгало. И дома все было неладно. Не такой он хотел видеть свою семью!.. Старшая дочь трижды выходила замуж, а внуков все нет. Младшая выскочила за какого-то инородца и уехала. Болван Кукусик с пятнадцати лет по притонам шляется, говорят, наркоманом стал... А теперь еще любовница, с которой двоих детей прижил, требует устроить старшую дочь в мединститут!.. Плюс верные сто тысяч!

В час дня он встретился с Долидзе. Когда тот услышал о решении Большого Чина, то разволновался:

– Значит, все теряем?

– Не визжи! Слава богу, избавились и от этой дряни, и от его наглого зятя. Он пошлет туда человека. А без нас ему потом не обойтись – он сам не будет опиум толкать! Давай адрес Паико. И позвони ему в кишлак, предупреди, что приедет человек, который поможет вывезти опиум.

– Адрес простой: под Наманганом кишлак, Катта-Курам.

– Улица?

– Одна улица... Дом номер тридцать пять, Убайдуллы Усманова.

– Вот дикость! Средневековье – одна улица! – покачал головой Элизбар Дмитриевич, записывая, чтобы вечером дожидаться Большого Чина возле его дома и в лифте передать ему листок с адресом, как они не раз проделывали с деньгами и бумагами.

А ночью Большой Чин позвонил домой Пилии и попросил его подъехать утром в восемь тридцать к Круглому садику в Ваке.

В назначенное время Пилия сидел на скамейке.

– Привет, мальчик, – сказал Большой Чин. – У тебя всё в порядке?

– Да, – ответил непривычно подтянутый и трезвый Пилия, оправляя костюм, надетый по случаю встречи.

– Можешь оказать мне небольшую услугу? Как у тебя со временем?

– Нормально. Есть дела, но для вас я их отложу.

Большой Чин кивнул:

– Хорошо. Я знал, что ты мне не откажешь... Кстати, может быть, и для тебя будет в этом деле интерес... У тебя начальником все тот же кабан, майор Майсурадзе, кажется?

– Он. Спит и видит, как бы стать начальником милиции где-нибудь в Глдани и курдов ловить, – усмехнулся Пилия.

– Хорошая идея, – подмигнул Большой Чин. – Стоит об этом подумать. Попозже. А когда он уйдет, я позабочусь, чтобы ты занял его место. Теперь слушай внимательно: в Азии лежит чемодан, мой чемодан... Его надо перевезти сюда. Но загвоздка в том, что в чемодане не деньги, а опиум.

Пилия насторожился: «Чемодан опиума! Ничего себе!» – но не позволил себе ничего спросить.

– Лежит чемодан вот по этому адресу. – И Чин незаметно положил на скамейку клочок бумаги. – Поедешь туда. Там некий Паико, вор, живет в сакле у какого-то узбека. Чемодан у него. Поможешь ему вывезти чемодан и сдашь мне.

– Ясно. А с вором что дальше?

– Все равно. Мне он не нужен. Не имеет значения. Вообще можно оформить арест вора и везти официально... Выследили, поймали, везем домой, на следствие... Ну, тебе виднее. Это я только так, как вариант. Главное – чтобы ты был цел и невредим!

– Я все сделаю, – ответил Пилия. – Но меня многие знают...

– Здесь, но не там... А вор будет предупрежден. Ему тоже под прикрытием ехать легче. Другого выхода нет. Главное, чтоб этот проклятый чемодан прибыл сюда. Но собой не рискуй! Дороже жизни – только смерть во сне! – непонятно закончил Большой Чин, поцеловал Пилию в лоб и мельком взглянул на часы. – Денег не жалея. Скажешь потом, сколько потратил, я все возмещу вдвойне. Ну, иди!

– Когда лететь?

– Чем быстрее, тем лучше. Надеюсь на тебя. – И Большой Чин направился к своей иномарке, за которой стояла «Нива» охраны.

А Пилия еще некоторое время сидел в садике, переваривая поручение человека, которому был многим обязан в жизни. Оставшись бессильным сиротой, он ни за что не выплыл бы из нищеты, если бы не помощь Большого Чина, дальнего родственника и благодетеля, который поселил Пилию у своей двоюродной сестры, содержал, устроил на юрфак, а потом – в милицию. Большой Чин занимал очень высокий пост, но чем в действительности занимался – Пилия не знал. Несколько раз привозил для него из Москвы портфели-дипломаты с деньгами – и всё. Сейчас вот чемодан с опиумом... Надо ехать!

6

Кока по кличке Иностранец, рыжий Тугуши и Художник с опаской приближались к Сололаки. Вечерело. По булыжным мостовым разлеглись первые тени. Сумерки витали над крышами, путались в проводах. Деревья угрожающе вздыхали, скрипели ветвями, вздымая листву. Чтобы войти в этот район, надо миновать кафе-мороженое, возле которого группа рослых парней придиричиво и тщательно осматривает прохожих.

Это – биржа, а парни-биржевики наводят порядок: разнимают потасовки, решают споры, собирают слухи и сплетни, следят за щипачами, которые крутятся тут же, возле «Ювелирт-орга». Если кто-нибудь (вроде милиции или чужаков) вызывал у биржевиков подозрение, то известие передавалось через молодую поросль дальше, на другие посты. А наверху, у ресторана «Самадло», в районе Комсомольской аллеи, могли побить и просто так, для острастки – зачем по чужим районам шляться? Чего тебе тут надобно? Что высматриваешь и вынюхиваешь? Что потерял? Что надеешься найти?

Поэтому друзья шли тихим гуськом. Посты миновать никак нельзя. Впрочем, терять им нечего, кроме вшивого столбника, который они несли Анзору, чтобы тот купил для них таблетки с кодеином.

На бирже дежурили трое парней, явно в хорошем настроении. По счастью, Кока был шапочно знаком с одним. Обстоятельно расцеловались. Было заметно, что страж торчит под каким-то тонким кайфом.

– Морфий? – с завистью спросил Кока, умеющий безошибочно определять, кто сколько чего и когда принял «на вены».

– Чистый! Ампулы! – хриплым шепотом подтвердил биржевик, расчесывая под полосатым «батеном» волосатую грудь.

Другой страж, поочередно задирая на поручень ноги в замшевых ботинках, истово чесал щиколотки. Третий, флиртуя с официанткой, без конца поправлял узел галстука, сидевшего на нем, как на корове седло. Кока по их усиленной чесотке, опухлости и бордовости понял, что морфия уколото немало, но все-таки уточнил:

– Куба по три вмазали?

– Я – три, они – по четыре.

– Откуда такое счастье?

– Конский морфин. Из Сванетии один ветеринар привез. Списанный. В огромных ампулах, кубов по двадцать каждая. Как морковь! – Биржевик показал на пальцах, какие огромные эти ампулы.

– Зачем лошадям морфий? Они и так быстро бегают, – вставил Художник для поддержки разговора.

– Вы что тут, в Сололаки, при коммунизме живете? – с открытой завистью вякнул Тугуши. – Весь народ на паршивом кокнаре сидит, а здесь – чистый морфий! Как в Раю!

Страж покосился на него, но промолчал.

– Взять эти ампулы нельзя?... – без особых надежд спросил Кока.

– Нет, все уже разобрано, – отрезал страж. – А вы куда собрались? – Он скептически осмотрел румяного Тугуши и длинноволосого Художника, но от лишних замечаний воздержался: холодная корректность высоко ценилась в этом районе.

– Да вот товарища навестить.

– Кто это у нас болен? – хрипло поинтересовался второй биржевик, который теперь пытался карандашом чесать ноги под носками. – Что-то «скорая помощь» тут не проезжала.

Третий стражник болтал с официанткой через открытую витрину, но зорко поглядывал на пришельцев, руки из-за пазухи не вынимая.

Врать было бесполезно.

– К Анзору идем, – признался Кока.

Страж странно ухмыльнулся:

– Таблетки от кашля взять хотите?

– Угадал. Говорят, Анзор берет... Кодеин хороший...

– Да, говорят... чистый... хороший... – неопределенно отозвался тот и чуть отошел в сторону. – Что ж, идите.

– Только смотрите, от кайфа не загнитесь! – непонятым тоном добавил второй, а третий спросил невзначай: – На сколько хотите взять?

– На столик.

– Ну, ничего, немного... Анзор недавно здесь был, сказал, что домой пойдет, покомарить.

– По слухам, он сам очень плотно на большом заходе сидит? – загорелись глаза у Тугуши, но его холодно остановили:

– А тебе что за дело?

– Просто так... – растерялся Тугуши.

– Просто кошки сосутся... Мы же не спрашиваем у тебя, сколько раз твой дедушка по ночам в туалет ходит! Зачем совать нос в чужие дела? – назидательно сказали ему.

По этой прелюдии Кока понял, что надо побыстрее уматывать, попрощался и заспешил вверх по улице Кирова, тихо отчитывая Тугуши за неуместные вопросы:

– Какое тебе дело, как кто сидит?! Ты ведь знаешь этих сололакских, они чересчур щепетильные, им слова лишнего не скажи! А ты лезешь с вопросами! Прямо в душу!

– А там, в твоём Париже, про душу забыли начисто? – спросил Художник.

– Да помнят, только каждый про свою личную и собственную, а не про соседские. Не твоё собачье дело, сколько Анзор в день кодеина глотает!

– Просто... – проямлил Тугуши.

– Про «просто» тебе тоже уже сказали... Кошки сосутся... Хорошо, что не продолжили... В Тбилиси всегда так было – все про всех всё знать должны! – добавил Кока и начал, как обычно, ворчать про варварские обычаи и глупые порядки.

В своё время отец Коки, танцор известного ансамбля песни и пляски, будучи на гастролях во Франции, женился на девушке из семьи грузин-эмигрантов первой волны, стал жить в Париже, пить, петь, танцевать и регулярно навещаться на Пляс Пигаль, к проституткам. Скоро это жене надоело, и молодые развелись, не прожив и пары лет. Кока родился и рос в Париже у матери, потом учился в ГПИ в Тбилиси, подолгу жил то во Франции, то в Тбилиси, у бабушки, матери отца (который женился во второй раз на болгарке и уехал в Софию обучать болгар хорошему пению).

Кока окончил строительный факультет, но во Франции его диплом не был признан, а в Тбилиси он работать не хотел: вид деревянных счетов и допотопных рейсфедеров повергал его в уныние. Да и не было смысла: мать присылала много больше, чем он мог заработать в месяц.

По приезду в Тбилиси Кока сразу впал в меланхолию, ругал все местное (как в Париже – все французское), пил, курил или кололся. Денег матери хватало, чтобы протянуть недели две на каком-нибудь зелье. Его после перестройки появилось много: кокнар из маковой соломки, жаренная на сковородке конопля «кузьмич» или отвар марихуаны в портвейне под поэтическим названием «Манагуа».

Кока привозил сувениры, пластинки, порнокассеты и журналы. Поэтому ребята в районе думали, что Запад состоит из жвачек, виски, секса и душистых сигарет. Кока честно пытался в этом всех разуверить, но тщетно: никто Парижа не видел, только слышали, что там хорошо «французскую любовь» делают.

Во Франции он успевал отвыкнуть от тбилисской безалаберности, поэтому его раздражали такие обычные вещи, как арбуз, лежащий для охлаждения часами под водой, бесконеч-

ные еда и питье, громкая музыка, ночные визиты, необязательность, опоздания, обилие пустых обещаний и мелких дрызг. Сам он, когда чистил зубы, всегда закрывал кран, а брился в раковине с водой, чем вызывал всеобщее веселье. Арбуз он обязательно перетаскивал из ванны в холодильник. Тушил за всеми свет. Уменьшал музыку. Никогда без звонка никуда не ходил и не открывал дверей непрошеным гостям или соседям, которым угодно в три часа ночи сыграть в нарды.

Всё его сердило и угнетало. «Что за туалеты? – возмущался он после ширки в уборной какого-нибудь кафе. – На Западе туалеты чище, чем тут Дом Правительства!» Однажды, отправившись за справкой в свое домоуправление, он был сражен наповал запахом колбасы, которую одноногий одинокий начальник в бабьей кацавейке жарил на перевернутом электрокаmine. К тому же в Тбилиси Коку часто принимали за дебила – он привык в Париже улыбаться, а улыбка у мужчин – это плохой признак: либо ты болван, либо педик, что одинаково нехорошо. Поэтому, если надо было пойти в контору, архив или кассу, он брал с собой кого-нибудь из местных парней, которые открывали двери ногами, здоровались матом и строили страшные рожи – так было всем понятнее.

А в Париже на него давило одиночество, которое казалось страшнее многолюдства, и он захлеб ругал французов за их скупердяйство, вертопрахство и глупость.

С ним вечно случались обломы, пролеты, казусы, противные сюрпризы и странные ошибки, что, впрочем, не удивительно, если в Тбилиси жить и действовать, как в Париже, и наоборот. Отсюда вторая кличка Коки – Неудачник.

Благополучно миновав биржу, парни неслышно взбирались в гору, вдоль больших и добротных домов. Уже ярко светили фонари. В районе шла своя неспешная жизнь: слышались музыка, звуки нард, детские голоса, где-то пели, и пение мешалось со звоном бокалов и рыками тамады.

Выше было темнее, фонарей – поменьше, а людей – пожиже. Возле подворотен чернели фигуры, звучали хохот, тихая ругань и звяканье стаканов. Троица старалась идти по освещенной части мостовой, возле обочины, чтобы в случае чего улизнуть на такси из этого опасного места, откуда рукой подать до горы, где произошло много громких драк и убийств. Но никто их не тронул, только возле овощного ларька с шутками и прибаутками ласково отобрали пачку сигарет.

Во дворике, где жил Анзор, они растерялись, не зная точно, в какую дверь стучать. Решили негромко позвать. Кое-где дрогнули занавески на окнах. Крепко сбитый, кряжистый брюнет Анзор вышел в майке и трусах. Узнав Коку, он недовольно поинтересовался:

- Чего таким парадом явились?
- Извини, в ломке все. Взять хотим от кашля. Не поможешь?
- В ломке по улицам не ходят, – буркнул Анзор и добавил: – Там уже нету ничего.
- Как нету? Совсем? Может быть, осталось что-нибудь? – запричитали они.
- Говорю вам, кончилось...

И Анзор взялся за ручку двери. Но троица принялась так молить о таблетках, что он, на миг замерев спиной и как бы что-то решив, обернулся и уточнил:

- Таблетки, говорите?.. От кашля?..
- От кашля, от кашля! – закивали гости.
- Ладно, давайте деньги, попробую вылечить ваш кашель.
- Вот столыжник, на шесть пачек. Этаминал у нас есть.
- Да? Угостите парой таблеток!

Кока замаялся. Анзор вдруг без слов исчез в дверях.

– Ты офигел, что ли?.. Он обиделся! Дай ему этаминал! – испуганно зашикали парни.

Кока не успел ответить – появился Анзор и протянул пачку:

– Вот, меняю, не думайте... Вы мне – этаминал, я вам – кодеин, ломку снять. Своим кровным заходом делюсь! Вообще я этаминал не очень уважаю, но у меня сонники кончились, а без них кодеин не идет, сами знаете.

– Знаем, конечно. Что ты, Анзор, разве мы барыги? И так бы дали! – начал Кока, угодливо вылуцивая таблетки этаминала и чуть ли не с поклоном подавая их Анзору, пока Туга и Художник вождественно рассматривали пачку взамен.

– Ништяк. Вы ломку снимите, а я пойду с утра, посмотрю, что к чему... Я тебя сам найду, сиди дома, – сказал Анзор и окончательно скрылся за дверью.

Троица обрадованно выскочила на улицу. У ресторана сели в машину и поспешили домой к Коке, где разделили десять таблеток, добавили этаминала и через четверть часа уже сетовали, что кайф только пару разиков лизнул их теплой волнушкой – и исчез. Ломота в костях, правда, унялась, насморк стих и мигрень умолкла. Но не более того.

Наутро Тугуши и Художник явились к Коке ни свет ни заря, чем очень удивили бабушку, знавшую, что бездельники обычно спят до полудня.

Анзора не было. Успели позавтракать и даже пообедать, хотя Тугуши повторял, что на набитый желудок кодеин не пьют. Но перед бабушкиными котлетами никто не устоял. Бабушка, думая, что пусть лучше лоботрясы приходят к ним, чем Кока уходит, каждый раз сервировала им стол с ненужной роскошью: салфетки в кольцах, хрустальные графины, ложки и вилки на специальных подставочках, замысловатые солонки и крученые перечницы.

Все это осталось еще со старых времен, хотя во дни больших ломок Кока воровал из дома, что под руку попадет, даже умудрился как-то продать посудомоечную машину, им же привезенную с большой помпой из Парижа. Эту пропажу бабушка до сих пор вспоминает, как пример злого чуда: утром машина была на месте, а вечером ее в кухне не оказалось, и вместо нее стоял весьма странный, допотопный стул. Кока не разубеждал бабушку. На самом деле он подсыпал ей в чай снотворное, и, пока она спала, курды-носильщики выволокли машину из квартиры и увезли на дребезжащем грузовике в сертификатный магазин на улице Павлова, где помыли, забили досками и продали как новую за весьма приличную сумму.

Бабушка старалась забыть ту странную историю, ибо была фаталисткой и научилась ничему не удивляться. Будучи княжеского рода, она умудрилась пронести достоинство и приветливость сквозь все дразги и склоки советского быта. Была трижды замужем – за меньшевиком, за чекистом и за работником торговли, умершем от разрыва сердца, когда Шеварднадзе начал в очередной раз сажать членов партии.

Наконец, с улицы послышались сигналы машины. Кока кубарем скатился по лестнице и скоро вернулся, сияющий, бросил на стол шесть пачек и, крикнув:

– Я сейчас, только этаминалом Анзора подогрею! – побежал по гулким ступеням вниз.

– Конечно, как не подогреть! Обязательно! – приговаривал Тугуши, дрожащими руками перебирая пачки.

Кока прилетел через секунду, не забыв заскочить в кухню и поставить чайник. Каждому полагалось по две пачки. Решили вначале принять по одной, чтобы плохо не стало.

Начали их проталкивать в себя водой, по-куриному задирая головы и давясь сухими горькими пилюлями.

Потом запили горячим чаем и стали ждать, рассуждая о том, что в вену колоться вообще лучше, потому что кайф сразу приходит, а глотать – хуже, поскольку неизвестно, что там, в брюхе, происходит. Вот и сейчас кайф задерживается и, кроме отрыжки и икоты, ничем себя не проявляет.

– Говорил я вам, не надо эти котлеты жрать! Вот, пожалуйста! – шипел Тугуши, глядя себя по животу.

– Да ты сам больше всех и жрал! – отвечал плаксиво Художник.

А Кока бегал по комнате и делал руками и ногами разные движения, надеясь гимнастикой растряссти желудок. Наконец, он не выдержал, схватил вторую пачку и по одной закинул в рот все десять таблеток. Парни тотчас последовали его примеру. Выпив для надежности еще чаю, они подождали немного, но кайф никак не желал появляться. Нывший про «блядские котлеты» и вертевший от нечего делать пустую облатку Тугуши вдруг всполошенно воскликнул:

– А где тут вообще написано – «кодеин»?

– Как где? Вот, «Таблетки от кашля» написано, не видишь? – вяло отозвался Кока, проклинавший себя за то, что поел, кроме котлет, макароны, которые теперь, очевидно, не давали кайфу открыться.

– Да, но где в составе написано – «кодеин»? – продолжал верещать Тугуши.

Посмотрели – правда, кроме слов «термопсис» и «лакричный корень», на пачке ничего не обозначено...

– Эге... – зачесали они в головах и побежали вытаскивать из мусора остальные облатки.

Ни на одной из них вождественного «Codeinum fosfat» не значилось...

Стало ясно, что Анзор принес им таблетки от кашля, только без кодеина. Такие продавались во всех аптеках по три копейки, тоже назывались «От кашля» и были предназначены для грудных младенцев. А с кодеином стоили девять копеек и продавались с рук по пятнадцать рублей за пачку.

– Но вчера же были с кодеином? – спрашивали они друг у друга.

Да, вчера с кодеином. Только мало. А сегодня много – но без кодеина! Животы вздулись, окаменели. Мучила отрыжка, сухостью стянуло все внутри. Сквозь икоту Кока позвонил Анзору и невесело сообщил ему обо всем, на что тот сразу ответил:

– Не может быть! Подождите, я на своей пачке посмотрю, что написано...

Кока уныло ждал, пока Анзор ходил «смотреть». Вернувшись, тот сухо сообщил, что у него на пачке написано то, что нужно, и ледяным тоном добавил:

– Что ты мне голову морочишь? Все довольны таблетками, только вы втроем непутевый кипешь поднимаете и наглые нахалки кидаете! Без кодеина... Ничего себе! Эдак каждый может пустые пачки заменить! – намекнул он с нажимом.

И Кока окончательно понял, что ловить больше нечего. Ему сразу вспомнились странные лица парней на бирже, их ухмылки и ироничные советы «не умереть от кайфа». Наверно, там все знают, что Анзор нагло кидает тех, кого можно кидануть.

Повесив трубку, Кока прикинул, что теперь крайне трудно что-либо доказать. По правилам он должен был сразу, получив от Анзора пачки, заметить непорядок и вернуть их – тогда шансов больше. А сейчас... Да, каждый может выпить таблетки с кодеином, а упаковки показывать другие... Иди и докажи!.. Словом, кидняк проведен виртуозно, по всем правилам!

И Кока принялся яростно и горестно ругать советскую жизнь, где человек за свои кровные не может получить нормального кайфа, без которого так трудно существовать в этой варварской стране лгунов и кидал. Тугуши и Художник советовались, как промыть желудки и избавиться от пилюльных завалов.

А бабушка уже несла испеченную к чаю мазурку для «лоботрясов», как она называла знакомых внука, часть которых, по ее мнению, была пассивными бездельниками, а другая – активными тунеядцами.

– Почему же ты не подал те крахмальные салфетки, что так любила моя матушка? Они идут к этому сервису. О, среди нашего рода Гамрекели никогда не было таких оболтусов, как ты! – пожурела она его, разрезая мазурку.

– Да? – огрызнулся Кока. – А мой папаша?

– Это совсем другое дело. Душа поэта... Поэтам многое прощительно... А вы, друзья, должны найти свое место в жизни и заняться каким-либо полезным делом. Прошу к столу, господа! Берите, пока горячая!

– Нет-нет, спасибо, горячего нам совсем не надо, нам пора, – невесело ответили они, с отвращением глядя на мазурку: тортов еще не хватало после котлет с лакрицей и макарон с термописом!

7

Шестиклассник Гоглик, сын Ладо, в последнее время готовил уроки с отличницей Натой Арчвадзе, дочерью Гуги. Жили они по соседству, их вместе таскали в детсад, по елкам, праздникам и ТЮЗам. Теперь вот Гоглику, большому лодырю, порекомендовали заниматься с Натой, лучшей ученицей класса, чему он чрезвычайно обрадовался, ибо был влюблен в нее, как, впрочем, и все дворовые мальчишки, кроме одного хулигана постарше, который влюбился в пионервожатую из другого района и каждый день ездил встречать ее после школы.

Чтобы чаще видеть Нату, Гоглик решил применить новую тактику – совсем перестать делать уроки. Это было сколь приятно, столь и полезно – учительница настоятельно советовала Нате обращать больше внимания на подопечного. И Ната волей-неволей приходила чаще, чем раньше, – она была ответственной девочкой да еще старостой класса. Ожидая ее, довольный Гоглик вертелся перед зеркалом, поливаясь духами и расчесывая челку то так, то эдак: налево выходил Гитлер, направо – Че Гевара, а посередине – Джон Леннон. Все было отлично. Жизнь портили только подлые прыщи, которые усердно замазывались маминой пудрой.

И сегодня, как обычно, Ната аккуратно разложила учебники, тетрадки, карандаши, циркуль, начала объяснять задачу, но Гоглик никак не мог понять числа «пи» – у него в голове пипикали совсем другие мысли.

– Давай сделаем перерыв, порисуем или почитаем, я устал!

Хотя чтение явно не относилось к любимым занятиям Гоглика, но все-таки было лучше опостылевшей математики.

Ната, помня, что он пару раз и правда вздремывал под математику, начала назидательно:

– Вырастешь неучем! Учти: геометрия нужна тебе, а не учителю! – Но Гоглик стал корчить такие скорбные мины, что она, готовая к разным штучкам, которыми ее донимали мальчишки, уклончиво согласилась: – Ладно. Почитать можно, но смотря что.

– А вот то, что я на столе у папы нашел. Ну, хочешь? – Это был шанс не только избавиться от проклятого «пи», но и посидеть рядом с Натой на диване. Может быть, даже коснуться ее плечом или рукой...

Девочка, которой тоже порядком надоели теоремы (сама она знала их назубок), кивнула:

– Давай! – Но предупредила: если там будет что-нибудь «такое», она обидится и больше не придет.

– Нет, что ты! – заверил ее Гоглик и вернулся с рукописью, вложенной в старую газету. – Вот. Я вчера тут почитал немного... Про бесов...

– Про кого? – не поняла Ната.

– Ну, про этих, с рогами! – И он для убедительности скорчил рожу.

– Хм, – произнесла она. Косички ее дрогнули. – Давай.

– Будем по очереди, а то я устану, – предупредил он.

– Ничего, тебе полезно! – строго сказала Ната, устраиваясь в кресле, а не на диване. – Только читай внятно, со смыслом, а не как пономарь!

Каков сей пономарь, часто поминаемый на уроках, дети не знали, но представляли себе сухого красноногого небритого шепелявого пьянчугу, вроде тех, что вьются у пивных ларьков, выпрашивая мелочь. Гоглик не хотел быть на них похож. Поэтому начал старательно читать:

«Вечерами отроги Южного Кавказа впадают в столбняк, уползают под шкуру небесного буйвола. Разом стихает скрипучий лес. Плотный туман сочится из гулких расщелин, обволакивает остовы валунов, по-хозяйски, не спеша, роется в ветвях, перебирает листья. Сизые тени развешены по черным кустам. Засыпают озера. На ледниках возбужденно взвиваются снежные выюги. Гудит буран. И несет морозной пылью, когда бог Воби начинает откусывать сугробы от своего снежного каравая.

Пленный бес просыпался на закате и слушал одни и те же скрипы деревьев, шорохи трав и трескотню льдинок. Без хозяина-шамана идти из пещеры он не мог и не смел, ибо давным-давно уловлен сетью и посажен на крюк в скальном шкафу коротать дни и ночи под надзором шамана.

Когда шаман засыпал, из его тела выходил двойник и садился стеречь беса, давить крыс и отгонять злых духов. А в плошке само по себе вспыхивало пламя и горело ночи напролет стойко, не поддаваясь сквознякам и ветрам, которые бес исподтишка испускал от досады. Под утро двойник уходил. За ним исчезало пламя. Оно самое опасное: сторожит всех, вспыхивает, когда желает, хотя никто никогда маслом плошку не заправлял и не вставлял фитилей.

Сейчас двойник насуплен и угрюм. Его голубые глаза обращены внутрь. И пламя дергается, зеленея, точно больной изумруд. Бес исподволь завел один из уклончивых разговоров:

– Я на привязи, пусти-ти идти-ти! Наружу! Что тебе? Надо нюхать ночь! Наружу-жу!

Двойник не отвечал, что-то рассматривая перед собой. Бес подобрался вплотную к столу, заныл:

– Душнота! Дышота! Плохота!

Двойник шевельнулся:

– Ты дышишь другим воздухом! Пошел в шкаф! – приказал он, а шаман во сне перевернулся с живота на спину и проговорил что-то на странном наречии.

Двойник наострился на спящее тело. Потом погнал беса на место.

И бес пошел, отшатываясь от полки, где дремлет запертый в ножны кинжал, насуплен гранитный шар и вздыхает розовый лепесток в хрустальном яйце. Все это было очень опасным. Ужасным был и бубен в сундуке, огромный, обтянутый оленьей кожей, старый и сердитый. Он исходит злостью и гремит почему зря. У бубна есть костяная сестра-колотушка, при удобном случае охотно бьющая куда попало. Сделана из волчьей кости, любит толкаться и стучаться. Но самым страшным был идол Айнину, который из скальной ниши пялился своими агатовыми глазами и мог насылать порчи и корчи. Его боялся сам хозяин и держал под особой мешковиной, из-под которой идол иногда тревожно гудел по ночам, отчего в пещере не бывало покоя.

Бес привык к суровости двойника. Побоями и руганью заканчивались бесконечные уговоры бежать куда-нибудь подальше:

– Брось хилое тело! Летим-свистим отсюда! Хорошошо вместе! – слезливым нытьем подбивал бес сторожа.

Но двойник был неприступен, всегда настороже и закрывал собой щели и дыры, куда мог просочиться бес. Делать нечего, надо лезть в шкаф.

Изредка шаман выводил его к озеру – кормиться. Сам сидел на камне, а беса на невидимой веревке пускал пастись. Бес расправлял крылья, жадно и часто зевал, скулил, ежась от голода. Он питался не только земной скверной, но и последними дыханиями умирающих: искал в эфире лакомые запахи смерти, находил место, где должен изойти чей-нибудь последний вздох, и рвался туда, но невидимая вервь надежно держала его. И он, голодный, покорно ждал, пока шаман не потащит его обратно в келью. Несносный крюк, проклятая цепь! И почему его мохнатое величество, царь-сатана Бегела не спасает его от шкафа? Или правду говорят собраты – кого царь любит, того и мучит?

Временами бес пытался усовестить шамана:

– Зачем держать? Я малый бес, убивать не могу. Что знал – сказал, открыл, отдал. Чего надо? Нас много-го-го! Они там, на воле!

– Одной тварью меньше – уже немало! – Шаман хватал гранитный шар и чертил им в воздухе искрящийся знак, отвратный и ядовитый, как укус летучего тарантула. Бес цепенел и сникал.

Если бес начинал слезливо просить отпустить его на все шесть сторон света, то шаман выразительно поглядывал на кинжал. Его он всегда носил с собой, а в пещере прятал в ножнах.

Этот мстительный и подлый кинжал однажды уже сорвался с полки и отрезал бесу кончик хвоста: пошла черная кровь, седоусая крыса унесла обрубок в нору, а бес болел с полгода.

Если он пытался неуклюже рваться с цепи, то шаман клеймил его огнем: раскалял кинжал и прикладывал к лапам. И бес с визгами уползал в шкаф, где зализывал раны, проклиная хозяина, давясь желчью и умоляя Пиркуши, подземного кузнеца, снабдить его чем-нибудь против мучителя. Но зовы малых бесов не проходят сквозь земную твердь. Никто не слышит, не хочет их слышать, а тем более оглохший хромой Пиркуши, который день и ночь где-то в своей кузнице серным молотом выбивает из людей зло, а из демонов – добро и жалость, что случайно затесались в них.

Бесконечный голод сжигал огнем. О, эти последние стоны, вздохи, всхлипы, всхрапы и вскрики людей, такие разные на вкус! О, прелесть последних дыханий, из которых сначала надо выпивать сок, а потом выедавать плоть! Нет одинаковых. Да, хозяин дважды в году, зимой и летом, отпускал его на веревке в село, где умирали старики или околевал скот. Праздничное угощение! Но старческие дыхания дряблы и сухи, а звериные – горьки, безвкусны, а иногда и ядовиты. И бес прилетал распаленным и злым, с новыми силами строил козни, рвался с крюка и пытался перегрызть цепь, но шаман был священным магом, и побороть его бесу не под силу.

Хозяин так ослабил его слух и нюх, что бес потерял связь с сородичами, а раньше всегда знал, где на Кавказе гудят шабаши и волнуются сходки. Он был так обильно кроплен святой водой, что стал бояться всякой воды, хотя прежде любил плескаться во владениях бога Воби, который напускает ливни, когда вздумается, и с громом садится каждую ночь за свой льдистый ужин.

Сейчас бес нутром чуял: с хозяином неладно. Что плохо для людей – то хорошо для бесов! И он, довольной тихой сапой, стал бесшумно слоняться по пещере, сторонясь наскальных знаков и отшатываясь от опасной полки, с которой слышались шипенье шара и глухой ропот ножен.

Воловья шкура зловеще хлопала и надувалась на ветру. Гуляли сквозняки и свисты. Шаман ворочался на бараньей подстилке. Как-то странно икал, рыгал, коряво проговаривал гневные звуки и целые фразы, глядя невидящими глазами на двойника в упор. С губ летели пена и сукровица. Двойник отводил глаза, ежился, отсвечивая голубым.

Вдруг шаман сел, слепо повел головой и проревел несколько дробных, утробных слов. И двойник вмиг исчез – только заскрипела воловья полость да упал кусочек камня. Шаман повалился навзничь и затих. Пламя в плошке задергалось, хирея.

Не растерявшись, бес плевком погасил огонь. Не отрывая глаз от полки, опасливо пятясь и пялясь на молчаливое тело хозяина, он кое-как вылез наружу. Лежалые крылья чуть не подвели его, но он судорожно задергал ими, со скрипом раскрывая во весь размах, и заковылял к откосу. Онемевшие лапы скользили по наледи. На ходу он изогнулся, перекусил веревку, увеличил прыжки и рывком снялся с обрыва. Вскачь прочь в ночь!

Бес помчался на восток. Сбежать в Индию надоумил его старый кадж¹⁵, с которым он успел как-то пошутничать в кустах, пока хозяин собирал маковую слезу для своих снадобий. Этот плешивый колченогий старикан сказал, что бежать надо прямо в Индию, где легко затеряться среди всякой нечисти:

– Если удерешь – то держи путь на восток! Здесь, на Кавказе, шаману известны твои пути. А в Индии, Большой Долине, можно надежно укрыться от мучителя, там много наших!

Бес запомнил совет и сейчас мчался, огибая утесы и пересекая ущелья. Воздушные омуты свистели и грохотали, будто камнепады. Пар был слоист и курчав. Он летел уже долго и с непривычки устал. Крылья стали неметь, скрипеть и гнуться, трещали перепонки. Он выво-

¹⁵ Мелкие бесы грузинского фольклора.

рачивал морду назад и чуть не столкнулся с тучным и рыхлым духом – тот вихрем просвистел мимо, проклиная все на свете:

– Огонь, пожар и пламя!

Бесу были знакомы эти ленивые духи дымов, которые вечно копятся над кострами, жиреют от запаха крови, купаясь в дымах, как в прибое. Жируют без дела и знают места, где легко пожить. Но не до них сейчас! Воля! Свобода! Не плен! Не капкан!

Он мчался, ошеломленный. Внизу дымились воды, сверкали скалы, плыли поля. Над Памиром, заглядевшись на блестящие ленты льда, он врезался в неизвестно откуда взявшегося орла. Тот камнем пошел вниз, клопоча и теряя в агонии перья.

Бес не стал гнаться за его последним вздохом, а резко ушел в зенит и с высоты начал выбирать место, где можно найти пищу и отдых. Нашел. Круто свернул вниз. На окраине деревушки сложил гудевшие крылья. Стал внюхиваться в эфир...

Вон там умирает человек!.. Бес перемахнул через забор во двор, где горел костер, а из дома слышалось гнусавое пение. Жрецов и колдунов он ненавидел: они всегда рядом со смертью и мерзкими уловками отгоняют от легкой добычи. Обогнув костер, он неслышно проник в дом.

На кровати лежало что-то малое, серое, седое. Одни седины, морщины. Повсюду – краснорожие и толстобрюхие божки. На полу сидят два жреца. Один, с красной крашеной косой, встревоженно поднял голову. Ведуны могли третьим глазом различать его облик. Поэтому лучше замереть, затихнуть, оглядеться. Но жрец, потрогав пустоту, принялся дальше читать по свитку. Его белая хламида расшита камнями и разрисована черными узорами, угрожающими на вид и нюх. Рядом другой жрец, в красной маске и колокольцах, время от времени трубил в рожок, щелкал по барабану, разворачивал свитки.

Они вели душу к последнему исходу. Сейчас лучше их не трогать. И зачем они иногда из всех сил дудят в длинные костяные трубы?.. Таких огромных труб он никогда не видел. Не из человеческих ли костей? От заунывного воя нагревалась башка, по крыльям сновали мурашки, в зобу спирало. Алая грубая маска жреца подмигивала, наводила тоску. Кто ж не знает, что для бесов опасней всего маски, шумы и огонь? Но куда скрыться от рыков, звонов и гримас? Бежать? Нет, он пересиливал себя, зная, что час близок.

Надо скорчить рожу пострашнее, чтобы испугать и ускорить исход. Вот седое существо увидело его. Захлебнулось ужасом, заворочалось, заурчало. Из рта потекла струйка крови. Ухватив последнее дыхание, бес стал выматывать его из хилого тела, впавшего в тряску. Вырвал целиком и проглотил.

Жрецы повскакали с мест, заколотили в бубны, завопили:

– Хит-пхет! Хит-пхет! – и стали пальцами раздвигать родничок на черепе смертника, помогая запуганной душе выбраться наружу.

Но бес свое уже получил и торопливо доедал комковатые, с гнильцой и желчью, старческие всхлипы. Скоро все было кончено. Пятясь и опрокидывая божков, он покинул дом и двор, где голосили измазанные грязью женщины, скулили псы и плакали дети, а из-за плетня по-бараньи пялились соседи.

Он набрал высоту и полетел над белой пустыней облаков. Вспомнил рассказ колченогого каджа о том, как однажды, заблудившись после шабаша, тот долго летел над океаном, вконец обессилел от голода, и вдруг ему встретилось последнее дыхание кита, такое огромное и плотное, что он, оседлав его, полетел на нем дальше, отрывая и пожирая куски. Еще плешивый старикан говорил, что очень вкусны дыхания слонов – они не прозрачны, а молочнобелы. А дыхания священных коров, оказывается, вкусом напоминают разведенный в росе мед! Скорее в Индию! Там ждет еда и хорошая жизнь!

Вот внизу появилась река. «Ганг! Ганг!» – забились и зазвенели небесные гонги. Эфир реки жил своей жизнью. Виднелись стайки мелкой нечисти. Гордо, поодиночке, парили охот-

ники за запахами, сновали юркие двойники. Демоны курили кальяны под мшистыми пальмами. Низко над руслом кружили феи воды. Их забава – плести из водорослей венки и набрасывать на шеи любопытных цапель. Бес оглушительным свистом распугал эту никчемную мелочь, и она в страхе попятилась в осоку, где крокодил тащил в воду глупую корову. Бес визгливо завопил:

– Бросай! Отпускай! Ай! Эй! Скорей!

Зеленый гад в страхе бросил корову, исчез, потом высунул морду из воды и стал посылать вдогонку проклятия, а довольный бес плюнул в него горячей серой. Вот в тростнике копошатся ведьмы, вопят, что мокры от похоти, но он пока не обращал на них внимания, упиваясь полетом. Сперва пища, потом бабища!

Вдруг он явственно ощутил запах большой смерти. Он исходит от храма на излучине реки. В храмах всегда есть места для больных и умирающих монахов-шатунгов. Бес с некоторой опаской опустился на крыши с загнутыми краями. Как по ступенькам, добрался до низа. Заглянул во двор. Монахи расходились после молитвы, в ярких тогах похожие на оранжевых жуков. Он перелетел на стену и не спеша пошел по ней, оглядывая двор. По дороге небрежно скинул вниз угрюмого стервятника, ковырявшего клювом в когтях.

Так и есть!.. Два босых монаха, в широкополых шляпах набекрень, босиком, разносят рис и воду. Больные перешептываются. Бес вник. Обычная болтовня о том, что смерть в стенах этого храма принесет им много счастья в других жизнях, когда-нибудь потом. Глупые существа! Им невдомек, что нет никакого потом, а только раньше и сейчас!

Бес подобрался к голому старику, бормотавшему какую-то чушь:

– Я вижу страх! Мать, помоги! Драконы готовы пахать! Я делал звезды из кала! Аркан, лети мимо! Небо открыто для черепак!

Глаза старика округлились и блестели. Бес крепко взял в лапы костистое лицо и неторопливо высосал горькое и дряблое дыхание. Отплеываясь, в досаде принялся выискивать новую пищу.

Паломники встревоженно заворочались. Они были беззащитны. Их двойники блуждали далеко отсюда, в иных местах и временах, а те, что тут, неопасны, слабы и заняты очисткой завалов памяти перед последней дорогой. Всем известно, что где-то на далеком троне тысячерукий и тысяченогий бог держит нити всех жизней, а майский жук, подлетая к трону, изредка наугад перекусывает одну из них.

Бес приступил к трапезе. Вырывать из ослабевших оболочек последние вздохи и охи было легко и просто. Двойники, сгрудившись, напряженно следили за ним. А бес, чувствуя власть, не спеша вицеживал всхлипы, стоны и шепот.

Краем глаза он видел, что из-за курчавой от резьбы каменной колонны выглядывают недовольные местные ведьмы. Слишком маленькие, они не решаются напасть, но настойчиво зыркают из укрытия, пуская пучки брани:

– Пошел отсюда!

– Урод, чужак!

– Наше, не твое!

– Не трогай!

Пока они ругались, он делал свое дело. Но когда ведьмы пропали, забеспокоился – они могли привести больших нетопырей и оборотней. В спешке догрыз пищу, взлетел на стену и стал смотреть, как монахи укладывают мертвых на длинные куски оранжевой ткани. Побросав кости и кальяны, приплелись похоронщики с носилками и начали в недоумении озирались.

Голод исчез, но выслал вместо себя похоть. Лететь дальше! С непривычки раздувшись и отяжелев, бес покинул стену и медленно полетел вдоль реки.

Горы росли в слоистом тумане. Трудно петлять между ними с набитым брюхом! Надо подняться выше – туда, где нет ни птиц, ни духов, ни облаков, а только густой воздух, рассы-

паясь на блески, звенит в тишине. Изморось опять покрыла морду и крылья. Стало трудно лететь.

Скоро он увидел всю Большую Долину, Индию. Она проглядывала сквозь хлопья пара, простиралась до самой полосы океана».

– Все, глава кончилась. – Гоглик украдкой взглянул на девочку, молчавшую в кресле (за время чтения она не пошевелилась). – Кто такие? Что такое? Что за жрецы, монахи, шаманы? Ничего не понимаю!

– Он сбежал от хозяина, теперь должен спрятаться, – объяснила Ната так, словно речь шла о пропавшей кошке. – А шаманы – вроде наших попов, только не молятся, а пляшут и воют. По телеку показывали. Ты вообще веришь, что они есть – бесы, ведьмы, какие-то странные двойники?

– Кто его знает... – уклончиво ответил Гоглик, который был не очень крепок по этой части и всегда просил, чтобы не тушили свет, пока он не заснет. – Двойники-дневники! Наверно, есть... Ночью летают, спать не дают. Вот один сбежал и будет теперь шастать повсюду... На тебя прыгнет! – Он опять попытался дернуть Нату за косички, но получил крепкий отпор и притих.

Тут бабушка позвала их к столу. Гоглик, пряча рукопись, пообещал завтра продолжить чтение, а сам подумал, что готов читать вслух вечно, только чтобы рядом были эти глаза с лукавинкой.

– А такое можно читать детям? – спросила напоследок Ната, аккуратно складывая свои глянцевики тетрадки и с некоторым беспокойством косясь на замусоленную газету, в которую упакована рукопись.

– Конечно, – беспечно отозвался Гоглик. – Да и какие мы дети?.. Ты что?.. Дети вон в песочке играют!

– Нет, пока мне не исполнится семнадцать лет, я еще ребенок, мне мама объяснила. И все, не перечь! – ответила Ната, что вовсе не обнадежило Гоглика, больше заинтересованного бретельками на ее плечах, чем всеми гадами на свете.

Он смотрел, не отрываясь, как Ната собирает учебники, и думал, что было бы хорошо поскорее жениться на ней и всю жизнь быть вместе, рядом.

– Эй! – очнулся он от ее голоса. – Что с тобой? Тебе плохо? Тошнит?

– Нет, только голова распухла от этих ведьм... – И он стал с остервенением тереть затылок и даже перевязал лоб носовым платком.

А Ната размышляла, как можно питаться чужими дыханиями – ведь это противоречит химии!.. А во время поцелуев?.. Показывают же по телевизору, как люди по полчаса целуются рот в рот!.. Куда тогда они дышат?.. Может, это и есть «питаться»?..

Делать уроки они больше не стали: у Гоглика от одной мысли об алгебре поднималась дурнота, Ната не настаивала – ей тоже было не по себе. Поэтому приглашение на завтрак оказалась очень кстати. Они отправились на кухню, где бабушка, все болезни лечившая цып-лятами-табака и горячими хачапури, усадила их за стол и принялась угощать так, будто они только что вернулись с войны.

8

Нана заставляла себя идти на свидание. Она останавливалась, рассеянно смотрела вдоль улицы в поисках такси. Надо ехать к старой филармонии и пересесть в машину к Нодару Баташвили. Она представляла себе все это очень живо, и ей становилось страшно. Она опаздывала, но не спешила, надеясь, что он уедет. Но в то же время оглядывалась, отыскивая зеленый огонек, и была уверена, что Бати будет ждать.

Иногда она боязливо косилась на другую сторону улицы – ей казалось, что Ладо где-то там, в толпе, с насмешкой наблюдает за ней. «Господи, за что мучения такие? Почему все должно быть так тяжело? Что я сделала плохого в жизни, чтобы страдать?» – смахивала она слезы.

Ее жизнь после внезапной смерти отца стала невыносимой. Семья осталась без средств. Потом – женитьба брата, размен квартиры – и Нана оказалась в двухкомнатной квартирке с матерью и склеротичкой-теткой, при полном безденежье: все, что было у отца на сберкнижке, ушло на похороны, ремонт квартиры, машину для брата. Мать ничего не умела делать и никогда не работала. Брат-шалопай околачивался без дела, его диплом геодезиста оказался никому не нужен. Тетка пребывала в полном маразме, делала под себя. Часто отключали воду, поэтому в комнатах витал тяжелый больной запах умирания.

Наступило затишье, оцепенение. При жизни отца было немало хороших предложений руки и сердца, но она не приняла ни одного: думала, молодость будет продолжаться вечно... Потом внезапно влюбилась в одного молодого доцента, но тот, покормив ее обещаниями, сбежал в Москву. Потом появился Ладо...

Его Нана любила сильнее, чем доцента, но все равно постепенно в ней разрослась, как саркома, одна-единственная мысль: «Замужество!» Так она надеялась решить все проблемы сразу: «Выйду замуж, рожу ребенка, буду жить по-человечески, а не так, как сейчас!» В ночных мечтах все было хорошо. Но наступал день, она шла на работу, и сердце начинало ждать звонка Ладо.

Ее злило, угнетало, обижало, иногда даже физически оскорбляло то, что он женат. Она считала, что главная беда не в том, что они с Ладо слишком поздно встретились, а в том, что он просто не настолько любит ее, чтобы развестись и жениться на ней. Однажды, в пылу ссоры, у него сорвалось с языка: «Если каждый раз жениться, что же это тогда будет?»

Она не могла простить ему тех опрометчивых слов. Понимала, что ему и так хорошо – потащит куда-нибудь на хату, наиграется с ней – с подоконника на стол, из ванны в кресло – а потом, торопливо проводив, отправится к себе домой, отдыхать на чистых простынях в кругу семьи!.. А ей – тащиться в постылый дом, где все одеты в черное, и слушать тирады истерички-матери и склеротички-тетки под терпкую вонь вечно полного горшка. Поэтому она заочно ненавидела и жену Ладо, и весь мир, в который он уходил от нее.

И Ладо злился, понимая правоту Наны. Чем ближе она бывала к правде, тем больше он кипел и выдумывал причины, по которым они никак не могут стать мужем и женой. Например, по его словам, выходило, что он никогда бы не простил ей ее прошлого, с его точки зрения, достаточно таинственного: как любовника это его мало беспокоило (даже, наверно, придавало пикантности), но как мужа – никак не устраивало! И точка. Переубедить его было невозможно. Или все мужчины такие болваны в ревности, или он такой упертый... Или врет, чтобы не жениться...

Еще Ладо часто говорил, что любовь приходит, а потом видоизменяется, превращается в привычку, а иногда в скрытую или даже открытую ненависть, любовь не стоит на месте, как и жизнь. Жизнь идет, и люди в ней меняются по ходу дела. Нередко сетовал, что он не мусульманин и не может посадить ее на цепь, хотя тотчас признавался, что понимает: один

человек никогда не сможет обладать другим до конца. Он в силах посадить Нану в башню, келью, гарем, сарай, но над ее душой у него не будет власти.

Также Ладو считал, что жизнь с таким неуживчивым, склонным к наркотикам и выпивке, меланхолии, депрессиям и дурным выходкам человеком, как он, была бы ей в непосильную тяжесть. «Зачем тебе эта лишняя обуза? – искренне удивлялся он. – Какой из меня муж?» На ее вопрос: «Как же тогда тебя жена терпит?» – Ладو отвечал, что за много лет она уже привыкла, приспособилась и вообще обязана терпеть. «Но тебе для чего такой, как я?» – резюмировал он, утверждая, что ей уготовано иное, лучшее будущее. «Тогда отпусти меня в него!» – просила она. «Иди! Никто не держит!» – отвечал он. На этом разговор буксовал и стопорился.

Были еще так называемые психо-причины, которые Ладو любит приводить. Например, что Нана потеряет его как мужчину сразу же, едва зазвучит свадебный марш, ибо, когда дичь поймана, охотник начинает искать новую добычу. «Пойманных рыб не кормят!» – повторял он дурацкую японскую поговорку, приводя в пример знакомые пары, где мужья начинали гулять тотчас после свадьбы, хотя и любили своих жен. В общем, замкнутый круг.

А теперь Нана стоит у обочины, не решаясь остановить такси и отправиться на свидание к Бати, который втайне от всех сделал ей предложение и ждет теперь ответа.

Бати начал неназойливо преследовать ее месяца два назад – то якобы случайно проезжал мимо, когда она шла с работы, то звонил по пустякам, то устраивал вечеринки, куда старался завлечь ее с помощью их общей подруги (через которую и познакомился с ней, лишь впоследствии узнав, что она любовница Ладо). И каждый раз просил Нану ничего не говорить Ладо: «Зачем лишняя ревность, ведь между нами ничего нет...» Это сблизало их невольно и незаметно. А недавно взял и прямо заявил, что уже давно любит ее и хочет на ней жениться. И наличие Ладо его не волнует, потому что он познакомился с ней не как с любовницей Ладо, а просто как с женщиной, на которую можно смотреть свободными глазами. И посмотрел. И понял, что она ему так мила, что он хочет взять ее в жены.

Вначале Нане показалось подозрительным, что Бати сразу после предложения стал деловито перечислять свое «приданое»: деньги, квартиру, машину, дачу, влиятельных родственников, крепкие связи. Еще более странной показалась фраза в конце монолога: «Не спеши с ответом. Если хочешь, проживем вместе, присмотримся друг к другу, а там видно будет...»

«Попросту говоря, ты предлагаешь стать твоей любовницей, содержанкой?» – с насмешкой резюмировала она.

«Нет, нет, дорогая, ты меня не так поняла! – сделал он большие глаза. – Но ты сама говорила, что такие вещи с ходу не решаются, надо посмотреть, что и как, притереться...» Хотя она ничего подобного не говорила.

В заключение Бати попросил держать пока в тайне их разговор, а над его словами подумать: «И сейчас, кстати, не рабство, а перестройка, и все делают, что хотят. Сколько ты в его любовницах бегать будешь? Время идет! Не забудь об этом!»

Нана в душе соглашалась с его словами и ни с кем не стала обсуждать его предложение, а тем более – с Ладо, который из каждой мухи раздувал слона, а тут лопнул бы от ревности.

Бати на какое-то время исчез, но вскоре опять позвонил, предложил что-то невинное, вроде мороженого в Ваке-парке. Она отказалась. Затем звонил еще и еще... Во время одного из таких разговоров Нана, словно помимо своей воли, согласилась выпить с ним кофе. Он был весел, вежлив, симпатичен, галантен и оставил хорошее впечатление. Рассказывал, какой у него замечательный магазин на Дезертирке, а в планах – прикупить еще одну палатку.

Потом они опять встретились во время ее перерыва. Позавтракали за городом около Мцхеты, а на обратном пути она поймала себя на мысли, что ей отнюдь не неприятен этот видный мужчина, который ничем не скован, всех знает, со всеми знаком, а ей оказывает милые знаки внимания, никогда, впрочем, не переходя границ.

Вскоре Нана в очередной раз поссорилась с Ладо. У них начался беспросветный четырехтактный разговор: «Где ты была?» – «А тебе что?» – «Я хочу знать!» – «Женись, тогда и хоти!» И его бессильная ярость, и кидание трубки, и резкие слова о том, что нельзя жениться на бабе, которая неизвестно где шляется и неизвестно что делает. И ее колкие туманные ответы, что кое-кто, возможно, придерживается иного мнения. И его пристрастные расспросы по поводу этих слов. И пьяные внезапные приезды к ней на работу с проверками и разборками. И скандалы в коридоре, за которыми с удовольствием наблюдали сотрудники. И, наконец, ее неприязнь к нему...

В следующие дни Нана была удручена, рассеянна. Бати по телефону уловил это (а может, она сама обмолвилась в сердцах?). Опять зашел разговор о женитьбе. Она мысленно убеждала себя, что он искренен: «Если не любит – зачем вся эта игра? Разве он, при его возможностях, не может найти себе женщину для развлечений?» А он удвоил внимание, вновь стал поджидать ее после работы, причем не у самого подъезда, а чуть подальше...

Так у них появились общие маленькие тайны, мимолетные касания рук, как бы нечаянно брошенные и так же нечаянно пойманные взгляды, вздохи... Нана почувствовала, что душа ее стала двоиться: с одной стороны, Ладо, отношения с которым зашли в тупик, с другой – Бати, с его галантностью, мерцающими глазами и реальными обещаниями счастья и комфорта.

Ночью, помогая тетке сходить на горшок, она вдруг с яростью подумала: «А что я, собственно, теряю? Распишусь с ним – и всё! Если что, разведусь, отсужу квартиру и буду жить себе спокойно! Разве мало женщин так делает?» Эта мысль показалась ей до того здоровой и заманчивой, что она тотчас уснула крепким сном, как после удачно принятого решения.

Когда Бати вскоре в очередной раз появился возле работы Наны, она села в его машину с твердым намерением принять предложение, но вместо этого вдруг заявила (сама себя не понимая), что принять предложение не может, так как любит другого человека. Бати с размаху ударил руками по рулю:

– Ладо? Но он женат!

– Ну и что? Я люблю его! – расплакалась Нана, и все в ее душе встало по своим местам.

Раздраженно включив зажигание, Бати выглянул в окно и вскользя спросил:

– Значит, если б его не было – ты бы стала моей?

– Не знаю. Что, убить собираешься?

– Не исключено! – рванул он с места так резко, что Нана больно ударилась спиной о сиденье.

Через пару дней с теткой случился очередной инсульт, пришлось ухаживать за ней, и однажды ночью Нана призналась матери, что кое-кто сделал ей предложение. А утром она то же самое сказала Ладо – в ней прорвалось мучительное любопытство: как он прореагирует на это известие? Как бы пробный шар...

Разговор не на шутку всполошил Ладо. Он помчался за ключами, потом повез ее куда-то на квартиру. Там Нана призналась ему, что все это вздор, и все кончилось постелью, слезами и примирением. Какое-то время они прожили дружно. Иногда, правда, Ладо принимался расспрашивать ее, кто делал ей предложение, но она отсмеивалась, отшучивалась и говорила, что один толстый и комичный сотрудник, который всем женщинам предлагает выйти за него замуж. Наконец, убедила – и убедилась сама: все это действительно вздор!

Потом случилась новая размолвка: началось с пустяка и перешло в упреки, плач, бесильную ярость и грубую брань. А что делать женщине после размолвки? Хватать телефон и звонить кому-нибудь поплакаться в жилетку и костюм...

Как-то само собой снова возник Бати.

И вот Нана стоит и ловит такси, чтобы ехать к нему на свидание, а в душе полный раздор и разлад. Зачем она едет? Чего она хочет? Куда ее несет? Эти вопросы мелькали в голове, а рука сама собой поднималась навстречу зеленому огоньку...

9

Бредовая мысль поехать на дело на троллейбусе пришла Сатане после третьей подмолтки. Затягиваясь «Примой», он просипел, яростно расчесывая свое мощное, как чурбан, туловище:

– Самый лучший понт – в троллейбусе поехать. Так никто из наших знакомых не ездит.

– Ты что, спятил? Додумался! – ответил из темноты Нугзар. Он тоже не спал. Посмотрел на часы. – Пора!

Всхрапывая с закрытыми глазами, Сатана пробормотал:

– Троллейбус...

– Вставай! – повысил голос Нугзар.

На кухне Сатана молча достал из холодильника пузырь с раствором, набрал полный шприц и протянул его Нугзару:

– Недавно только Рублевку кинули, а лекарства уже мало осталось. Давай, шваркни меня, а то в глазах рябит... В вену попасть не могу.

– Если вену найти не можешь – как хату брать собираешься? – недовольно прищурился Нугзар, вводя раствор в волосатую ручищу.

Сатана, зажав прокол, сплюнул:

– Не беспокойся, брат! Мы там большую дыру прогрызли, бегемот пролезет! Тебе тоже советую подмолотиться!

Но Нугзар решил не колоться, только закинул в рот кусочек опиума и проглотил его без воды. Да, дыра на чердаке была здоровая. Вот уже несколько дней по утрам они, под видом рабочих, ходили на чердак одного дома и тихой японской пилой, потные, грязные, злые, выпиливали квадрат в одном из перекрытий. Под ним располагался потолок ванной той квартиры, которую они собирались бомбить.

Взбодрившись и поскрипывая зубами, Сатана полез под холодный душ, сообщив Нугзару, что он наверняка родился из воды, так сильно любит купаться.

– Знаешь, один умный человек сказал: «Если бы не было воды, мы бы не умели плавать и все утонули!»

– Давай быстрее, не до болтовни сейчас! – поторопил его Нугзар.

Облачившись в слесарскую робу, он расхаживал по комнате и распахивал по карманам необходимое. Наган и лимонку он оставил Сатане, себе взял только свою, дедовскую финку.

– Чулки! – напомнил он сам себе.

Да, чулки для лиц надо брать, несмотря на то, что Нугзар был уверен – в квартире пусто: хозяйка уехала в командировку, а хозяин отдыхает в Ликани¹⁶. Из ванной вылез Сатана и стал натягивать слесарскую робу прямо на мокрое тело.

– Потом воняет, сука! – сообщил он.

– Ничего, в последний раз напяливаешь! – И Нугзар три раза сплюнул через плечо.

Сатана тоже старательно поплевал и постучал по столу.

– Садись на дорожку, – скомандовал Нугзар и сел сам, бегло оглядывая нежилую комнату. Взгляд его упал на стол, где лежал листок с номерами телефонов, по которым он звонил.

«Недаром садятся!» – удовлетворенно подумал он, сжигая бумагу.

– Удостоверения взял? – спросил он у Сатаны. По ксивам они были слесари-сантехники ЖЭКа № 27. – Девять часов. Мамуд ждет, – сказал, чувствуя, что машина уже внизу.

И правда – белый «москвич» с красными крестами на стеклах стоял у ворот. Из окна выглядывал бородатый Мамуд, многодетный отец, которому Нугзар в зоне спас жизнь, после

¹⁶ Курорт в Грузии.

чего Мамуд беззаветно служил ему, как раб. Когда Нугзар заглядывал к нему в гости, в май-данские джунгли, дети целовали ему руки, а сам Мамуд бежал в кладовку за мангалом.

– Вот и крест с нами! – сказал Нугзар, садясь вперед.

Мамуд, мимолетно и деликатно скользнув глазами по робам, спросил:

– Куда, Нугзар-джан?

– К Площади героев.

Ехали молча – в дороге Нугзар не любил разговаривать, о чем все знали. Когда выбрались на круг Площади, он стал жестами указывать дорогу – наверх, мимо винного магазина, мимо ларьков, мимо бани...

В тихой улочке он коснулся рукава Мамуда:

– Стой. Жди нас тут.

Нугзар деловым шагом направился к одному из проходных дворов. Сатана вразвалку последовал за ним. Они начали сосредоточенно, но небыстро пересекать большой двор, исподволь следя за происходящим. Дети играют в «минус пять». Старуха с кошелкой ковыляет мимо. Три подростка выясняют отношения за гаражами. Старик возится возле старой «лады» с открытым капотом. Все спокойно.

Никого не встретив в подъезде, они взбежали на самый верх и сноровисто забрались по пожарной лестнице на чердак. Плотно задвинув за собой крышку, сели отдышаться в пыльной тишине.

Пахло кошками и нагретой жостью. Роилась пыль. Валялись куски рубероида и гнилые доски. Пригибаясь под балками, на цыпочках, согнувшись, пробрались в угол. Сатана поддел ломиком выпиленный кусок дерева. Нугзар помогал ему. Открылась серая бязь. Сатана, перегнувшись, вырезал ее ножом, и она обрушилась вниз.

Нугзар прислушался. Из дыры тянуло запахом жилья.

– Тихо. Давай лестницу.

Спрятав нож и ломик в брезентовую сумку на боку, Сатана подтащил к дыре раздвижную стремянку. Стали осторожно спускаться во тьму ванной. Спрыгнув на пол, Нугзар чертыхнулся:

– Этого боялся. Заперто! Ломай!

Сатана вытащил ломик, ковырнул. Удар отразился упругим эхом в пустой квартире. Тишина. Нугзар уверенно проследовал в спальню, где стояла старинная резная мебель. Так же уверенно подошел к изящному комоду:

– Давай щипцы! – и с мясом вырвал замок верхнего ящичка...

В спальне нашли три шкатулки с драгоценностями и, мельком заглянув в каждую из них, высыпали содержимое в большой бумажный базарный мешок, извлеченный Сатаной из сумки.

– Он еще говорил про цепь, золотую цепь, помнишь? – прошептал Сатана, блестя глазами и лихорадочно накручивая клок волос.

Они обыскали платяной шкаф, но ничего не нашли. Сатана разрезал матрасы, подушки, ощупал абажуры, высыпал содержимое вазочек, но, кроме всякой дряни, ничего не обнаружилось.

– Здесь ничего нет. Пошли в кабинет.

В кабинете Нугзар занялся письменным столом.

– Даже не прячет! – сказал он, вытаскивая из среднего ящика пачки денег.

Потом замер, сосредоточенно глядя в одну точку и манипулируя руками в глубинах ящика. Выдвинул ящик до отказа. На свет появилось несколько сберкнижек. Из одной выпал маленький конвертик. Внутри была невзрачная бурая марка.

Нугзар без слов все побросал в мешок. Некоторое время возился с правой тумбой. Сатана помогал ему. Дверца не поддавалась. Одними клещами не обойтись! Нугзар сунул монтировку

в щель, надавил изо всех сил, и дверца треснула с оглушительным звуком, настолько похожим на выстрел, что Сатана невольно присел, а рука его дернулась к нагану.

В первых двух ящиках тумбы – деловые бумаги, переписка, бланки рецептов, коробка с сувенирами, ручки, карандаши, аппарат для давления, пачки презервативов, какие-то медицинские инструменты... Ничего. В третьем ящике – лекарства. Не допустив к ним Сатану, Нугзар передвинулся к левой тумбе.

«Вряд ли здесь, в столе, главное...» – думал он, наваливаясь на монтировку. Единственное, чего он сейчас желал, – это уверенности, что стол не стоит на отдельной сигнализации. Такое тоже бывало. Обычную сигнализацию они обошли сверху. А ну, если тут замкнет?..

В первом ящике он наткнулся на порножурналы. Там же лежал здоровенный искусственный член и еще какие-то приспособления телесного цвета.

– Зачем? – удивился Сатана. – Может, он петух?

– Где же цепь, где главные деньги? – разозлился Нугзар, усматривая в найденном члене нехороший знак. – У тебя тоже ничего, пусто?

Но Сатана не успел ответить. Они одновременно услышали, как поворачивается ключ во входной двери. Сатана, успев задернуть штору кабинета, отпрянул к полке и вытащил из-за пояса наган. Лицо его перекосилось. Нугзар упреждающе поднял руку. Дверь хлопнула. Щелчки замков и клавиш сигнализации. Мужской голос произнес:

– Ну, все в порядке, никого. Заходи, милая!

– Неудобно как-то, Давид Соломонович, а вдруг жена вернется? – отозвался женский голос.

– Гита, девочка, я же объяснил тебе – моя змея в командировке. Как только я узнал об ее отъезде, тотчас вернулся в город. Я очень соскучился по тебе. Кстати, козочка, у меня тут кое-что для тебя припасено, помнишь, я говорил? Сейчас, сейчас...

И воцарилась тишина, прерываемая шуршанием объятий.

Сатана и Нугзар переглянулись. Сатана руками спросил – что будем делать? Нугзар пожал плечами и, растопырив пятерню, ткнул ею в воздухе – другого выхода не было. Но показал на наган и погрозил – не стрелять! Потом вытащил из кармана злосчастные чулки. Бесшумно, двумя большими шагами на цыпочках, оказался около Сатаны, который в щель наблюдал, как в передней высокий бравый старик обнимает молодую блондинку с челкой во весь лоб.

– Нацепи! – протянул он Сатане чулок. – Будем давить!

– Как я скучал по тебе, девочка моя, Гита!.. Пойдем, я наберу тебе ванну, сделаю кофе, открою шампанское, – говорил старик, скидывая туфли и влезая в домашние тапочки. – Потру твою нежную спинку... Поцелую твои ножки...

Они ушли в комнаты.

Нугзар натянул чулок, поджался.

– Готов?.. – оглядел он Сатану. – Ты – к ней, я – к нему!.. Поправь чулок. Вперед!.. – скомандовал он и с треском распахнул дверь.

Он настиг старика около спальни. Тот, застыв с халатом в руке, растерянно смотрел на черноголовое чудовище. Из другой комнаты слышались визги и шлепки увесистых пощечин.

– Молчать! Лицом к стене! – грозно произнес Нугзар, потрясая в воздухе финкой.

Слышались звуки борьбы – это Сатана загонял женщину в туалет. Грохот двери и щелчок задвижки. Старик открыл от испуга рот и ошарашенно уставился на сверкающее у него перед очками лезвие.

– Лицом к стене, сказано! Руки на стену! – повысил голос Нугзар и резко повернул старика.

Споткнувшись, тот уперся в стену и глухо булькнул что-то.

– Слушай меня внимательно. Ты с этой шлюхой явился не вовремя, поэтому тебе придется самому отдать мне все.

Старик стоял недвижно. Нугзар положил ему на плечо свою руку, от которой исходил такой жар, что старик невольно попытался сбросить ее. Но рука сжала его сильнее, а Нугзар, нагнувшись к его уху, повторил серьезно, размеренно и разборчиво:

– Слушай внимательно, Давид! Сейчас ты отдашь мне все, что есть у тебя тут ценного, а не то страшная смерть – и тебе, и ей!.. Цепь, деньги за дачу, деньги на Израиль! Я знаю – все тут. Если не отдашь сам – будем пытаться, а потом убьем – и тебя, и ее, потом обыщем квартиру и все равно найдем. Понял? Пока вернется твоя змея – одни черви от вас останутся в этой жаре!.. Соображаешь?.. Слышишь меня?.. – И он лезвием финки поскреб висок старика, подцепил его очки, приподнял их и водрузил на место. Старик поежился, а Нугзар, перехватив его за локоть, повторил как заклинание: – Не отдашь сам – будем пытаться, убьем. Мы знаем точно, что деньги у тебя где-то тут! – И он очертил лезвием круг.

– Но... – выдавил наконец Давид Соломонович. – Но... Вы уже... Я вижу... – Не оборачиваясь, он кивком указал на развороченную спальню.

– Это цацки, ерунда. Я говорю о живых деньгах. Ведь тебе принесли неделю назад деньги за дачу?.. Хочешь скажу, в котором часу покупатель приходил? В полдвенадцатого ночи. На нем была черная рубашка с белыми полосами. И приехал он на белой «семерке»!

Спина старика обмякла.

– Недаром ты поставил квартиру на сигнализацию, а?.. – ехидно добавил Нугзар для надежности.

В это время из туалета послышались всплески.

– Слышишь? – спокойно произнес Нугзар, внимательно прислушиваясь к своей руке, которая, казалось, вошла в старика и шарит в его голове. – Это только начало... Ты измучаешься, умрешь, а деньги мы все равно найдем.

Появился Сатана. Подскочив к старику, он закричал, потрясая лимонкой:

– Где бабки?

Но Нугзар остановил его:

– Подожди! Убить его мы всегда успеем. Может быть, он поймет, в конце концов, что происходит. Должен понять, не мальчик... – И он сильнее сжал локоть старика, проникая в него, словно в вату.

Тот пробормотал, озираясь на Сатану:

– Что мне еще дать? Вы все уже забрали...

– Что-о-о? – зарычал Сатана, но Нугзар остановил его:

– Нет, бить мы его не будем... Иди, включай газ, грей отвертку!

Плечи старика поникли. Он взялся за галстук:

– Мне нехорошо...

– Понимаю. Поэтому и говорю – отдай все, и мы уйдем. Разве твоя жизнь не дороже этих бумажек? Я знаю, что ты замыслил сбежать в Израиль. Долго собирался, долго. Я ведь не прошу у тебя того, чего тут нет, что уже в тель-авивских банках покоится. Отдай мне то, что в квартире. У тебя еще останется! Будешь себе дальше своих цыпочек лизать, будут и они у тебя сосать... А так – муки, смерть, могила... Так что выбирай! – И Нугзар, загипнотизированный своими же словами, опять поднес к носу старика блестящее жало финки. Тот отпрянул. – Ну?

– Надо пройти в кабинет, – пробормотал старик.

– Надо – пройдем. Пошли! – И Нугзар повел старика за локоть по квартире; тот с трудом волочил ноги в шлепанцах.

В кабинете, увидев вскрытые ящики, он развел руками:

– Вы и здесь уже были... Что вам еще надо? Больше ничего нет. Всё.

– Всё, говоришь? – Нугзар швырнул старика в кресло. – Комедию ломаешь перед смертью? Эй, веди эту шлюху сюда! – крикнул он в сторону кухни, где гремел конфорками Сатана,

а сам навис над стариком. – Где главные деньги? Где двухкиловая цепь, которую твоя мать подарила твоей жене на свадьбу? Где?

Появился Сатана. Он за руку тащил женщину. Та упиралась. Во рту у нее торчал кляп из туалетной бумаги.

– Ну, что с ней сделать? Говори!

Старик поежился.

– Молчишь? Тогда давай, покажи ему, что его ожидает! – И Нугзар яростно махнул рукой.

Сатана рывком нагнул женщину к столу, распластал ее и, задрав юбку, с треском сорвал трусы, сбросил со своих плеч лямки, спустил комбинезон...

– Боже! – пробормотал старик.

– Это и с тобой он сделает. Он любит мужчин ебать, в зоне научился... – Под стоны и охи женщины Нугзар нагнулся к уху старика и прошептал: – Мы ведь так просто не уйдем, понимаешь? Ведь все равно найдем, но только тебя уже не будет на этом свете!

Старик стал отворачиваться, всхлипывая:

– Подонки, подонки!..

– Что? – холодно спросил Нугзар. – Ее отваляем и убьем, тебя будем пытаться, потом тоже убьем, а деньги будут наши!

Вдруг Нугзару показалось, что старик поглядывает в сторону письменного стола. Подозрительно спросил:

– Стол на сигнализации? Как только скрипнет входная дверь – я прирежу тебя, учти. Зарежу как свинью!

– Пусть он прекратит! – взмолился старик, слабо взмахивая рукой в сторону Сатаны.

– Говори, где деньги?

Старик жевал губами, не в силах произнести ни звука. Женщина, ерзая лицом по столу, стонала в такт толчкам. Нугзар в очередной раз дернул старика:

– Эй, дошло до тебя, наконец?

Сатана сунул дуло нагана куда-то вниз. Женщина взвизгнула.

Старик вскрикнул:

– Хватит! Я отдам деньги! Пусть он прекратит!

Нугзар поднял руку с финкой.

Стоны затихли. Сатана натянул робу, легко подтолкнул Гиту к креслу, она упала в него, запутавшись в обвитых вокруг щиколоток трусах. Старик встал на нетвердые ноги. Нугзар взял его за локоть. И они опять пошли по квартире. Старик обернулся на кресло, где полулежала Гита, но Нугзар потянул его за собой:

– Он не тронет ее без приказа.

Миновав сумрачную гостиную с мерцающей мебелью и душистым полом, они оказались в библиотеке.

– Вон, зеленая книга! – задрал голову старик, стараясь не смотреть на жуткий черный обрубок головы Нугзара.

– Что значит – зеленая? Ты полагаешь, я читать не умею, а? Не меньше твоего прочел, не сомневайся! Стефан Цвейг? Лезь сам!

Когда старик, трясаясь всем телом и опираясь на его руку, влез на стул и вытащил книгу, Нугзар сказал ему:

– Ты не зря все-таки приехал из Ликани...

Старик протянул ему книгу. Это был макет, набитый сторублевками.

– Сколько тут? – хмыкнул Нугзар.

– Не знаю... На черный день прятал.

– Черного дня ты еще не видел... – угрожающе хмыкнул Нугзар. Он попытался вытащить деньги из картонного каркаса, но купюры оказались такими ломкими и хрупкими от старости, что стали крошиться в его пальцах, как табачный лист. Нугзар покачал головой. – Всякие деньги видел, но чтобы вот так, от старости... Значит, еще много есть! – заключил он, перетирая в пальцах банкноту в прах.

Потом из-под чулка заглянул тяжелым взглядом старику прямо в душу:

– Здесь мало, мизер.

Старик опустил в кресло:

– Это последнее...

– Не торгуйся, жизнь дороже. Ты же видишь – это пепел, пыль, а не деньги. Где главный куш? Цепь?

– Цепь она продала... – пролепетал старик. – Это последнее.

– Врешь!.. Цепь еще недавно видели. – Нугзар ощерился. – Вот ты сейчас поймешь, какое оно, последнее, бывает! Эй! Волоки сюда эту блядь! И веревки из кухни! И пилу! А ты готовься! – обернулся он к старику. – Пришел твой конец, дурак! Про вас, евреев, говорят, что вы хитрые и мудрые, но ты, видно, туп, как пробка! И жаден, жид!

Появился Сатана. Он волоком тащил женщину. В другой руке у него был мешок и веревки. На плече брякала сумка.

– Вяжи ее к батарее, – деловито приказал Нугзар. – И заткни ей опять рот!

– Чем же заткнуть? – стал озираясь Сатана, придерживая женщину на полу, как овцу перед закланием. – А, вот... – И он потянул со стола вышитую скатерть. На пол со звоном посыпалась какая-то мелочь. Старик, сидя на стуле, безучастно смотрел перед собой, изредка поднимая руку к узлу галстука, который был давно распущен. Он, казалось, даже не заметил, как Нугзар приторочил его веревкой к стулу. Когда Сатана вытащил из сумки пилу, старик тупо спросил:

– Зачем?

– Пилить будем, – буднично отозвался Нугзар, разматывая шнур, – Раз ты так и не понял, кто перед тобой. А потом ее... Потом опять тебя... Ну? Скажешь, где деньги, старый осел?

– Стой! Он будет орать, ему тоже надо заткнуть рот! – остановил его Сатана и принялся рвать кусок от скатерти. Ткань не поддавалась. Тогда Нугзар помог ему, со свистом финкой рассекая ткань. Старик при этом отчаянно мигнул.

Нугзар неторопливо размотал шнур и показал старику вилку:

– Последний раз спрашиваю – где деньги?

Старик молчал.

Тогда Нугзар рванул рубаху на старике и приложил к его груди пилу:

– Ну?

Старик съежился, поник головой. Нугзар пару раз шлепнул его по щекам:

– Не притворяйся! Где деньги?

Свесив голову, старик произнес:

– Сними с сердца!

– Где деньги? – сумрачно произнес Нугзар, глядя из-под чулка отсутствующим отрешенным взглядом, от которого старика передернуло больше, чем от пилы. Сатана стоял наготове с куском скатерти. – Где деньги? – повторил Нугзар, сунул вилку в розетку и положил палец на кнопку.

– На кухне, в синей сумке, где картошка.

Нугзар выдернул вилку, а Сатана, перепрыгнув через Гиту, метнулся в кухню. Нугзар все это время стоял около старика, не спуская глаз с его лица, которое стало каким-то умиротворенным.

Сатана вернулся со спортивной сумкой. Прошуршав змейкой, развалил ее. На пол посыпались пачки денег. Коричневые сторублевки, зеленые доллары, всякие разноцветные купюры. Нугзар застыл.

– Молодец! – вырвалось у него. – А еще говорят, что у гинекологов грязная работа!

– Вот пиздовый доктор! – расплылся в улыбке Сатана, подняв по привычке руку схватиться за клочок, но нарвался на скользкий чулок.

Старик молчал, закрыв глаза. Нугзар сел на корточки и поворошил пачки. Старик вдруг посерел, обмяк и вместе со стулом повалился на пол, набок.

– Что такое? – крикнул Сатана.

– Черт его знает! Плохо ему! Собирай деньги в сумку! – освобождая старика от веревок и переворачивая его на спину, приказал Нугзар.

Тут от батареи замычала женщина. Нугзар оставил старика и перебрался к ней.

– С тобой что делать? – заглянув ей в глаза, спросил он.

Женщина опять замычала.

– Если тебя найдут здесь с ним, мертвым, тебе конец.

Она в ужасе задвигалась, показывая глазами на кляп.

Нугзар вырвал ткань.

– Умер? – приглушенно прохрипела она.

– Не знаю. Может быть.

– Возьмите меня с собой! – взмолилась она, со страхом глядя на неподвижное тело старика. – Не оставляйте меня тут! Я ничего никому не скажу!

– Хорошо. Иди поправь юбку, лицо попудри! Быстро! – принял решение Нугзар, потом склонился над стариком, который беззвучно лежал на спине и смотрел в потолок. – Давид! – произнес он.

Веки старика дрогнули.

– Это инфаркт, – прошелестел он синими губами. – Второй инфаркт... Вызови «скорую»...

Нугзар, наклонившись к его уху, проговорил:

– Ты забудь про все это, забудь! Забудь про деньги, это мусор, у тебя еще много есть, я знаю. И смотри – не делай глупостей, не вздумай ничего затевать... Это бесполезно, потому что, кроме стыда, ничего не принесет. Подумай сам. Затаскают, опозорят, а нас через два часа не только в городе – в стране не будет. На таможне нас уже ждут. Так что инфаркт – и всё. Лежи смирно, я вызову «скорую»...

– Как вы вошли? Кто вы?

Нугзар усмехнулся:

– У нас имени нету... – Он поднял трубку, набрал 03, но было занято. Набрал еще раз. Опять занято. – Может, на диван тебя? – спросил он.

– Нет, не трогай.

Нугзар поднял с пола макет с деньгами, крикнул в комнаты:

– Быстрее!.. – набрал еще раз. Занято.

Сатана отвязал Гиту, схватил сумку, мешок. Перекинул через плечо брезентовую сумку с инструментами, стоял, готовый.

И опять гудки. Нугзар набирал еще минуты две. Безрезультатно.

– Ну, не моя вина... Все время занято, – пожал он плечами. – Я оставляю дверь открытой – если повезет, соседи найдут. Больше ничего сделать не могу.

Они вышли на площадку и начали спускаться вниз, сняв с лиц чулки. Нугзар сказал Гите:

– Не забывай, я рядом. Если что – прикончу на месте.

Та послушно, как школьница, кивнула. Она была в шоке. Нугзар крепко взял ее под руку и быстро повел вниз по гулкой лестнице. Застучали каблучки.

– Тише! – приказал он, и каблучки перестали стучать. Следом пыхтел Сатана.

Около входной двери они на секунду замерли. Нугзар выглянул наружу, подтолкнул Гиту, еще раз предупредив:

– Не забудь – я сзади, в двух шагах. Пикнуть не успеешь. Иди! – И он сунул ей в руки макет книги. – Иди до угла, дама с книжкой!

У Гиты дрогнула спина, напрягся затылок, и она деревянно пошла через двор, где так же, как и час назад, под деревом играли дети да ошалевшие кошки слонялись по пеклу, не находя места для отдыха. Нугзар сверлил взором ее затылок, вполголоса командуя сзади:

– Налево! Направо! За угол! Вперед!

Когда показалась машина с дремавшим бородачом, Нугзар сказал ей в спину:

– Вон белый «москвич» с крестами. Садись в него!

Она ускорила шаг и вскоре уже дергала ручку. Нугзар помог ей открыть заднюю дверцу. Сатана с мешком и сумкой вломился с другой стороны.

– Подъем! – садясь вперед, потряс Нугзар Мамуда. – Поехали, да побыстрее!

Мамуд восхищенно уставился на Гиту:

– Ва, где взяли?

– Поехали! – перекрестился Нугзар.

Когда они объезжали Площадь героев, вдруг хлынул яростный августовский ливень.

– Хорошо!.. Первый дождь за лето! Сегодня ты будешь в кайфе, Мамуд! – И Нугзар, рассмеявшись, хлопнул по плечу ощерившегося бородача. – Ялла, Мамуд!

И Мамуд, выжимая газ, завизжал:

– Ялла! Ялла! Ялла!

Он давно не слышал радостного смеха своего спасителя и был рад, что все обошлось хорошо, без стрельбы, погони и ментов.

10

Майор на пятиминутке прочитал письмо из Министерства об усилении борьбы с коррупцией, которая после перестройки заметно выросла из-за всеобщего хаоса и разброда. Отпустив угрюмо выслушавших его сотрудников, он оставил в кабинете Пилию и Маку и, уже не сдерживая издевательского смеха, повторил:

– Ясно вам – надо бороться, надо победить! Вначале победим, а потом будем править! Правит всегда победитель, у него власть. А кому еще править, кроме нас?.. У кого опыт, связи, деньги, оружие, наконец? Кого все боятся? Политиков? Да на них плевать все хотят, их тасуют, как карты. А нас так легко не перетасуешь, мы сами кого хочешь тасанем! Всё. Сейчас едем в Кахетию, проверим наветы вашего лысого Серго!

Пилия мчался по кахетинскому шоссе на предельной скорости, уверенно распугивая попутные машины. Мака, в сверкающих черных очках, в расстегнутой до пупа рубашке хмуро смотрел на дорогу и изредка материл лысача-райкомовца, который наверняка обманул их, рассказав, что в одной деревне под Телави кто-то выращивает в теплице опиумный мак.

– Что он, двухголовый, чтобы врать такое? – успокаивал его майор с заднего сиденья, грызя семечки и сплевывая шелуху прямо на пол. Он уже нагрыз их столько, что ноги шуршали в плотном слое. – Ты думаешь, он не понимает, что его ждет, если он обманул нас и погнал в такую даль?

Пилия думал о том, зачем это боров решил ехать с ними – неужели поверил лысачу?.. Сам Пилия тоже сомневался в его словах, но Серго с таким упорством стоял на своем, что они решили проверить его показания. Сколько его ни подвешивали на наручниках, сколько ни били, ни угрожали – он ни о чем путном, кроме этой теплицы, не рассказал. Клялся, что знает только название деревни и имя. И от подброшенных чеков категорически отказывался, предупредив, что отец все равно собирается на пенсию, а потому шантаж его не особенно волнует. Конечно, врал. И его, и его отца можно было легко запачкать.

Помучив лысача и убедившись, что ничего, кроме реальной машины и мифической теплицы, из него не выжмешь, они решили съездить посмотреть, о чем тот талдычит. Лысача они оставили в подвале, забрав ключи от машины и решив отложить ее переоформление до понедельника, когда в ГАИ должен дежурить их близкий человек, капитан, который и сделает все без хлопот и забот.

Конечно, лысача можно было обрабатывать и дальше, но они планировали отпустить райкомовца: во-первых, за машину можно взять верные деньги; во-вторых, он им чем-то понравился; в-третьих, Пилия ночью должен лететь в Ташкент.

Пилия мысленно представлял себе предстоящую поездку. Он улетит последним рейсом, доберется до Ферганской долины, там пару дней... И на обратную дорогу столько же, в итоге – неделя. Майору, разумеется, ни слова о поездке. Так, надо ненадолго съездить в Западную Грузию, проведать умирающего родственника. Ничего, пусть они здесь без него поработают, а он потом подключится.

Тем более, что главный «певец», Кукусик, у него в руках, ходит за Пилией, как пес, и смотрит в руки – недавно обнаглел до того, что потребовал за день второй чек – не хватает, мол!.. Пилия, конечно, показал ему «второй чек», но он, подонок, чувствует, что они нуждаются в нем. «Пока нуждаемся!» – усмехнулся про себя Пилия. Кукусик, гнида, даже не подозревает, что ждет его, когда его услуги больше не будут нужны. Никакой прокурор не спасет!

Вдруг вспомнился разговор, который завел словоохотливый шофер такси, когда вез Пилию на день рождения тестя. Шофер был маленький, худенький, с длинным носом. Вначале он долго рассказывал о каком-то своем приятеле-забияке, в конце концов попавшем в тюрьму.

– Ну и что там с ним произошло? – вяло поинтересовался Пилия, разглядывая узоры на двух галстуках, которые вез тестю в подарок.

– Что могло случиться?.. – риторически спросил шофер. – Ничего хорошего! Убили его в тюрьме. Обычная судьба драчунов. Это как пловец, которого в итоге унесет море...

– Вот как? – взглянул Пилия на шофера. – Значит, конец наркомана?..

– В морфии утонет, – уверенно сказал шофер.

– Где столько морфия, чтобы утонуть, – усмехнулся Пилия и продолжил: – Конец пьяницы – в вине? Конец бабника – в сифилисе? Конец игрока – в проигрыше?

– Такова жизнь, – вздохнул шофер.

– А конец убийцы? – напрягся Пилия.

– Смерть, стопроцентная смерть, сто из ста смерть. Пулю съест или нож схлопочет. Как же иначе?

– Но и для всех других конец тот же – смерть! – пробормотал Пилия.

Шофер охотно пояснил:

– Для него смерть будет раньше. Другие уважаемо умрут, а этот – как собака, где-нибудь в канаве. Для других смерть попозже будет, а для убийцы – пораньше. Это Божья справедливость, без нее нельзя! – И сам, кажется, удивился резонности и убедительности своих доводов.

А Пилия весь вечер вспоминал этот нелепый разговор, разглядывая гостей тестя и фантазируя о тех концах, которые им уготованы. Надев черные очки, он цепенел от кодеина. Люди вокруг представлялись ему неведомыми существами – крупными, жрущими, пьющими, орущими, рычащими. И свет мерк в хрустальной люстре, и тамада, с бокалом в руке, был похож на дерево. И блестели в темноте ножи и вилки. Где-то крикнули, ахнули, отозвались, и хруст шел по душевной комнате, будто кто-то тщательно перемалывал человеческие кости.

– Направо! – вывел его из противных воспоминаний Мака, указывая на грунтовую дорогу. Майор на заднем сиденье отдыхал от семечек, шелестя ногами в шелухе.

«Китель нацепил в такую жару, для понта!» – неприязненно подумал Пилия, в зеркальце разглядывая майора.

Потом он счел нужным рассказать, что вчера у Кукусика выяснил, что этот врач Гуга регулярно ездил в какую-то московскую наркологическую лабораторию, где проделывал опыты на крысах и собаках, пускал им в башку ток разной силы, воздействовал на центры, которые, как выясился Кукусик, «кайф дают».

– А как он узнавал, что крысы в кайфе? – простодушно удивился Мака.

– Там же приборы, они показывают. Как бы это объяснить? Я сам с трудом понял, да и Кукусик, кретин, мало что смог объяснить вразумительно. Он этот аппарат не видел, только слышал о нем краем уха, про какую-то амигдалу говорили. Короче говоря, в мозгу есть какие-то зоны, которые отзываются на наркотики...

– Зоны сладкого режима... – пошутил майор.

– Если раздражать эти зоны слабыми токами, то можно вызывать кайф. Покрутил ручку – и как будто три ампулы вмазал. Крутанул еще – пара кубов по венам покатила. Так, во всяком случае, он говорит... Ничего себе машинка, а?.. Сиди и крути – ни тебе денег, беготни, улиц, шприцев, барыг, проколов – ничего! Обороты добавляй – и будь здоров! – заключил Пилия. – Гуга эту машинку спер и сюда, в Тбилиси, привез.

У Маки отвисла челюсть. Майор тоже слушал очень внимательно.

– Значит, скоро работы лишимся? – спросил он, зевая и утирая лоб.

– Уже работы мало, – поддакнул Мака. – Если эти морфинисты таких аппаратов понаделают, совсем не будет.

– А ты, бедный, сколько тысяч за свое место отвалил? – прервал его со смехом майор. – Фраернулся, парень!

– Да, – серьезно покачал головой Мака. – Лучше бы я в своей транспортной сидел, надежней было...

Все вздохнули. Время действительно наступило сложное. Перестройка так всех перепугала и перекрутила, что наркотики просто перестали поступать в город. Но зато с тех, кого ловили, можно было драть три шкуры, ничем не рискуя. Раньше приходилось бегать, вылавливать, выискивать, теперь – сиди и жди звонка от стукачей, а потом бери голыми руками без проблем.

– Это где-то здесь, скоро, – предупредил Мака, единственный, кто следил за дорогой.

Они въехали в нужное им село.

– Где дом дяди Михо? Который самый у вас тут богатый? – спросил Пилия у двух женщин в черном. Фамилии крестьянина лысач Серго не знал, но сказал, что зовут его дядя Михо, он самый богатый в селе, его дом – самый большой, а участок – самый огромный.

Одна женщина махнула рукой:

– А, дядя Михо! Прямо, прямо и прямо!

А другая сообщила дополнительно:

– Его дом самый красивый, сразу увидите.

Старательно объезжая лужи, Пилия поехал по селу.

– Ничего себе жилище у дяди Михо! – сказал он, уперев машину в литую решетку, окружавшую необозримый двор и двухэтажный дом с балконами. – Каждый день, небось, хашламу хавают...

– И осликов трахает! – добавил майор.

Пилия усмехнулся:

– Что, Гурам Ильич, завидно стало?.. Тебе бы такой домик, с хашламой, осликами и поросятами!

– А что, хорош, – майор оглядывал дом цепко и оценивающе.

Они вылезли из машины и стали вглядываться во двор.

– Вон там, в глубине, как будто теплицы видны! – сказал Мака, а майор подумал о том, что когда он выйдет на пенсию, то обязательно купит себе такой же дом и будет жить в нем спокойно, тихо и сладко, среди ягнят и девочек. Было бы здоровье, Господи!

Пилия настырно нажимал на звонок до тех пор, пока в воротах не появился мрачный небритый детина с отвислым пузом, в солдатских штанах и темной рубашке навывпуск. В правой руке он держал малярную кисть, с которой капала зеленая краска.

– Уголовный розыск! – показал ему удостоверение майор и, не дожидаясь ответа, направился к дому.

Парень, бросив кисть на траву, остался стоять в задумчивости. Двигаясь по двору беспечной походкой, Пилия отметил многочисленные сараи, амбары и птичники по всем углам. Дальше – обширный загон для скота. Большой сарай поодаль похож на мельницу. Еще дальше тускло поблескивают матовые крыши парников. У Пилии екнуло сердце.

Во дворе все чисто прибрано, блестят кузова вымытых «нивы» и «шестерки». Дорожки выметены, беседка увита курчавым виноградом. Пока они в молчании поднимались по ступенькам, в окнах второго этажа мелькнули головы, почувствовалось движение. Дверь была открыта. В комнате у стола стоял крепкий жилистый старик в круглой шапочке на массивной бритой голове.

– Вы дядя Михо? – спросил майор.

– Я. Входите, гостями будете!

– Никаких гостей. Я – майор Майсурадзе, уголовный розыск. Вот ордер на обыск дома.

Дядя Михо посмотрел на него долгим взглядом.

– Оружие, драгоценности, деньги, наркотики – на стол! – отрывисто приказал майор, косясь на антикварный буфет.

Дядя Михо продолжал смотреть на него, не шевелясь.

– Вы что, не поняли? Предлагаю добровольно сдать оружие, драгоценности, деньги и наркотики. Я знал, что кахетинцы медлительны, но не знал, что они глухи...

Инспекторы разошлись по углам. Поочередно оглянувшись на каждого, дядя Михо выдал:

– А в чем дело?

Рядом в комнате слышались какие-то звуки.

– Кто в доме? – насторожился майор.

– Семья, – кратко ответил дядя Михо и поднял глаза на майора. – Ничего у меня нет. Есть ружье охотничье, у жены два кольца. Всё. Больше ничего не имею, – добавил он, глубокими глазами настороженно следя за непрошеными гостями. – А в чем дело?

– Ружье – на стол, – проговорил Пилия, открывая ящики буфета и заглядывая внутрь.

– Эй, принесите ружье! – крикнул дядя Михо, и вскоре второй верзила, похожий на первого, тоже пузатый, небритый и босой, грохнул на стол охотничью двустволку.

– Сын? – спросил Пилия.

– Да.

– Зови их всех сюда, – приказал майор. – И говори, где у тебя растет мак! Учти, нам все известно.

– Мак? – переспросил старик. – За селом много в полях, сколько угодно.

– Как ты думаешь, мы, трое взрослых занятых людей, работников угрозыска, притащились к тебе в село просто так, хашламы поесть? – прищурился майор. – Мы ведь все знаем. Пол-Грузии опиухой снабжаешь. Ну-ка, веди в теплицу! Вы оставайтесь здесь, осмотрите дом, а я схожу с ним.

Майор первым вышел из дома. Дядя Михо нехотя и медленно последовал за ним, шаркая ногами и поправляя шапочку.

Они молча добрались до пристроек, причем майор чувствовал на себе пристальные взгляды из-за оконных занавесок. «Надо было всех в одну комнату согнать!» – подумал он.

В первой теплице росла клубника. Майор внимательно осмотрел хозяйство. Всё в порядке. Во второй подрагивали на длинных стеблях гвоздики.

– Это все чужое, – пояснил дядя Михо.

– Как это чужое?

– Так. Пришли люди, взяли в аренду теплицу, я только ухаживаю. Садоводом оформлен.

– Этот дом и земля принадлежат тебе? Твои? Ну и всё. И всё, что на ней, – твое! – отрезал майор, которого обнадежили слова крестьянина (раз начинает отмазываться – значит, тут что-то нечисто!) Он повторил: – Всё, что на твоей земле, – принадлежит тебе. Ясно?

Дядя Михо пожал плечами. В третьей теплице желтели цветочки огурцов. Майор, раздвигая кусты, прошелся вдоль грядок. Ничего, одни огурцы. Вышли наружу. Майор огляделся. Больше застекленных крыш не видно.

– А там что? – спросил он, указывая на сарай.

– Старые вещи, инструмент...

– Открывай!

В первом сарае стояли бутылки, лопаты, разошедшаяся давящая для винограда. Свалены ведра, ящики, бочки. Майор со злостью захлопнул дверь. Во втором сарае валялись запчасти от машин.

Они молча постояли в затхлом воздухе сарая, не глядя друг на друга. Майор, брезгливо касаясь пыльного железа, перевернул пару бамперов, ткнул ногой закоптелый аккумулятор, вытер руки платком.

Выйдя наружу, огляделся.

– А это что? Мельница?.. Пошли.

– Зачем? Мельница старая. Не работает.

Майор видел, как слабо двигается старческий небритый рот.

– Пошли, – повторил и направился напрямую к мельнице.

Ноги вязли в рыхлой земле, и майор разозлился, что запачкал ботинки. Дверь была заперта.

– Ключ дома, – сказал старик. – Надо взять.

– Не надо, – коротко рявкнул майор, поискал глазами на земле, нашел какую-то железяку и скovyрнул замок.

Когда вошли в предбанник, майор раздул ноздри: он уловил запах. Ничего подозрительного не увидел, но запах был явно странный. Майор пошел вдоль стен и вдруг почувствовал, что пол как бы вибрирует под ногами. Он начал внимательно осматривать его, потопал ногой. Наконец под грудой тряпья обнаружил люк. С трудом поднял крышку и замер от яркого света и сильного запаха, ударивших снизу. Майор обернулся к старику. Тот ошеломленно смотрел в люк, будто впервые видел его.

– Что это, мерзавец? – спросил майор и, достав из кобуры пистолет, полез вниз по крутой лестничке.

Под кварцевыми лампами ровными рядами рос мак. Зеленые головки растений – с мужской кулак.

– Ну-ка лезь сюда! – приказал майор.

Старик нехотя полез вниз. Они молча смотрели на зеленые ряды. Стоял такой густой запах, что, казалось, сам воздух был маслянистым.

– Ну, – сказал наконец майор, пряча пистолет, подходя к растениям и разглядывая их. Он никогда не видел мак в оранжерее и не верил своим глазам. Распустил галстук, повертел шей и не без труда сорвал длинный стебель с тяжелой головкой. Понюхал. Заметил темные надрезы на головке. Царапнул ногтем. – Ну, дядя Михо, теперь что скажешь?

Старик покосился на него, промолчал.

– Тебя за это дело расстрел ждет. Дело придется передать в КГБ! – внезапно для самого себя вслух решил майор, едва удерживаясь от желания ударить старика. Лампы палили так крепко, что майор взмок до нитки. От запаха у него кружилась голова. Ломило в затылке.

– Не мое это, – выдавил старик. – Кооперативное...

– Что-о? – удивился майор. – Кооперативный опиум, значит? А ты – председатель кооператива?

– Все это кооперативное... – повторил старик.

– В общем, к стенке хочешь... Или на пятнадцать лет в крытую... – сказал майор. – О каком кооперативе ты говоришь?..

– О медицинском, – невозмутимо ответил старик, но майор заметил, как из-под войлочной серой шапочки по лбу хозяина тоже поползла струйка пота, усмехнулся:

– Медицинский, говоришь?

– Медицинский, – подтвердил старик. – Когда начались эти кооперативы, ко мне пришел один дальний родственник, Гватуа из Хашури, и предложил сделать кооператив – лекарства готовить. Говорил, большие деньги за лекарства дают, в Грузии все день и ночь только и делают, что лечатся... У меня как раз место пустовало, вот этот подвал, я и согласился. Он подвал оборудовал, женьшень посадил, алоэ, мак, еще что-то, я не знаю, он меня к растениям не подпускает. Я только наверху воду открываю-закрываю. Открою-закрою, – для большей убедительности старик жестами показал, как это он делает. – С водой у нас плохо. А здесь часто поливать надо. Но если хорошо поливать – жирно растет.

– Жирно растет, говоришь? – ехидно переспросил майор, играя стеблем с головкой. – Грамм за сколько продаете? – поинтересовался он невзначай, прохаживаясь по теплице и трогая растения.

– Не знаю... Гватуа посадил – Гватуа режет – Гватуа продает, а я только кран с водой открываю-закрываю и лампочки меняю, если перегорят.

Старик с таким безмятежным видом повторял эту ахинею, что майор даже на секунду усомнился – может, он и в самом деле такой невинный и простецкий?.. Но, отметив еще раз струйки пота и заглянув в запавшие глаза старика, покачал головой, удивляясь своей наивности – да это же чудовище! Вот кто действительно пол-Грузии отравил, а не Кукусик или этот лысый райкомовец, давший им такой отличный накол, дай бог ему здоровья!

– В общем, плохи твои дела, дядя Михо, – резюмировал он. – Тут имеем выращивание, изготовление, хранение... Где, кстати, товар хранишь?

– Нигде не храню. Гватуа увозит.

Пропустив мимо ушей очередное упоминание о мифическом Гватуа, майор продолжал высчитывать, сколько лет грозит старику и сыновьям – выходило всем по пятнадцать, как минимум.

Старик, послушав майора, снял шапочку с бритой головы, утерся и спросил:

– Сколько?

– Пятнадцать. А может быть, и стенка. Шутка ли – мак выращивать?

– Я о другом спрашиваю. Сколько надо, чтобы вы ушли?

– Да ты что?! Мне орден дадут за это!

– Тысячу долларов! На троих.

Майор громко рассмеялся и щелкнул маковой головкой старика по лбу:

– Старый, а дурак! Кахетинский осел!

Старик невозмутимо пялился на него:

– Что, мало? Им по триста, тебе – четыреста.

– Пошли, приведем понятых, будем оформлять. Ты арестован. Где, кстати, этот Гватуа?

– Не знаю... Ну, две тысячи. Больше нету.

Майор зло уставился на старика:

– Ты очумел?! Неужели действительно не понимаешь, что происходит? Не прикидывайся болваном! Старый человек, как ты додумался до такого? Или денег тебе не хватает, кулак? Небось, весь дом на опиумные деньги построен? – Он взглянул на старика с неподдельным омерзением. – Тебя посадят, а имущество конфискуют.

– За что?

– За мак. За то, что людей травишь.

– Да за деревней целое поле этого мака растет... Кого же за него судить?..

– Прокурор тебе объяснит, кого и за что... За деревней растет совсем другой мак, не прикидывайся дурачком.

Тут снаружи раздались дуплетом два выстрела. Майор отшвырнул старика, живо вскарабкался по лестнице и бросился к дому, нашаривая под мышкой пистолет.

Подбегая, он услышал женский визг, звон посуды, грохот стульев. Распахнув дверь, увидел, что Мака, прижав к стене одного из сыновей, душит его стволом ружья, а Пилия борется со вторым бугаем. Детины ревели, как резанные.

Майор выстрелил в воздух:

– Стоять!

На овальный стол посыпались штукатурка, осколки люстры, и в этот момент Пилия, изловчившись, так заехал небритому быку по роже, что тот, рухнув на окно, выломал раму и вывалился во двор.

Майор крикнул Маке:

– Отпусти, умрет!

У Маки лицо было перекошено, он продолжал с силой давить на ствол. В это время Пилия, высунувшись в окно, выстрелил из пистолета. Со двора раздался вопль. Видя, что Пилия снова целится, майор бросился к нему и схватил за руку:

– Хватит! Хватит!

– Смотри! – закричал в ответ Пилия, указывая на стену, где дымились следы от пуль. – Дуплет дал, сволочь! Хорошо, Мака успел толкнуть его руку, а то я бы уже на том свете был!

Майор ошеломленно посмотрел на следы от жаканов:

– Мерзавец! – И он с наслаждением съездил притихшему под стволом детине по физиономии. Тот сполз по стене и прикрыл лицо руками. – Ничего, мы их в КПЗ так отделаем, что мать родная не узнает! Ну и гнездо! Во дворе, в подвале – поле мака!.. Давайте сюда наручники. Второго волоките со двора. Сейчас я позвоню в Телави, пусть явится начальник милиции и полюбуется, какие кооперативы у него под боком открыты!.. Бандиты! Мак выращивать! В первый раз такое вижу! Ну, вы у меня попляшете! А ты, старая сволочь! – обернулся он к старику. – Наверно, каждый день тосты за Грузию поднимаешь за этим столом, а? – хлопнул он по полированной поверхности стола.

В это время вернулся Мака с наручниками. Он сковал руки детине и отправился во двор за вторым, вокруг которого растерянно стояли женщины и дети. Тот стонал, уткнув в землю бородатое лицо и обхватив руками раненую ногу. Мака велел женщинам тащить его в дом и вызвать «скорую».

– Эй, Михо, что у вас случилось? – кричали с улицы соседи. – Кто стрелял?

– Ничего. Праздник! Убирайтесь отсюда, не ваше дело! – крикнул старик в открытую дверь.

Майор сидел за столом и писал протокол. Пилия осматривал дырки от пуль и, ежась, вспоминал, как пуля поворошила волосы на его голове.

Все молчали. Майор заполнил протокол обыска и обернулся к старику:

– Две тысячи, значит? Тебя и двести тысяч не спасут, дьявол!

Майор ликовал. Такое громкое дело могло очень способствовать карьере. Не только орден, но и повышение светило майору. Поэтому он решил раскрутить его на всю катушку, с фотографиями, газетами и телевидением.

Пока он писал, Пилия сходил в теплицу и вернулся с кучей черных бинтов, кисло-сладко пахнущих опиумом. Бросив их на стол, сказал:

– Помнишь, Бемал и Ашотик продавали бинты, метр за сто рублей? Очень на эти похожи! В кульке в углу лежали, под ведром. Там, наверное, полно еще разного всякого! Настоящее производство!

И он, вороша бинты, кратко объяснил несведущему Маке, что наркоманы додумались варить из маковых головок раствор-кокнар, окунать в него бинты, высушивать, перевозить их в сухом виде, куда надо, а потом опять варить в воде:

– И готово, пожалте ширяться! Чемодан бинтов под лимон тянуть может.

Вскоре примчался из Телави начальник милиции, еще более толстый, чем майор. Когда Пилия показывал ему подвал с маком, он квохтал и охал, повторяя, что дядя Михо – самый лучший колхозник, уважаемый человек, что во все это трудно поверить.

– Не мы же привезли все это с собой! – резонно заметил майор на его кудахтанье. – Тут целая банда. Надо задержать Гватуа, если такой вообще есть. Дом как следует обыскать, опечатать... До приезда экспертов ничего не трогать, никуда не ходить, никого не выпускать, привести понятых и журналистов.

Эксперты приехали очень быстро. Один, с перебитым носом, капитан, и второй, седой, гроза морфинистов, они быстро навели порядок – удалили посторонних, сделали тщательный обыск, простукали стены и пол. Пилия помогал им. Судебный фотограф щелкал всё подряд.

Переходя из комнаты в комнату, Пилия постепенно пришел в свое обычное возбуждение. За столько лет работы он никак не мог привыкнуть к тому пьянящему ощущению, которое испытывал при обысках. Его волновали испуганные лица людей, их беспомощные взгляды. В эти секунды он ощущал необычный подъем: внутри все напрягалось, в приливах изощренной хитрости он шарил и лазил там, где никто бы не догадался искать. Ломал и вскрывал то, что другим и в голову бы не пришло даже осматривать. Так, один раз он нашел драгоценности в железной коробке, заделанной в бетонный брусок, который валялся во дворе на самом видном месте. Пилия не смог бы объяснить, что заставило его упорствовать, вызывать рабочих с отбойными молотками и разносить вдребезги несчастный брусок. И никто, конечно, не поверил ему потом, что никакой предварительной информации он не имел. Но это было так. Просто он до такой степени разъярился от тщетности поисков, что, помнится, готов был поднять крышу или нырнуть в колодец. Единственное, чем брусок привлек его внимание – это поведение хозяина. Тот как-то по-собачьи не отходил от бруска, часто косился на него и ставил ногу.

Приближался вечер. Отца и сыновей увезли в Тбилиси, в управление МВД. Майор был очень доволен операцией: шутил с Макой по поводу его слов насчет отсутствия работы; говорил, что у Пилии сегодня день крещения – пуля ведь погладила его и причесала; хвалил лысача Двали; вспоминал, что это именно он, майор, настоял на поездке...

Насчет Гватуа были приняты меры, причем соседи подтвердили, что да, есть такой родственник у дяди Михо, и действительно они открыли медицинский кооператив, травами лечат, и все бумаги в порядке, в телавском горздраве лежат. Уже в городе, когда подъехали к отделению и Мака вышел, Пилия сказал майору:

– Ты крути это дело без меня, я должен в Западную Грузию съездить, родственник болен, при смерти...

Майор удивился, что Пилия так откровенно отказывается от своей доли в успехе, но поразмыслив, отпустил его с удовольствием:

– Езжай! Какой сом попался нам сегодня, а? Это тебе не чеки по карманам выуживать! – И стал предвкушать, как будет единолично готовить это вкусное блюдо и лакомиться им на досуге. Ведь какие цепочки пойдут от дяди Михо и Гватуа, какие люди проявятся! Если действительно есть бумаги на кооператив, то сразу же привлечь ревизоров, всю эту райисполкомовскую сволочь за халатность, пособничество, содрать с них по пять шкур... Да не забыть весь двор перепахать!

А Пилия, наблюдая, как Мака топчется возле машины, думал о том, что возьми детина чуть правее и не ударь его Мака по руке – и всё, вместо головы у Пилии был бы обрубок... «Ради чего?..» – мелькнула мысль, поразив его своей ясностью. Он поежился. Умирать от маленькой пули не хотелось. Не только от маленькой – от всякой... Мака спас ему жизнь. Пилия – его должник.

11

Короткими вспышками шел проливной дождь, то бил дробью по крышам, то смолкал, тихо шлепая по лужам перед мастерской, где, как всегда, собрались в ожидании кайфа несколько человек. Черный Гогия лежал пластом на кушетке, не двигаясь и не открывая глаз. Чтобы снять ломку, он запил бутылкой водки две пачки пенталгина и сейчас застыл, как труп, свесив огромные ступни и кисти рук и прерывисто вздыхая в забытии.

Анка и рыжий Арчил Тугуши вяло играли в нарды. Доска была треснута, и зари¹⁷ закатывались поминутно в щель, откуда их приходилось с бранью выковыривать. Анка вся измятая – мешки под глазами, волосы растрепаны, грязная майка – с отвращением подымала свои когда-то прекрасные глаза и нехотя, ногтем с остатками лака, отсчитывала ходы. Потом смотрела на окно и повторяла: «Надо же, какой ливень! Давно такого не видели...»

Тугуши поднимал лохматую голову, тупо смотрел на окно, потом на часы, вздыхал и продолжал невеселую игру. Сопровождение на работе он уже пропустил и сейчас прикидывал, какой вытек может быть за это от секретаря.

У стены нахохлился Бати. Он с кем-то разговаривал по телефону, подолгу слушал, вставлял какие-то междометия, умолкал, глядя в пол, вызывая своей болтовней явную неприязнь – все в ломке, а он с бабой флиртует, кобель!

На кухне парень по кличке Борзик – из молодых да ранних, с черной бородкой и живыми глазами – перебирал тазики, чистил их щеткой, гремел бутылками, банками, готовясь варить из кокнара героин.

А перед мольбертом в немой задумчивости сидел Художник, стараясь не смотреть на холст, где было изображено отвратительное чудовище с маковой головой и распоротым брюхом, из которого вываливалась мастырки, таблетки и ампулы. Художнику всегда не хватало пары заходов, чтобы закончить эту картину, кем-то прозванную «Боза»¹⁸ Лиза».

На столе стояла початая бутылка «Московской», но никто на нее не обращал внимания: пить в ломке водку – как купаться в бассейне с кипятком.

Борзик из кухни спросил:

– Который час?

Тугуши отозвался, не глядя на циферблат:

– Скоро шесть...

– Где же они, черт возьми? Пропали на весь день! Может, взяли и варят где-нибудь втихаря? – выругалась Анка.

– Придут! – бодро отозвался Борзик и продолжил дальше греметь тазиками и кружками.

– Ты лучше раньше времени тазики не трогай – плохая примета! – с испугом крикнул суеверный Тугуши. – Сколько раз тебе говорить: нельзя заранее тазики чистить! Всегда попадешь в пролет! Думаешь, я меньше тебя спешу? В семь мне в горсовате надо быть.

Все, несмотря на отвратительное самочувствие, не удержались от смеха – в горсовате, подумать только! Тугуши!

– Что тут смешного? – огрызнулся Тугуши. – У каждого своя работа.

– Да, работа у вас сильная – вылезти на трибуну и лить, как из помойного ведра, всякую чушь! – сказал Бати, опуская трубку на аппарат. – Нам деньги зарабатывать приходится, а вы их просто «получаете».

– Лучше уж лить, чем воровать, как ты! – опять огрызнулся Тугуши, становясь в ломке агрессивным. Он встал, налил рюмку водки, выпил и злобно поморщился. – Не могу уже, сил

¹⁷ Игральные кости.

¹⁸ От бози (груз.) – потаскуха.

нету! Будь проклят тот день, когда я начал кайфовать! Студентами были! Выходишь с лекций, а на скамеечках барыги сидят: кто за два рубля пачку кодеина предлагает, кто по три рубля – ампулу омнопона, кто за пятерку – лист ноксирона¹⁹ продает... Дни стипендий знают, сидят, студентов ждут, семечки грызут. Что мы тогда понимали?

– Музыка еще, помните? – подал голос Художник. – Джимми Хендрикс! Сантана! Лед Зеппелин! Пинк Флойд! О!.. Помню, как возьмем анаши – так сразу на хату к одной девчонке валим, у нее родители за границей работали... Хорошо... Время беззаботное. Не то что эти, молодые, по митингам шныряют и политикой занимаются! – указал он украдкой и опаской на кухню, где Борзик шуршал чем-то по алюминию.

– Чего ты от них хочешь? Жалко мне их: кайфуют, а что такое настоящий кайф и не знают. Когда глаза открыли – заход уже полтинник стоил! – вставила Анка. – Раньше люди друг друга уважали, угощали, делились кайфом, приятное делали, а сейчас все по своим углам, как цепные псы. Только и думают, где бы что отломать.

– Ты, говорят, хорошенькая раньше была, а? – вдруг вспомнил Бати. – Это правда?

– А что, по мне не видно? Это сейчас я ведьма ведьмой, а раньше... – махнула Анка худой исколотой рукой.

Бати поежился, прикуривая украдкой вынутую из кармана фирменную сигарету (пачку он никогда на стол не выкладывал).

– Может, потрахаемся от нечего делать?

– Иди ты к черту! – вяло ответила Анка, бесцельно бросая зари.

– Нет, но все-таки, а? – Он вынул и показал ей деньги. – Вот сиреневая, это даже много для тебя!

– Сестре своей отдай, бляди сабурталинской! – огрызнулась Анка.

Бати засмеялся:

– Нужна ты мне, трипперная! А насчет сестры ты права – такая же шлюха, как и ты! И вообще все вы бляди...

Тут из кухни вылетел Борзик и с криком:

– Приехали! – бросился к двери.

Все вскочили. Нарды грохнулись на пол. Черный Гогия вздрогнул и что-то промычал. Послышались хлопки машинных дверей, в мастерскую вбежали Ладо и Гуга, мокрые от дождя.

– Ну? Что? Привезли? – горящими глазами уставились на них наркоманы, а Тугуши даже стал пританцовывать от нетерпения.

Приехавшие нехорошо молчали, отряхиваясь от воды.

– Ну?... Что?... Как?

– Плохо дело! – ответил Гуга. Переждав стоны, проклятия, ругань, вопль Тугуши: «Говорил: не трогайте тазики!..» – он торжественно вытащил из-за пояса большой газетный пакет. – Вот он, милый наш кокнар!

– Ах, сволочь, тут люди в ломке! Давай скорее! Ничего себе шуточки! – закричали все и потянулись к пакету.

Гуга положил пакет на стол и стал осторожно разворачивать его. Все, затаив дыхание, следили за его руками. Он открыл пакет. Тут Тугуши, желая лучше рассмотреть сухой молотый сизый мак, нечаянно наступил Анке на ногу. Анка дернулась, невольно оперлась о хлипкий стол, тот накренился, и пакет поехал вниз. Гуга попытался подхватить его, но только задел рукой, что ухудшило дело: кокнар веером рассыпался по полу.

Остолбенело замерев, все уставились на лилово-желто-сиренево-коричневый порошок, рассыпанный на грязном полу.

¹⁹ Снотворное венгерского производства.

– Стоять! Не топтать! Соберем! – приказал Гуга, опустился на колени и стал осторожно сгребать кокнар на газету.

Одни помогали ему, другие принялись с ненавистью материть Тугуши и Анку.

– Пыли сколько, грязи! – ужаснулся Ладос, но его замечание все пропустили мимо ушей, следя за тем, как Гуга шпателем с засохшей краской сгребает кокнар.

– И не такое еще собирали, – заметил Батис.

– Все-таки в вену себе пускать будем, – отозвался Тугуши.

– Ты бы лучше помолчал – из-за тебя, козла, все случилось! – сузил глаза Батис.

– Хватит лаяться! Борзик, где ты? Где тазик? – оглянулся Гуга, не подпуская никого к пакету.

– Вот.

Гуга пересыпал в тазик кокнар, вынимая и выбрасывая наиболее крупные кусочки грязи, свалившейся пыли и сухой краски. Потом он пошел на кухню. Все, кроме Черного Гогиса, отправились за ним, как бараны за вожаком. Стали помогать: кто протягивал пузырь с аммиаком, кто гремел крышками кастрюль, кто лез к плите, кто пихал сито, предлагая просеять кокнар.

– Ну-ка, давайте отсюда! – сказал Гуга. – Опять перевернете! Пусть два человека варят, остальные только мешать будут. Будем варить я и Борзик.

С этими словами он окропил кокнар аммиаком, тщательно перемешал, а затем накрыл крышкой:

– Все. Пусть постоит минут десять. Идите отсюда!

Собравшиеся гурьбой вышли из кухни, потоптались по мастерской, но скоро опять потянулись на кухню, как опилки к магниту. В сутолоке кто-то задел тазик ногой, и с него слетела крышка.

– Ну что вы за твари! Как тараканы! – всерьез разозлился Гуга. – Ползут и ползут! Пошли вон! Мы еще ничего не делим – чего вы беспокоитесь?!

– Как запах ацетона пойдет – сразу выбегут, – обнадежил его Борзик.

– Ацетона нету, – вдруг сказал Художник.

– Как это нету? – застыл Гуга, изумленно глядя на Художника. – В чем же варить будем?

– Есть растворитель...

– Какой, за рубль шестьдесят восемь воронежского завода? Номер шестьсот сорок шесть? – спросил всезнающий Борзик.

– Нет, за рубль семьдесят пять, номер шестьсот пятьдесят два, – ответил Художник.

– Что еще за шестьсот пятьдесят второй? Я не слышал про такой! – медленно сказал Гуга. – Может, это совсем другое? Тебе же поручили купить ацетон или растворитель номер шестьсот сорок шесть, даже деньги оставили!

– Нету нигде, – развел руками Художник. – Все хозяйственные магазины обошел... В одном магазине продавец прямо сказал: «Иди отсюда, морфинист, а то милицию позову!» Все уже знают, что растворитель морфинистам нужен... Вот этот, шестьсот пятьдесят два, в Глдани из-под полы достал...

Между тем расторопный Борзик схватил бутылку, сорвал крышку, понюхал содержимое и пробормотал:

– Запах как будто тот же... Рискнем?..

Все молчали.

– Я не буду колотиться, – вдруг решил Ладос. – Грязь с пола, растворитель неизвестно какой... Я еще пожить хочу...

– Нужен ты кому! – с неожиданной яростью произнес Батис.

– Тебя не спрашивают, заткнись! – отрезал Ладос. – И вам тоже не советую.

– Что же, в ломке умирать? – поинтересовалась Анка.

– Кокнар просеять через сито, а растворитель достать. Говорят, в Каспи²⁰ был... – ответил Ладо, сам мало веря в свои слова.

– В Каспи? Может, прямо в Воронеж, на завод съездить? – с издевкой отозвался Бати, а Борзик, буркнув:

– Вы с ума сошли? Кокнар уже в аммиаке лежит! – открыл крышку и вылил всю бутылку растворителя на кокнар, потом зажег конфорку и поставил тазик на плиту, а Гуга сказал:

– Теперь все в сторону! Не курить, не ходить! Сами знаете, взрывается, как бомба!

– Да уж, это известно, – боязливо проворчал Тугуши и поспешно отошел от опасного места. Он зимой чуть не сгорел от подобного взрыва: вместе с одним профсоюзным работником, таким же неумехой, они варили кокнар где-то в кабинете, в раковине, на газетах, и ацетон, нагревшись, рванул так, что было слышно в кабинете начальника. Профсоюзный деятель схватил тазик, пламя выплеснулось на ковер, который успели потушить дубленкой и портьерами.

– Уменьши огонь! – посоветовал Борзику Гуга, садясь на корточки и заглядывая под тазик. – Неизвестно, как этот шестьсот пятьдесят второй взрывается... И кастрюльную крышку держи наготове – если вспыхнет, сразу накрывай!.. Без воздуха погаснет!

– Не учи ученого... – ответил Борзик, стоя наготове с крышкой и тряпкой, как римский гладиатор – со щитом и сетью.

Постепенно едкий, разъедающий запах кипящего растворителя заполнил мастерскую. Все приникли к окнам, но запах мощно ломился из кухни, заполняя подвал, выползая наружу, во двор, пугая кошек и детей. Все стали корчиться, сдерживая рыготу и икоту. А Художник, глядя в потолок, сотый раз панически прикидывал в уме, проникает этот душераздирающий запах к соседям или нет. Все будто остоленели от этой химической вони, и только Борзик, нечувствительный ни к чему, бдительно сторожил тазик, изредка помешивая в нем ложкой и ругая власть за то, что она превратила наркоманов в кухарок:

– Тазики, ложки, кастрюльки, полотенца, тряпки! Курицы оципанной не хватает, чахохбили сделать! Готовьте полотенце, скоро отжимать будем!

Художник извлек из шкафа полотенце, покрытое коричневыми пятнами.

– Это что за менструация?.. – возмутился Гуга. – Вы правда чокнулись?

– Пятна от прошлых выжиманий, другого нету, – виновато ответил Художник, на котором лежала обязанность обеспечивать инвентарем варку и ширку.

– Полная антисанитария. Как мы все только СПИДом не заболели! – подвел черту Гуга. – Вычистите хоть тазик, куда отжимать сейчас будем! Анка, вспомни, что ты тоже когда-то была женщиной, вымой тазик по-человечески! Что за типы, за три часа не могли посуду привести в порядок!

– Заранее нельзя, плохая примета, – пояснил Тугуши.

– Заранее нельзя, а потом никогда времени не хватает, знакомая история, – проворчал Ладо, усаживаясь на край дивана рядом с недвижно лежащим Черным Гогией.

Через некоторое время Борзик позвал от плиты:

– Идите кто-нибудь, помогите отжимать!

Натянув над пустым тазом полотенце, вывалили на ткань дымящуюся массу кокнара, скрутили в горячий ком и долго, тщательно отжимали его, обжигаясь и матерясь. Потом разворачивали, ворошили, вновь скручивали, мяли и давили. Тазик наполнился зеленоватой жидкостью.

– Хороший цвет, темный! – оценили все, по очереди заглянув в тазик, который опять водрузили на плиту, а отжатый кокнар Художник высыпал из полотенца на газету и уволок куда-то за шкафчик.

– Вот крыса, утащил свой вторяк! – заметил Бати.

²⁰ Городок возле Тбилиси.

– Я просто сушу его. Сами и прибежите ломку снять, – подал Художник голос из-за шкафчика.

– Дожили, – произнес Гуга. – Я раньше, кроме чистого морфина, ничего не делал, а сейчас... Вторяки, третьяки! – Он махнул рукой с неподдельным отвращением.

– Размечтались! – усмехнулся Бати. – Сейчас чистый морфий только прокуроры и министры делают.

– И врачи, – вставила Анка.

– И врачи, если сумеют у больных украсть, – согласился Бати. – А для нас даже опиума нету – только это сено и осталось. Делаешь – и не знаешь: жив останешься или подохнешь! Хотя бы опиум по талонам выдавали, как масло! Довели страну до полной нищеты с этой перестройкой!

Теперь, когда варка приближалась к концу, все стали считать, сколько чьих денег было, кому сколько полагается и до скольких кубов надо вываривать раствор.

Тем временем Борзик налил в тазик немного воды, которая странным образом разделила варево на темную грязь и коричневый чистый раствор. Грязь, точно жир в супе, пятнами плавала на поверхности. Ее надо было удалить.

И Гуга, и Борзик действовали с артистической точностью: тазики, бутылки, пузырьки и ложки прямо летали у них в руках, движения были выверенными и точными, словно у дирижеров. Все невольно любовались ими.

– Варщик опиума – хорошая профессия. Открывай кооперацию! – посоветовал Бати, глядя, как Гуга мастерски фильтрует раствор через специальную воронку, которую он всегда носил с собой и никому не доверял.

Самопальный героин получился теперь без примесей – светло-коричневый, прозрачный.

– Ну, это старый волк! – сказала Анка, указывая на Гугу. – Всю жизнь с кайфом возится, а вот молодой где так надрочился?

– Огий варщика боится! – спел польщенный Борзик.

Настроение у всех поднималось. Пока Борзик высушивал раствор, предварительно влив в него немного ангидрида (омерзительно-острый запах которого выдавил у всех слезы и проклятия), Художник выволок из шкафчика железную коробку со шприцами: один треснут, на втором поршень разболтан, а третий – громадный, конский, кубов на двадцать.

– Господи, иглы какие тупые! – воскликнул Тугуши, заранее беспокоясь за свои тоненькие вены. – Прямо топоры!

И вот раствор готов. Борзик вынес тазик со светло-лимонной жидкостью и осторожно поставил его на стол.

– Чистый героин! – умиленно восхитилась Анка, с вождением глядя на лекарство.

– Так, теперь не мешайте, – Гуга через ватный тампон стал вытягивать жидкость из тазаика и переливать ее в пузатый стаканчик, внимательно считая: – Четыре... шесть... восемь... десять... двенадцать... Тут около двадцати пяти кубов. Сколько нас всего? Я – раз, Борзик – два. Гогия – три. Бати – четыре. Тугуши – пять. Анка – шесть. Художник – семь...

– И я – восемь... – напомнил Ладо.

Все неодобрительно промолчали, только Тугуши буркнул:

– Ты же не хотел! Грязь, говорил, пыль!

– А сейчас захотел!

– Итого восемь человек. Денег было тоже поровну, по пятьдесят с каждого... Итого – около трех кубов на каждого.

– Давай, давай, быстрее! – заторопили со всех сторон.

Засуетились, стали закатывать рукава, качать вены.

Тугуши разделся до пояса. Бати запел старую песню, что он торопится и должен делать первым. Анка хныкала, что у нее вен почти нет и ее бросают на конец. Борзик под шумок

ухитрился незаметно макнуть в стаканчик кусочек скрученной ваты, которая тут же впитала в себя немного раствора. Он тихо стащил целлофан с сигаретной пачки и укромно упрятал в него ватку, которую надеялся потом вскипятить и получить немного раствора.

После пересчетов, перепроверок, переругиваний и перепалок Гуга вытянул лимонную жидкость и резво вкатил ее себе в вену – он, как варщик, должен был делать первым. Все напряженно уставились на него. Когда через несколько секунд лицо его стало розоветь, а сосуды на лбу вспухли, и он, не открывая глаз, принялся сладостно чесаться и просить ласковым голосом сигарету – все облегченно вздохнули: «Порядок!»

– Первый сорт! – подтвердил он, подняв большой палец и не открывая глаз, а Бати, усмехаясь:

– Ну и рожа у тебя стала, жопа гамадрила! – вырвал у него из рук шприц, быстренько, но тщательно промыл его, сел на корточки, подsunул кисть под колено и без чьей-либо помощи сделал себе укол. Глядя вокруг подобревшими глазами, отдал шприц Ладо.

Тот управился быстро. Потом шприц перехватил тщедушный Тугуши. Он стал неумело тыкать иглой себе в руки, в пальцы. Подобревший Гуга пожалел его, виртуозно нашел иглой едва различимую венку на тыльной стороне ладони, куда и вкатил раствор. Тугуши стал униженно благодарить его, а после прихода полез целоваться и обниматься.

– Теперь будите Гогию, – стал тормошить гиганта Бати, не обращая внимания на протесты тех, кто еще не укололся.

Черный Гогия принял вертикальное положение, оглянулся, нащупал мутным взглядом стаканчик с лекарством, рыкнул что-то, схватил конский шприц и высосал с хлюпаньем весь раствор. Держа шприц как-то странно-вертикально к вене, он воткнул иглу, впустил героин и отбросил шприц. Произошло это так быстро, что никто не успел даже понять, в чем дело – думали, он просто собирается отмерить свое, а он, бык, все себе вкатил!

– У-ф-ф-ф... – начал отдуваться Гогия, но вдруг закатил глаза и повалился на спину. Из рта выступила розовая пена, тело пошло дрожью, лицо побурело, из носа показалась кровь, а редкие волосы будто зашевелились на его почерневшем черепе.

– Умирает! – взвизгнула Анка и отскочила от кушетки.

Тугуши тоже отпрыгнул в сторону. Борзик и Художник застыли в шоке. Бати тихо переместился к двери и исчез.

Гуга бросился к гиганту и, разжав ему челюсти, пытался поймать ускользающий язык. Ладо удерживал бьющееся тело. Тут вторая волна сотрясла Черного Гогию. Пена пошла обильнее.

– Язык поймать! Чем-нибудь! Ложку! – крикнул Гуга.

Тугуши, схватив плоскогубцы, которыми носили горячие тазики, попытался влезть ими в рот гиганту.

– Оставь, дурак! – крикнул на него Ладо. – Звоните в «скорую»!

Художник вызвал врачей, а остальные во главе с Борзиком ринулись к двери и по очереди выскочили из мастерской. Остались Ладо, Гуга и Художник.

– Вот сволочи! – выругался Гуга. – Аммиак давай, пусть понюхает!

– Переворачивай его лицом вниз! Чтоб не захлебнулся! – скомандовал Ладо и принялся приподнимать тело.

От Гогии внезапно пошел густой запах мочи. Его большое тело грузно стучалось о скрипящую кушетку.

– Что это, агония? – в ужасе заверещал Художник.

Постепенно конвульсии прекратились. Гогия лежал без сознания, но дышал. Крови из носу стало меньше.

– Что теперь делать?.. Приедет «скорая», всех заметут! Он сейчас не умрет? Какая вонь! – метался Художник, хватаясь за грязные тапки, сворачивая газету со вторяком, бросаясь прятать иглы и шприцы.

– Раз приход перенес – значит, не умрет, – ответил Гуга, с брезгливостью отдергивая руки.

– Может, вытащим его за ворота? – бубнил Художник, натыкаясь на пустые пузыри и бутылки.

– Ты рехнулся? Соседи все равно скажут, откуда его вытащили. Нет, жалко Гогия! – сказал Ладо, морщась от запаха мочи.

Гогия лежал с открытыми глазами и икал. Ругая убежавших наркоманов, оставшиеся обступили кушетку и стали совещаться. Художник спрашивал гиганта, как он себя чувствует, но тот не отвечал, только озибался кругом. Но когда взгляд его упал на конский шприц, влопыхах забытый на полу, он, как младенец, затыкал в него пальцем.

– Ты на него посмотри – еще хочет! Ну и ну! – покачал головой Ладо.

Гуга усмехнулся:

– Чему ты удивляешься? Наркуша!

– Да, – сокрушенно согласился Ладо. – Пошли отсюда.

Художник заныл, чтобы его не оставляли наедине с Гогией, но Гуга отрезал:

– Что мы, будем втроем сидеть вокруг тела, как на панихиде? Придет в себя! Куда денется! «Скорая» приедет и уедет, если вообще появится! На, дай им за труды, скажи, всё в порядке! – И он бросил червонец на стол.

Они ушли под причитания Художника, что все его покинули. Проехали по вечерним улицам, мокрым от дождя.

– Ты видел, как они сбежали, крысы? – не мог успокоиться Ладо.

– А ты удивлен? С нашим стажем пора бы уяснить себе некоторые вещи, – усмехнулся Гуга.

– Да, но все-таки...

– Что все-таки?.. Они – наркоманы, их связывает только кайф. Вот и всё. Ну, зачем Бати или Борзику рисковать из-за Гогии? Если их завтра спросить, то, уверен, у всех окажется много веских причин для объяснения своего бегства.

– Значит, только нам двоим было не все равно, умрет Гогия или нет?..

– Так выходит. Вот чем хорош аппарат, – вдруг перевел разговор Гуга. – Этих людей не исправишь, а аппарат дает надежду, хоть какую-то...

– Может быть, но как его использовать? Кооператив открыть, что ли? Тогда к аппарату двух автоматчиков приставить нужно, охранять день и ночь.

– Это другой вопрос, – отрезал Гуга, который чувствовал, что отношение Ладо к подобной идее в последнее время изменилось.

Действительно, когда он посвятил Ладо в детали своих разработок, тот горячо поддержал его. Но когда Гуга привез из московской лаборатории опытный образец, Ладо остыл к этой затее. Вначале, в теории, она казалась притягательной – создать аппарат, заменяющий наркотики. Но на деле все выглядело иначе. И ощущения, которые вызывал аппарат, были какими-то жуткими, с видениями и головными болями. Гуга оптимистично говорил, что всего этого можно избежать при доработке, надо только сделать серебряные контакты и золотую обмотку: «Потом можно будет лечить наркоманов, снимать ломки, дозировать...»

– Где, кстати, аппарат? – поинтересовался Ладо. – Там же, у Шалико Сванидзе?

– Да, надо забрать. Туда, к Шалико, много всякой швали шляется.

Они, не останавливая машины, выкурили косячок, который запасливый Гуга хранил для футбола. После этого их беседа приняла мирный лад. Гуга спросил, как дела с Наной. Ладо ответил, что отношения натянуты до предела и он подозревает: у Наны кто-то появился. Гуга

ответил, что он больше ревновать не будет, поскольку путем анализа пришел к выводу – ревность не только смешна и бессмысленна, но и губительна для ревнивца.

– Посуди сам. Есть два варианта: или баба тебе изменяет или нет. Третьего не дано. Так? Начнем со второго. Если она тебе не изменяет, а ты ей мозги день и ночь своей ревностью вынимаешь, то тогда ты в ее глазах постепенно превращаешься в нудного болвана, который только надоедает бесконечными упреками, придирками, проверками. В конце концов она, разозлившись, думает: «Все равно он мою верность не ценит, мне не верит, чего ради я буду мучаться?!» – и начнет, чего доброго, изменять. Теперь первый вариант. Если она тебе изменяет, то тогда ревнивец превращается в досадливого, глупого и мешающего козла-рогоносца, над речами и рогами которого она будет издеваться вместе с любовником. Вот и всё.

– Как говорят опытные бабы, изменить трудно только в первый раз, как убить. А потом идет как по маслу, – мрачно вставил Ладо, которого эти Гурины выкладки насчет ревности совсем не успокоили, скорее наоборот.

– Есть, конечно, и вариант мусульманский – пинок, сарай, чадра, замок. Но для этого надо родиться в Афгане или Иране...

– Вчера, кстати, по ТВ говорили, что замужние женщины, изменяющие своим мужьям, дома, как правило, ведут себя отлично: с удовольствием выполняют домашнюю работу, легки в общении, всегда в хорошем настроении, а вот те, кто любовников не имеет, дома – настоящие фурии, на всех кидаются и орут... – неопределенно сказал Гуга.

А Ладо со страхом подумал о том, что его жена, раньше начинавшая скандал из-за каждой бутылки и мастырки, в последнее время стала приветливо-спокойна и смотрит так, словно знает что-то, чего ему знать не дано... Еще и противный анекдот рассказала недавно, как одна дама говорит другой: «Милочка, у меня несчастье – мужа током убило!» – «Разве он был монтер-электрик?» – «Нет, он запутался рогами в троллейбусных проводах»...

12

Утром у Ладоса звонил телефон.

– В чем дело?.. – с трудом узнав поникший, усталый и растерянный голос лысого Серго, просипел Ладос.

– Надо срочно повидаться.

– Что, лекарство появилось?

– Какое на хер лекарство!.. Через десять минут буду, из автомата звоню...

Ладос вылез из постели, пошел осматривать квартиру. Жены и сына не было, мать из кухни предложила чай, но он, ответив:

– Нет, ко мне товарищ! – открыл входную дверь и под скорбно-вопросительным взглядом матери повел Серго в свою комнату.

Мать можно было понять – вид у гостя оказался помятый: круги под глазами, синяки и ссадины на руках и лице, кровоточащая глубокая царапина на лысине.

– Что с тобой?

– Я прямо из ментовки! – сообщил Серго, опускаясь в кресло. – Трое суток там сидел, пока они машину на себя переоформляли... Они всё знают... Всё и про всех...

Ладос в растерянности опустился на стул:

– Что знают? Откуда? Про кого? Расскажи подробнее!

Серго поведал о том, как его арестовали, отвезли в отделение и мучили там, добиваясь имен, фамилий, фактов.

– У них есть список, они читали его мне! Там все мы – я, ты, Гуга, Бати, Тугуши, Художник, еще какие-то фамилии, клички...

– Почему тогда они не берут всех? У всех же проколы! – И Ладос, закатав рукава фуфайки, стал лихорадочно осматривать свои изуродованные вены.

– Не знаю, – пожал плечами Серго. – Ничего не понимаю...

– Как они тебя взяли?

– Явились на работу. Нашли вторяк в пузыре, шприц, проколы, сами еще подкинули пару чеков...

– Сами?

– Ну да, не я же... Откуда у меня чеки?..

– Вот паскуды! Возили в наркологический?

– Нет. Для чего им это? У меня проколов, как от швейной машинки... Я сказал, что от алоэ... Алоэ, мол, делаю...

– Алоэ! – усмехнулся Ладос. – Кто же алоэ в вену делает? Да еще в капиллярку? – И он указал на тыльные стороны ладоней Серго, испещренные точками и мозолями.

– Ничего другого в голову не пришло. Я сказал им, что ничего не знаю, что это ошибка. Тогда они стали бить... Палачи. И майор с ними, толстый. Вешали за наручники... Потом завели разговор о деньгах. Где у меня деньги? Я же им сразу отдал машину, что еще? Дома с ума сойдут! Дай телефон!

Серго торопливо набрал номер и долго что-то объяснял отцу, сваливая свое отсутствие на неожиданную девочку из Москвы, с которой был вынужден провести это время. Отец кричал так громко, что Ладос слышал его басистые рыки:

– Руки отвалятся набрать номер?! Сукин сын! Мне хотя бы мог сообщить? Позвони – а там черт с тобой, хоть сифилисом заразись, сволочь! Мать чуть не умерла, лежит с давлением. Все больницы и морги обзвонили! Жена от окна не отходит! Дети в панике! А он с блядами, мерзавец! Есть же телефон!

– С женой не ссорь, ничего ей не говори! – попросил Серго. – Как дети?

– Дети?! – завопил отец и швырнул трубку, которая, казалось, ударила Серго по голове. Он понурился. Ладо вновь начал выпрашивать:

– Ты ментам ничего не сказал?

– А что я мог сказать? Список у них есть, барыг я не знаю... Сказку про дедушку Михо сказал – и всё. Ну, помнишь, воронцовские приносили кахетинскую опиуху, говорили, что у какого-то дяди Михо берут, под Телави, где он в теплице выращивает. Еще смеялись – зачем в Кахетии теплицы, там и так жара стоит...

– Когда они выпустили тебя?

– Утром пришел толстый майор, вывел из подвала, сказал, чтоб я никому ничего не говорил и убирался к чертовой матери. Машину забрали, должен им кое-какие документы еще донести. Что отцу скажу?

– Да... – в смятении протянул Ладо, набрал номер Гуги: – Срочно выходи на угол! – Повесив трубку, спросил: – Кто же закладывает?

Серго развел руками:

– Не я, во всяком случае... Но кто-то стучит основательно – они, например, знают, что Гуга ездит к татарам, что мы колемся у Художника, что сейчас сидим на кокнаре. Знают даже, что у Тугуши вены плохие. Как там, говорят, Тугуши? Вены у него не стали получше? Пусть, говорят, к нам приедет, мы ему шунт поставим! Представляешь?!

– Ничего себе! – вырвалось у Ладо, на которого эта деталь произвела тягостное впечатление. – Давай вспоминай все по порядку, будем вычислять.

– Да я уже три дня вычисляю – все без толку... – безнадежно махнул рукой Серго.

Ладо быстро оделся. Они спустились во двор, по дороге вспоминая, сопоставляя, прикидывая, но что тут прикинешь, что с чем сопоставишь? Икс на игрек дает вечный икс-игрек.

– Если они всё знают – почему не берут? Нелогично. Тебя выпускают, нас не берут. Ведь пока проколы свежие – надо брать... Улики... – пробормотал Ладо.

– Меня же взяли... Или ты хочешь сказать, что это я дал список? – воспаленно вскинулся Серго.

– При чем тут ты? Я просто рассуждаю. Почему они тебя так быстро выпустили? Они ведь понимают, что ты всех предупредишь, что все попрячутся. Или затевают что-нибудь похуже? – сказал Ладо, а сам в первый раз подумал: «А если правда – Серго дал список? Раскололся, не выдержал? Нет, так нельзя думать! Он не мог... Сто лет его знаю... В детстве на баскетбол во Дворец пионеров ходили...»

Ладо чувствовал, как надвигается оцепенение, охватывающее его в тяжелые минуты, – он действовал, говорил, жил, а на самом деле внутри все застывало, как в спазме, хотелось уснуть, скинуть бремя мыслей, забыться, исчезнуть... Подошел Гуга. Узнав, в чем дело, длинно выругался:

– Сколько лет кайфую – ни разу псам не попадался! А на старости лет – вот тебе, пожалуйста! Дети у всех! Скоро внуков будем нянчить – а тут список!..

Не став рассуждать, кто стукач и чего можно ждать, он сразу решил:

– Надо прятаться. Я смываюсь. Аппарат нужно забрать у Шалико! Ладо, поехали к нему. А ты, Серго, обзвони всех, предупреди, чтобы смывались!

– Кого это всех? – уточнил Серго.

– Кого? Тебе лучше знать, кого! – с нажимом ответил Гуга.

– Ты на что намекаешь? – набычился Серго.

– Ни на что. Тебе же читали список. Кто там был – тех и предупреди.

– Стоп! – сказал Ладо, вмиг представив себе всю кошмарную сеть взаимных подозрений. – Так мы свихнемся! Дойдем до того, что станем подозревать друг друга... Учтите еще: все, кто таскается к Художнику – наркоманы, но не преступники. Ну, какой Арчил Тугуши

преступник? Где гарантия, что если псы возьмут его за шиворот, он не расколется и не сдаст всех подчистую? Или Бати?.. Борзик?.. Да и мы что, преступники? – обвел он рукой всех троих.

– Конечно. Если бы кайф продавали в аптеках, то никто из нас не общался бы с ворьем, – поддакнул Серго. – Нужны нам эти сатаны и нугзары! Прошлый раз полжизни потерял, когда Рублевку кидали.

– А может, Художника взяли? Соседи настучали? Они ведь видят, что там творится! – предположил Гуга. – Запахи чувят... Никому, в конце концов, не приятно рядом с такой хатой жить, да еще в итальянском двореке. А собакам много надо? Явились и разбомбили Художника...

– Особенно их интересовал Бати, – вспомнил Серго.

– Ну да, у него есть деньги, – отреагировал Гуга. – Слышали, кстати – его дядю, Давида Соломоновича, гинеколога, на днях ограбили? Пропилили в крыше дыру, влезли с потолка, всё забрали и смылись.

– Ничего себе! И много взяли?

– Разное говорят...

– Удивительный город – не успели вчера ограбить, как сегодня все уже знают! – невесело усмехнулся Серго. – Кто ограбил, еще неизвестно? Не Бати ли сам?

– Нет, куда ему! Он на это не способен, – вставил Ладо.

– Он на все способен.

– А может, его менты после ограбления поймали, а он и сдал всех? – начал развивать мысль Серго.

– Да, этот мог свободно всех заложить! – сказал Гуга. – Кто-кто, а он уж точно раскололся бы, если его взяли за яйца! И не особенно даже сильно. Помнишь, Серго, как он тебя бросил в ломке на море?

– Разве такое можно забыть? Он гадина, а не человек. На все способен! – ответил Серго, в волнении вытирая взмокшую лысину скомканным платком.

– Надо ехать за аппаратом, – напомнил Гуга.

– Про аппарат тоже знают, – сообщил Серго. – И в курсе, кто его привез...

– Как? И это?! – в отчаянии округлил глаза Гуга.

– Опасно идти к Шалико!.. А если он всех заложил?.. В ГПИ часто рейды проводят, там не только студенты, но и все доценты кайфуют... – предположил Ладо.

Гуга, подумав, ответил:

– Не исключено. Но у меня выхода нет – я должен забрать аппарат. Ты, если хочешь, оставайся, я поеду один...

– Поехали вместе.

Серго отправился звонить и предупреждать, а Ладо и Гуга поехали к Шалико Сванидзе. По дороге обсуждали свалившееся несчастье, прикидывали, где скрыться, что сказать дома и как вообще избавиться от угрозыска и беды. Пока они на свободе, надо что-то предпринимать – не сидеть же и не ждать, пока явится угрозыск...

– Знаешь что? – вдруг сказал Гуга. – Мы ведь собирались в Кабарду за анашой... Вот и поедem. Там сейчас мацанку²¹ собирать начинают, самый лучший первяк... Пособираем немного, посидим на гашише, слезем с иглы. Рванем прямо завтра! Достанем денег, соберем старых шмоток – и вперед! Только что делать с ломкой? Не умереть бы по дороге...

Ладо сочувственно промолчал. Гуга сидел на игле плотнее его, кололся несколько раз в день, ездил в поисках ширки за сотни километров, в Кировабад, Грозный, Назрань.

²¹ Пыльца на конопле, сырье для гашиша.

Прикидывая, что нужно для поездки, подъехали к закопченному, как крематорий, корпусу, стоящему на отшибе плато Нуцубидзе²². Здесь снимал квартиру Шалико, вечный студент, родом из какой-то гурийской деревни. Огляделись, заперли машину. В лифте на Ладю накатило страх – а вдруг у Сванидзе засада?

Они долго звонили, топчась на площадке. Дверь не открывали, но за дверью ощущалось движение: скрип половиц, тихие слова и шаги. Спустя несколько минут выглянул Шалико, в трусах и босиком. Вид у него был обычный – опухший и растерянный. Вошли, не здороваясь.

В комнате без мебели вповалку лежали парни, человек пять, с закрытыми глазами, красные, расстегнутые. Они, казалось, спали, но Ладю уловил, что кое-кто тяжело открыл глаза при их появлении, но и только – подняться или говорить никто не мог. Стоял резкий запах немых тел.

В углу какой-то тип с наушниками на голове копался у аппарата.

– Идиот, они же могут подохнуть! – свистящим гневным шепотом сказал Гуга, больно хватая ойкнувшего Сванидзе за руку и резко разворачивая его лицом к себе. – Я тебе аппарат для чего оставил, паскуда этакая? Я тебе дал его спрятать, в чехле, а ты что творишь? В каком они виде? От таких передозировок копыта откинуть можно!

И Гуга, наступая на лежащих, подскочил к типу, грубо сорвал с него наушники, вырвал вилку из розетки и поволок аппарат на кухню. Шнур задел кого-то из лежащих по лицу. Парни заворочались, замычали.

– Очнись! – Ладю шлепнул Сванидзе по щеке. – Серго поймали, менты всё знают, в любую минуту сюда могут нагрянуть! Гони этих ублюдков! Убирай квартиру и дуй в свою деревню. Чтоб духа твоего тут не было! Если менты явятся – никакие бирюльки тебе не помогут! – указал Ладю на копеечные иконки, свечечки, листки с молитвами, которыми были увешены убогие стены и уставлены телевизор и полки. Даже на столе, среди объедков и пустых бутылок, красовался пластмассовый складень, где Давид Гареджийский изгонял дракона.

Шалико, услышав про ментов, с криками «Уй-ме! Уйме!» в ужасе начал расталкивать парней.

Ладю отправился на кухню, куда Гуга вытащил аппарат.

– Табло треснуло, – показал Гуга змеящуюся трещинку. – Болван я, болван, кому доверился!

Из комнаты неслись обрывки ругани, но квартира постепенно опустела.

– Мы с тобой еще поговорим, ты у нас попляшешь, идиот! – пообещал Гуга, когда последний парень покинул квартиру.

Шалико молча переминался босыми ногами.

– Милиция у всех на хвосте – до тебя дошло? – еще раз повторил Ладю. – Прибери хату и сваливай домой, коров пасти! И проветри квартиру! Вонь, как в хлеву!

Гуга погрузил аппарат в чехол. Поташил вместе с Ладю к лифту.

– Житья от деревенских нет! – ругался Гуга в кабине. – Надо собираться, искать Анзора и мотать отсюда в Кабарду.

Ладю скривился:

– Какого еще Анзора? Сололакского? Этого кровопийцы только не хватает! Без Анзора не обойтись?

– Нет. Он всех знает в Нальчике, Байраму сводный брат, на зоне с ним сидел – как без него? Там тоже ничего на улице не валяется, все искать и зубами вырывать надо. Сам не сообщаем? Любимый хороший кайф требует беготни и хлопот. Без Байрама нельзя, он местный. Значит, и без Анзора тоже никак. Чего ждать? Чтобы нас менты захапали? Аппарат пристроим и поедем. Придержи, чтоб на спуске не прыгал.

²² Новый район Тбилиси.

«Заколебал ты с этим аппаратом!» – с неожиданной грубостью подумал Ладо, но перегнулся через сиденье и стал придерживать кожаный чехол, под которым что-то брякало и стучало.

Все, по словам Гуги, началось с капсул. В лаборатории рассуждали так: почему бы не изобрести капсулы против наркотиков, на манер алкогольных, но которые могли бы поддерживать в больном ощущение эйфории, избавляющей от вечного поиска наркотиков? Нравится тебе быть постоянно под балдой – будь! Капсулы планировались в расчете на месяц, год, два и три года, на манер антиалкогольных. С ними ничего не получилось, но из этой идеи родилась идея аппарата. Когда Гуга привез из Москвы громоздкий образец, Ладо по-дружески помогал ему, даже первым провел на себе опыты, после чего несколько дней мучился давлением и тошнотой. Потом стало не до того. А на сокурсников Шалико из ГПИ с их деревянными черепами аппарат, очевидно, действовал хорошо, в самый раз, убивал наповал.

– Он амигдалу стимулирует, – объяснял Гуга. – Такой центр в мозгу, который заведует кайфом, и если его раздражать электротоками, то можно вызвать ощущение эйфории.

Тут Ладо пришла идея спрятать аппарат у Зуры. Там есть разные тайники, где хранится нелегальщина: листовки, плакаты, оружие. Он сказал об этом Гуге. Они поехали к Зуре, который жил в частных домах на Бахтрионской улице. Ладо свистом позвал его. Зура, не спеша, вышел за ворота. На плечах у него была накинута бурка. Узнав, что надо спрятать ворованную антикварную швейную машинку, он почесал бороду, сдвинул на затылок шапочку и велел тащить железку к сараю, а сам пошел за ключами.

Приехавшие заволокли аппарат во двор со странными вещами: садовая скамейка, несколько гробовых плит и старых камней с письменами, складная лестница-стремянка, плотницкий инструмент, дрова, топор, коса...

– Это ему зачем? – покосился Гуга на косу.

– А надгробья зачем? А бурка зачем в жару? – ответил Ладо. – Кто его разберет, молодец... У них свои дела...

– Он не кайфует?

– Нет, что ты! Ненавидит кайфариков! Сидят целыми днями, совещаются... Штабы имеют, типографии, партии...

– Делать им нечего! – в сердцах сказал Гуга. – А что им вообще надо?

– Ну, свободу от империи, самостоятельность...

– А, понял, лекции Гамсахурдии...

Зура вернулся с приятелем, молчаливым и коренастым.

– Времени нет. Люди у меня. Мы сами затащим. Вы езжайте, а то соседи смотрят! – махнул Зура рукой. – Я к тебе на днях зайду, еще пару глав занесу.

– Ладно. Если меня не будет – матери оставь. Она на мой стол положит.

– А как последний отрывок?

– Хорошо. Так, мелочи какие-то по стилистике, чуть-чуть орфографии, – Ладо начал вспоминать, но Зура оборвал его:

– Потом, когда зайду, поговорим. А сейчас все, расход!

Гости пошли к машине, а Зура, отперев сарай, стал затаскивать в него аппарат. Другой парень стоял в задумчивости и не помогал.

– Странные типы, – тихо пробормотал Гуга. – Откуда ты его знаешь?

– В одном классе учились. Он всегда был замкнутый. Теперь вот писать начал.

– А что пишет? Бред, наверно? Читать хоть можно?

– Вполне. Дам, если хочешь. Пересказывать лень, да и трудно. Бесы, идолы, древняя Грузия...

– Вот съездим в Кабарду, возьмем мацанку и перезимуем – с книжками, музыкой, бабами! – мечтательно сказал Гуга. – Проколы заживут... С лекарства слезем, в себя придем...

А то я так плотно сижу, что ничего уже не чувствую, только ломку снимаю. Зачем тогда вообще колоться, не лучше ли трезво сидеть?

– Знаем эту песню, – вздохнул Ладо. – Трезвым ты не можешь быть – вот в чем проблема.

– Нет, гашиш поможет слезть.

– Дай-то бог. Но верится с трудом. Придет Чарлик, придет Пирожок, принесут опиум, предложат кокнар, покажут кодеин – и всё по новой... – печально усмехнулся Ладо.

Гуга не ответил, сгорбился и начал открывать машину. Он знал, что Ладо прав. И Ладо знал, что он знает. И все всё знали, но устоять были не в силах. Горошина амигдалы намного сильнее двухкилограммового серого вещества...

13

После кидняка, который устроил им Анзор, Кока предпочитал на улицу не показываться, потому что был в глупом положении: ему всунули наживку-пустышку, а он ее легко проглотил. За это стоило бы Анзора избить или поранить, но на такие подвиги у Коки не хватало ни сил, ни желания. Да и сидеть в ортачальской тюрьме ему совсем не светило. На Тугуши и Художника надежды крайне мало. А подключать кого-нибудь из районных громил тоже не с руки. Тем более что все довольны кодеином, который брал Анзор, и вряд ли захотят портить с ним отношения из-за Коки. Он ведь сегодня здесь, а завтра – там, в парижках. А Анзор всегда тут! Конечно, если бы случилось что-нибудь серьезное, Кока мог бы рассчитывать на поддержку районных ребят, но тут такой глупый пустяк... Из-за него даже как-то стыдно к ним обращаться. Кидняки и обломы были нередки в жизни Коки, поэтому он решил спустить это дело на тормозах, а себе сказал: «Хватит! Пора в Париж, подальше от варварства и дикости!»

Так он скучал около телевизора, пока сосед Нукри, любитель порножурналов, неожиданно не подкинул кусочек зеленой азиатской дури, пообещав узнать, где и за сколько ее можно достать.

Курить одному быстро надоело, и Кока позвал Художника – тот всегда на месте, никогда ничем не занят. Папирос не было. Они неумело соорудили пару мастырок из сигаретных гильз. Покурив одну, начали смотреть какое-то видео, но дурь оказалась такой сильной, что усидеть на месте было невозможно.

Они разошлись по квартире, навестили бабушку, читавшую в галерее Флобера, стали ей морочить голову всякими глупостями вроде того, что на планете Титан идут титановые дожди, жители все поголовно носят имя Тит, сидят в норах из титаниума и сосут титьки, а главный титан их тиранит. Или что Святослав Рерих имел в Ассаме гарем из панд, от которых родились бурые дети-йети. Или что в Африке наблюдается частичное превращение ленивых негров снова в обезьян. Если труд сделал из обезьяны человека, то лень и безделье делает из человека опять обезьяну. Логично?

Бабушка ужасалась и не верила, а они выдавали новые подробности:

- Некоторые негры уже из хижин обратно на пальмы перебрались!
- Да, да, правда! Затоптали костры! Едят только сырое!
- Тела заволосели, а вместо зубов – клыки! Побросали орудия труда!
- На лианах качаются!

Потом они ушли подкрепиться второй мастыркой, но бабушка, возбужденная их болтовней, а может быть, учуяв подозрительный дым, стала под разными предлогами стучаться к ним в комнату до тех пор, пока Кока силой не выпроводил ее, запев дверь на ключ.

– Кто тебе дал право так обращаться с женщинами? – трагично вопрошала она из-за двери, на что Кока отвечал:

- А кто учил женщину входить без стука?
- Ты ведешь себя невежливо! – пытались воспитывать из-за двери.
- А мозги вынимать – вежливо? – огрызнулся Кока.

– Оставь, она хорошая! – миролюбиво останавливал его Художник, но Кока и сам уже замолчал, сказав напоследок, что бабушку надо держать в строгости, а то на голову сядет:

– Она в последнее время что-то опять закопошилась. Слышит каждый день по телевизору – «наркотики, наркотики!» Вот тоже начала... подсматривать. Опять бинокль появился!

– Какой еще бинокль?

– Театральный. Она меня и раньше через этот бинокль ловила. Мы тут напротив в подъезде пачку папирос держали: каждый мог брать, чтоб мастырку заделать. Вот она заметила, что

я каждый раз, как из дома выйду, в этот подъезд захожу, потащила туда, обшмонала подъезд и нашла папиросы за доской со списком жильцов...

– Выкинула?

– В том-то и дело, что нет! Оставила, хитрая! И всегда после меня ходила туда тайком считать, сколько папирос взято. А потом представила счет.

– А ты что?

– Сказал, что ничего не знаю – что еще? Какие-такие папиросы? Я сигареты курю!

– А помнишь, как мы ее накурили однажды? – развеселился Художник, вспоминая давний эпизод.

Как не помнить!.. Было много гашиша, и друзья решили накурить бабушку. Аккуратно заделали пару мастырок и подложили в пачку ее папирос – она всю жизнь курила «Казбек». Почуввав через полчаса по запаху, что бабушка добила подсадку, они вылезли в гостиную и устали на старушку. Пока гашиш открывался, бабушка сидела тихо, как мышь, непонимающе поглядывая вокруг и прикладывая руку то ко лбу, то к сердцу. Но вот морщины на ее длинном благородном лице будто разгладились, она кокетливо заправила за ухо седую прядь, гордо повела головой и спросила не своим голосом: «Когда велено подавать кофе?» – «Скоро, ваше сиятельство, – отвечал Кока, давясь от смеха. – Император заняты в зимнем саду с фрейлинами, но скоро придут. Не извольте беспокоиться!» – «По утрам мигрень особенно несносна», – пожаловалась бабушка. – «Согласен. Туберкулез лучше всего принимать по вечерам, по две таблетки», – серьезно отвечал Кока. «Разве он не в микстуре?» – «Нет, в плаще с кровавым подбоем...» Поговорив таким образом минут десять, бабушка попросила довести ее до кровати. И надолго замолкла. Иногда из комнаты старушки были слышны шепот, бормотания, звуки каких-то напевов. Кока порывался посмотреть, что с ней, но Художник останавливал его: «С ней все в порядке! Пусть женщина покайфует первый и последний раз в своей жизни!»

Скоро Художник, сомлев от мастырок, ушел в худкомбинат за рамами, а Кока задремал в кресле. К полудню позвонил Нукри. Он выяснил, что действительно в городе появилась крепкая азиатская анаша, но некий Хечо, через которого ее можно достать, загремел с сифилисом в вендиспансер, откуда, правда, может выезжать за товаром, когда ему вздумается. Поговаривают, что пакеты спрятаны в диспансере, а Хечо просто ломает комедию, ездит к своему дяде в Авлабар и это время переживает у телевизора, пожирая любимый горячий лаваш с сыром и тархуном. Кто-то даже будто уже пытался искать пакеты в его палате, но был напуган сифилитиками, тоскливым стадом гулявшими по коридору.

– Не все ли равно – его это анаша, его дяди или его дедушки? Главное, чтоб хорошая была! – ответил Кока, окрыленный мечтой купить что-то нормальное.

– Да, да, я просто передаю, что слышал. Давай вечером съездим, у меня есть столик, – предложил Нукри, который так старался, рассчитывая получить от Коки новые порножурналы.

Под вечер они приехали в вендиспансер. Из-за колючего забора девки переговаривались со стоящими на улице парнями.

– Это турбаза, что ли? – удивился Кока.

– Когда-нибудь они вылетят, – лаконично пояснил Нукри.

Они нашли вдребезги пьяного сторожа, вызвали Хечо, вручили ему деньги и проследили из-за угла, как тот, воровато оглядываясь, выскочил за ворота, юркнул в такси и уехал. Через час вернулся и отдал пакет с зеленым, пряно-пахучим порошком, не преминув рассказать о том, какие сложности ему пришлось преодолеть, добывая анашу, хотя пахло от него тархуном, а на куртке сидели хлебные крошки. Нукри поделил пакет и половину отдал Коке с тем, чтобы тот завтра взял на столик и вернул ему одолженное. Кока привез анашу домой и спрятал, как обычно, в книгах, а сам отправился со знакомыми девушками на Черепашье озеро.

Вернувшись, он заметил, что бабушка не спит. Заглянув к ней, увидел, что она нервно курит. На вопрос об ужине обычного энтузиазма не проявляет и даже не смотрит в сторону Коки, горестно отводя глаза, обычно лучащиеся любовью.

Почувяв недоброе, он ринулся в коридор, к полкам с книгами. Схватил том, в который был засунут пакет с анашой – и не обнаружил ничего!.. В другом томе – тоже пусто!.. Он стал хватать книги, раскрывать одну за другой. Пусто!.. Пусто!.. Всюду пусто!.. Ничего!.. Классики пилились на него из раскрытых книг.

Трагический голос сказал:

– Не трудись понапрасну, мой милый. Оно было в Александре Блоке.

Бабушка в ночной рубашке стояла в дверях. Ее морщинистое лицо выражало сильную гамму чувств, называвшуюся «поразить паршивца взглядом».

– Ты взяла? – зловеще спросил Кока.

– Я! – твердо ответила она.

– Ты перетрясла все книги?

– Да. Все. Я поняла, что ты недаром крутишься около полок. Нашла это и высыпала в туалет, – ответила бабушка.

– Что?.. – Кока сел на пол и обхватил голову руками. – Что ты наделала?! Мне конец!.. Все кончено!.. Меня убьют!..

– Кто?.. Кто тебя убьет?.. – всполошилась бабушка.

– Как кто?.. Хозяин выброшенного...

– Разве эта гадость не твоя? – спросила она, явно не готовая к такому повороту.

– Нет, конечно. Меня просто попросили спрятать. Если я завтра не отдам, будет плохо, очень плохо... Во-первых, тот человек умрет без наркоты. Во-вторых, меня убьют его друзья. Ты что, не понимаешь?.. Телевизор не смотришь?

– А чья эта дурь?

Кока мгновенно перебрал в уме варианты и выбрал оптимальный:

– Одного калеки. У него сильные боли. – Он справедливо полагал: бабушке вряд ли ведомо, что дурь помогает только от боли душевной, но не от физической.

– Какого еще калеки? – с подозрением спросила бабушка.

Воодушевленный, Кока принялся сочинять про одного несчастного бедняка, после операции вынужденно ставшего наркоманом, про его трагедию и про то, что ребята из района помогают ему из жалости – он лежит в кровати, а они носят ему еду, питье и анашу. Он знал, на какие педали надо нажимать.

– Как ты не понимаешь?.. Бедный отверженный! Униженный и оскорбленный! Мы не можем предать его! Ты сама учила, что предавать друзей нельзя! – добавил он для верности.

Предавать она действительно никого и никогда не учила. Поэтому не знала, что ответить. Еще немного времени ушло на то, чтобы окончательно убедить ее, что сам Кока ни разу в жизни анашу не курил и знать не знает, что это такое. Он добил старушку мощным аргументом – потому, дескать, ему и доверили хранение, что все знают: он не курит и, значит, не выкурит. Логично.

Далее началось самое важное – требовалось выяснить, правда ли бабушка высыпала дурь в туалет или это был пробный шар. Но сколько Кока ни бился, бабушка неизменно твердила:

– Выбросила – и всё!.. Зачем оставлять эту отраву?..

Тогда он прибег к крайней мере и сказал, что его могут спасти только сто рублей, чтоб купить новый пакет и отдать калеке.

Бабушка сильно волновалась: жалела и отверженного инвалида, и беспутного внука, но денег давать не хотела из педагогических соображений. Наконец, было принято единственно верное, с ее точки зрения, решение:

– Я сама пойду и куплю этот проклятый пакет. И сама отдам калеке.

Кока замер от изумления. Потом стал отговаривать ее от таких приключений, но бабушка стояла на своем:

– Нет, тебе денег в руки я не дам. Но куплю эту гадость. Где она продается?

По ее тону Кока понял, что в старой княжне-комсомолке заговорил то ли упорный Рахметов, то ли упертый Корчагин. Делать было нечего. Хочет сама взять – пусть! Такой вариант, хоть и сложный по исполнению, мог вернуть потерянное. А это главное. В поисках кайфа цель всегда оправдывает средства.

Они выпили валерьянки и заговорщически обсудили детали. Кока предупредил, что купить непросто, ибо анаша в ларьках и киосках не продается. Не лучше ли будет, если он сделает все сам? Но бабушка оставалась непоколебима – или она, или никто.

Перед сном Кока перебрал в уме, кто из знакомых мог бы сыграть роль калеки-наркомана. И выходило, что лучше курда Титала, как раз лежавшего со сломанной ногой, найти трудно: отверженность, нищета и страдания налицо. Титал обитал в подвале, где возилась и играла орда его братьев и сестер, за занавеской десятый год умирала тетя Асма, а посередине подвала целый день варился хаши в котле на керосинке.

Наутро бабушка была полна решимости. Кока увидел на ней перчатки и шляпку с вуалью (наверняка ночью перечитывались «Записки из Мертвого дома» или Гиляровский). Он попросил ее снять этот маскарад, но она ни в какую не соглашалась.

Сели в такси. Когда внук предупредил ее, что они едут в вендиспансер, бабушку всю передернуло, но она не удивилась:

– Ничего. Я всегда знала, что один порок сопутствует другому. Я ко всему готова. Поехали!

В диспансере они вошли в комнату для посетителей. Ее грязный вид и мерзкие запахи навевали смертную тоску. Солнце едва проникало сквозь немытые окна, слепыми пятнами шевелилось на заплыванном полу. В разных концах сидели недвижные печальные пары. Само место накладывало зловещий отпечаток на лица. Даже стулья, казалось, лоснились от грибков и спирохет.

В углу громоздился какой-то мужик в багровых лишаях. Жена уныло кормила его помидорами из авоськи. В другом углу пара чернявых типов упрекала двух девок в больничных халатах:

– Вы, суки, знали, что у вас трепак. Почему не сказали, сволочи?

– Да клянусь, Гурамик, да что ты, Мерабик, откуда мы знали?! Если бы... Наш маршрут через Теберду шел, а там, оказывается, у всех триппер! – И девки, жалобно шмыгая носами, ахая и охая, крестились и божились, в панике озираясь и оправляя куцые халаты на налитых лжках.

– О господи! – сказала бабушка, опуская вуаль.

– Чего же ты ждала?... – не без злорадства ответил Кока. – Это не оперный театр! Бинокль не захватила?

Усадив ее, он пошел к лестнице, где дежурил сторож Шакро с шершавой от рублевок рукой, дал ему денег, попросил привести Хечо, а когда тот явился, тихо сказал ему:

– Ты меня помнишь? Мы вчера брали пакет!

– Как не помнишь! Клянусь голова, всем помнишь, кто пакету берет! – заверил его Хечо. – Я чичас бирать иду. Сколько надо?

– Один пакет. Слушай, вон там сидит моя бабушка. Видишь? Долго сейчас объяснять, что к чему. Она даст тебе сто рублей, ты возьми один пакет, а потом ей в руки отдай, понял?..

Хечо, немного тронутый от анаши, уставился на Коку с изумленным испугом:

– Вай, бабушкин курит? Клянусь сердце, такой не слышал!

– Потом объясню. Ты просто сядь около нее, она передаст тебе деньги. Тебе не все равно – я тебе дал или она?

– Она пакету бирает? Или ты?

– Мы вместе. Пополам.

– А, напололама! – понял Хечо и направился к бабушке, сел через стул и сказал: – Драсти, мадам-джан!

Бабушка с каменным лицом учтиво кивнула, вынула из сумочки газету, вложила в нее деньги и, не глядя, положила газету на стул между ними (Агата Кристи принесла свои плоды).

– Будьте добры приобрести для меня это... вещество... – сказала бабушка.

– Мадам-джан! Для тебе, клянусь печень, все сделаю! – ответил Хечо, вынул из газеты деньги и ушел, важно бросив: —Час! Ждите!

А бабушка, не снимая перчаток, со скрытым омерзением взяла газету, направилась в угол и бросила ее в урну. Тут мужик с лишаями начал громко икать от сухой пищи. Чернявые типы зашумели громче. Один дал девке оплеуху, та взвизгнула. И Кока решил увести близкую к обмороку бабушку во дворик. Дверь им открыл привратник Шакро, который, казалось, за рубль мог отворить все двери на свете. Он по инерции протянул заскорузлую клешню, но Кока холодно напомнил ему, что уже дадено, и тот виновато смигнул:

– Извини, забыл! Работа собачья.

Пока они сидели на скамейке, бабушка неторопливо рассказывала Коке поучительные истории из семейных хроник: как ее отцу без наркоза резали руку и счищали гной с кости, а он и не пикнул, как прабабушка во время пожара спасла не только детей, но и пса-любимца, как один дед дерзко разговаривал со Сталиным, а другой сконструировал первую в Грузии электростанцию. Рассказы явно имели своей целью коррекцию Кокиной морали. Но Кока все эти истории знал наизусть и сейчас с беспокойством думал лишь о том, не запустит ли Хечо свою наглую лапу в бабушкин пакет, посчитав, что старуха не заметит кощунства.

Ровно через час довольный Хечо присел на скамейку. Отрывая тархуном и стряхивая с куртки хлебно-сырные крошки, он достал из-за пояса пакет и протянул его бабушке:

– Вот, самая большой, мадам-джан, клянусь почка!

Бабушка, зорко оглядевшись, проворно спрятала пакет в сумочку.

– Очень вам обязана, – сказала она. – Была весьма рада знакомству!

Хечо только умильно покачал головой:

– Для тебя всегда самая большой пакету будет, клянусь рукам-ногам! Кури, мадам-джан, на здоровье! Э, сразу видно – уважаемый женчин!

В такси на просьбу показать пакет бабушка ответила сухим отказом, дала только попробовать на ощупь. Пакет был что надо – плотный и увесистый, как вчера.

– Ну, едем теперь к калеке! – сказала она, переводя дыхание. Теперь ей уже, наверно, чудились «Палата № 6» или Андрей Болконский в госпитале.

В подвале у Титала царил обычный бардак. Сестры и братья составляли живую композицию из грязи, плача и возни. В центре подвала варился в котле на керосинке вечный хаши. Вой, пар и вонь пронизывали все кругом. За рваной загородкой в голос стонала умирающая тетя Асмат. У нее в ногах сидел малолетний плоскоголовый дебил Зеро и усердно вылизывал длинным, как у собаки, языком собственную ступню.

Пока бабушка на ступеньках подвала церемонно знакомилась с притихшими курчавыми братьями и сестрами, Кока поспешил вперед, сорвал наушники с небритого Титала, лежавшего под серым от грязи одеялом на матрасе без простыни, нажал стоп-клавишу старой «Кометы» и быстро прошептал:

– Сейчас тебя навестит моя бабушка. Ты тяжело болен. У тебя боли.

Тот ничего не понял:

– Твоя бабушка? Меня? Болен?

– Тише, она идет, – прошепел Кока, пододвинул бабушке обгоревший табурет, а сам сел у изголовья, чтобы все как следует видеть, слышать и перехватить пакет.

Бабушка с опаской села у постели:

– Как ваше здоровье?.. Мне внук сказал, что вы испытываете сильные боли...

Ничего не понимающий Титал согласился:

– Очень болит.

– Что говорят врачи?.. Надежда умирает последней. Надо только собраться с мужеством и не унывать... К сожалению, боль и страдания сопутствуют человеку всю его жизнь. Надо уметь их не замечать.

– Меня проведать пришли, тише! – прикрикнул вконец обалдевший Титал на детвору, а Кока шепнул бабушке:

– Быстрее! Не видишь – парню плохо! Какие тут душеспасительные беседы? Ему спать пора!

– Не подгоняй меня, – твердо ответила бабушка (сейчас ей, видно, мерещился Ливингстон среди туарегов Занзибара). – Если человек болен, то только он сам может помочь себе. Сила воли, помноженная на настойчивость, все побеждает. Надо бороться со своим недугом, надо хотеть выздороветь. Вы молоды, у вас жизнь впереди, не следует предаваться унынию. Человек способен на многое, надо только собрать волю в кулак...

Титал лежал с открытым ртом. Братья-сестры замерли. Вынесли Зеро, чтобы и он мог послушать странную гостью. Примолкла даже умирающая тетя Асма. Поговорив еще немного в этом духе, вспомнив безногого летчика, слепого писателя и даже какого-то безрукого художника, бабушка достала из сумочки пакет и украдкой сунула его под серую подушку:

– Надеюсь, это облегчит ваши страдания.

Титал, дико косясь на подушку, начал рассказывать, что нога очень болит, но тут Зеро рухнул со стола и с треском ушибся плоской головой о пол. Поднялся визг и плач. Бабушка стала беспомощно оглядываться. А Кока, недолго думая, бесшумно выхватил пакет из-под подушки и сунул его себе за пазуху. Бабушка ничего не заметила.

Под удивленными взглядами они покинули комнату. Кока поддерживал ослабевшую бабушку под локоть, а на злобное ворчание Титала: «Эй, братан, куда деньги берешь? Мне их бабушка дала!» – многозначительно сказал:

– Вечером зайду, проведу!

Домой они шли не спеша. Бабушка была задумчива и теребила перчатки. Наконец она произнесла:

– Дай мне слово, что все это – не спектакль, что этот молодой человек болен, а ты не куришь!

Что было делать?.. Кока дал слово, правда, скрестив в кармане два пальца. Когда они подошли к дому, бабушка осторожно поинтересовалась:

– Разве это вещество продается только в вендиспансерах?

– Нет, просто совпадение, – ответил Кока, чувствуя что-то вроде угрызений совести, которые исчезли, когда он, запершись в туалете, увидел в пакете вместо ожидаемой небесно-зеленой анаши какую-то коричневую трухлятину, разившую гнильцой...

Забив дрожащими руками мастырку, он выкурил ее в три присеста тут же, в туалете, не обращая внимания на стуки бабушки. А потом долго сидел на унитазе, с тоской ожидая, когда появится кайф, который запаздывал. Наконец, он убедился, что вместо азиатской дури ему подсунули труху.

«Сваливать отсюда к чертовой матери! – с отвращением и неподдельной злостью ударил Кока кулаком по бачку и принялся думать о том, что завтра надо будет ехать в вендиспансер, искать Хечо, лаяться с ним... А все потому, что он сразу не посмотрел, что в пакете. Как с анзоровскими пустышками... Он представлял, как Хечо будет отнекиваться и божиться, что кайф был хороший. – Иди и доказывай, что ты не верблюд! А может, Титал заменил? Нет, бред. Я бы заметил... Бежать отсюда! Аферисты, кидалы и вруны!»

14

В самолете Пилия оказался зажатым с двух сторон – справа потел плотный узбек с наливным затылком, слева квохтала толстая беззубая ведьма в цветастых юбках, которая никому не давала покоя еще в аэропорту. Пока ждали посадку, она поминутно вскакивала и в ужасе устремлялась к выходу, громко вопя: «Пасатка!.. Киде пасатка Ташькент? Пасатка!» Ее успокаивали, говорили, что рано, но она, недоверчиво вращая глазами, на какое-то время затихала, чтобы вскоре опять рвануться к дверям, расталкивая людей и разевая в панике беззубый рот.

«Ехать в Азию в такую жару – небольшое удовольствие! – кисло думал Пилия, с отвращением наблюдая за узбеками. – Вот вонючий народ!»

В самолете узбеки сразу сняли сапоги и туфли, вытащили кульки с припасами и принялись за еду, несмотря на то, что был уже второй час ночи, а стюардесса по микрофону объявила, что скоро будет подан ужин. Поев, узбеки надвинули на глаза тюбетейки и косынки, запахнули халаты и вырубались. От запаха еды, пота и ног Пилию чуть не стошнило. Старуха вздремывала, приваливаясь грязными волосами к его плечу, а он, украдкой зло отпихивая ее, думал о предстоящем задании.

Что сказал бы майор, знай он о существовании чемодана?.. «Целый чемодан опиума! Вот это удача! Раздадим его барыгам, пусть торгуют. Морфинисты полезут к барыгам, а мы будем брать морфинистов живьем, отнимать деньги, конфисковывать опиум, который можно будет опять сдавать другим барыгам!.. Лопнет в Тбилиси – перенесем в Кутаиси, в Зугдиди, Боржоми, Хашури... Городов много, всюду кайфуют, а что еще народу делать? Соберем по паре-другой лимончиков – и всё, в отставку. Огороды сажать, поросят растить и деревенских девок жарить».

«Действительно, морфинисты – как тараканы, – думал Пилия под мерное жужжание самолета. – Сколько их ни бей, они все равно будут ползти к отраве, даже зная, что там нечисто, опасно, что могут повязать... Жажда кайфа всегда сильнее страха перед ментами, тюрьмой и самой смертью. Морфиниста губит то, что он каждый раз надеется: «Сегодня пронесет! Всегда пронесло, почему же сегодня не пронесет?» Вот один раз и не пронесит». Это, кстати, относилось и к самому Пилии, о чем он тоже не забывал. В юности он презирал наркоманов. Но после того как по службе попробовал морфий, уже не мог обходиться без таблеток, ампул, порошков – всего, что делало его бодрым, сильным, наглым и бесстрашным.

Толчком откинув старухину голову, Пилия удобнее уселся в кресле, открыл глаза... В конце концов, все можно сделать чисто, технично, умно. И результат будет. Опиум действительно легко продавать дважды: в первый раз – барыгам для продажи, потом потихоньку отнимать у наркуш или конфисковывать у тех же барыг, потом им же всучивать опять... Куда они денутся?.. Ментам все барыги и так известны наперечет. «А разве нельзя продать и в третий раз?.. – подумал он. – В конце концов переловим барыг – и опиум снова наш!» В мечтах он вторгался в далекие фантазии и, поймав себя на этом, оборвал завихрения мыслей: «Вначале надо взять, а там посмотрим».

Наверно, лучше всего последовать совету Большого Чина: везти вора и чемодан официально – выследили цепочку, задержали гонца, везем домой, вот ордер на арест, протоколы обыска, задержания. Согласится ли вор? «Да кто его будет спрашивать!» – усмехнулся Пилия.

Он, конечно, не очень отчетливо представлял себе, что это такое – чемодан опиума. Видел разное количество, но чемодан... Это только в песенке поется про «чемоданчик с анашой», а как это выглядит, какого он размера – этого Пилия не знал. Но одно было ясно: чемодан опиума – такая вещь, которая способна круто изменить всю его жизнь.

В Ташкент они прилетели под утро. Пока ждали багаж, Пилия прошелся по аэропорту. Шла посадка на два рейса – тбилисский и ереванский. Чемоданы и коробки, баулы и ящики,

сдаваемые в багаж, бесконечные дыни в сетках плыли по транспортеру и проваливались куда-то под черную бахромку, исчезая из вида. Вся милиция собралась возле этих двух стоек и внимательно наблюдала за пассажирами. Стояли тут и два солдата с автоматами.

Если б он, Пилия, был начальником аэропорта, то посадил бы собачку прямо за бахромой, возле транспортерной ленты. Вот тогда результат оказался бы хорош: ни один груз не миновал бы собачьего носа... Но собак не хватало, а работающие ничего не умели, потому что средства на их натаску шли напрямик в карман инструкторов-собаководов. Но тут, в Ташкенте, могли быть и тренированные псы... Во всяком случае, везти отсюда опиум нельзя. Самолеты исключались вообще – с собой в кабину чемодан не возьмешь, сдать – не сдашь. Или надо идти в отделение милиции и официально докладывать, что крайне нежелательно: неизвестно, как среагируют на чемодан опиума. Не зареют ли Пилию вместе с вором прямо на взлетном поле? Машины отпадали полностью. Оставались поезда.

Получив свою сумку, он подошел к узкоглазым милиционерам и попытался приветливо улыбнуться:

– Друзья, как добраться до Намангана?

– А, Наманган, хорошо! – отозвался один, а второй продолжал сонно поглядывать на толпу возле стоек.

– Да, Наманган. Как доехать? – повторил Пилия вопрос, подумал: «Вот тупые рожи!»

– А, Наманган!.. Там, там! – И милиционер махнул рукой.

– Я знаю, что там, а не здесь. Как доехать? – повысил голос Пилия.

Сонный милиционер спросил его бесстрастно:

– Документ есть?

– При чем тут документ? – вспыхнул Пилия, на всякий случай вынул паспорт, в ту же секунду со страхом вспомнив, что в кармане у него лежит несколько пачек кодеина – а ну обшусь? Конечно, таблетки он переложил в пачки от анальгина, но все равно...

– Другой аэропорт Наманган летают! – объяснил первый милиционер, а второй, медленно полистав паспорт толстым пальцем, вернул его, бесцеремонно уставившись Пилии в лицо:

– Что везешь?

– Ничего.

Второй аэропорт находился недалеко от главного. Обстановка там была иная. Ожидающие по-домашнему сидели и спали, расстелившись, сняв сапоги и удобно устроившись на полу и подоконниках. Все мужчины были в халатах и тюбетейках, а женщины – в синих спортивных рейтузах, поверх которых напялили разноцветные юбки. Старухи, как безглавые мумии, сидели по углам и не шевелились. У одной поверх паранджи был накинут на голову мужской пиджак. «Дикие люди, что с них взять?» – подумал Пилия презрительно.

Лоснящийся кассир объяснил, что наманганский рейс будет через два часа.

Взяв билет, Пилия вышел из душного здания в ташкентскую ночь. Сел на скамейку в скверике. Слышались разговоры с летного поля, звуки машин. Где-то постукивала электричка. Посидев немного и оглянувшись, он высыпал в ладонь десять таблеток кодеина и направился к колонке с водой. Запивать таблетки лицом вниз было трудно. Он закидывал голову, как аист, пальцем поднимал струю в колонке, но все равно чуть не подавился последними пилюлями.

Отдышавшись, сел на скамейку, распечатал пачку сигарет и застыл, изредка поднимая тяжелые глаза на циферблат часов и прикуривая одну сигарету от другой. Мысли стали расползаться. Пилия не пытался ловить их, отдавшись во власть кодеина, который, игриво покусывая изнутри, начал привычно щекотать живот, перетекать в ноги, завихряться в ступнях и проникать во все тело.

Вспомнился один из давних приездов в Азию. Тогда Пилия был еще лейтенантом и получил задание внедриться в небольшую, но богатую группу наркоманов. По ходу дела пришлось поехать с одним из них в Азию за наркотиками. Морфинист, с которым Пилия ехал, Шара-

шенидзе по кличке Виртха²³ оказался мерзким, слабым, подлым, полностью сгнившим в свои двадцать четыре года типом. Он только и делал, что валялся в постели и стонал: «Мне плохо!» То ему было плохо от передозировок, то от ломок. Пилии приходилось все делать самому. Сам он тогда наркотики принимал помалу, столько, сколько надо для правдоподобия. Но зато Виртха служил отличной визиткой – видя его, местные барыги не сомневались, что перед ними морфинист, и охотно шли на контакты, предлагали товар.

Они ездили по городам, с кем-то встречались, знакомились, куда-то шли, покупали. Виртха все забывал, путал, терял, всюду опаздывал, находясь в постоянном тяжком дурмане, и Пилия злился на него, не раз был готов избить, но сдерживался. Купленное и добытое они складывали в министерский стальной дипломат, откуда Виртха по ночам сам у себя воровал ампулы и таблетки, а днем, боясь обысков, горничных и всего на свете, постоянно запирали на разные шифры. В конце концов, он, естественно, шифр забыл.

День, когда он забыл шифр, вообще выдался несчастливый. Рано утром у них разбился шприц – Виртха, пытаясь сделать себе внеочередной укол, уронил шприц на кафельный пол ванной. Одуревшие от ломки, они вскочили в такси и помчались по Самарканду.

«Больница, больница, диабет, шприц!» – кричали они шоферу. Для убедительности Виртха прикидывался умирающим диабетиком в коме, что было не так уж трудно изобразить. «Здесь, здесь, тормози!» – зарычали они, когда увидели какое-то здание, откуда выходили люди в белых халатах. Они выскочили из такси, вбежали в вестибюль, увидели кого-то в халате и стали пихать ему деньги, умоляя дать шприц. Человек долго не мог понять, в чем дело, смотрел изумленно, потом подозрительно и, наконец, что-то сказав по-узбекски, быстро удалился. Тут Пилия нюхом учуял в вестибюле что-то родное. Огляделся повнимательнее. Заметил в углу, за лифтом, милиционера в форме, вышел на улицу и прочел, что это наркологический диспансер. «Пошли отсюда!» – прошипел он, схватив Виртху за руку, но тот и слышать не хотел, чтобы уйти без шприца. «Идиот, это диспансер! Ментов полно!» – и Пилия поволок его к выходу.

В другой больнице озверевший Виртха ухитрился выхватить шприц прямо из бурлящей воды кипятильника. Ворвавшись в гостиницу, они кинулись к дипломату, Виртха стал лихорадочно крутить замочки, и вот тут-то и выяснилось, что он забыл шифр. Старый помнил – а новый вылетел из головы. Пилия попытался ножом открыть замочки, но не сумел. В дипломате, помимо ампул, хранились деньги и документы. Принялся сверлить ножом отверстие. Это оказалось адской работой – дипломат был настоящий, подаренный папе-министру где-то за рубежом, и для того, чтобы выпилить в нем уголок, понадобились два часа, причем бессильный Виртха не пилил, а только резался и стонал. Когда наконец они отогнули уголок и стали вытаскивать ампулы, несколько штук разбилось, а пачка денег порвалась почти пополам...

На рассвете началась посадка в Як-40, на Наманган. Пилия сунул пистолет в сумку – если найдут, разрешение у него при себе, покажет. Если не найдут – меньше разговоров: зачем лишний раз светиться? Мало ли кто мог оказаться в этом самолете...

Все прошло хорошо. Сонная таможенница, занятая беседой с молодым лейтенантом, пистолет просто не заметила. Пилия стоял среди толпы людей в черных стеганых халатах. И опять удивлялся нелепости этих одеяний – узких, без застежек, но длинных и с длинными рукавами, вдобавок подпоясанных женскими косынками. Кажется, кто-то ему объяснял, что чем больше косынок – тем почтеннее их обладатель. Чистые дикари!

В первый раз он попал в Азию еще школьником, в десятом классе, сдуру прицепившись к друзьям, поехавшим куда-то за анашой, хотя сам он тогда не курил. В памяти остался мрак морозной зимней ночи, снегом покрытые поля, замерзшие уши, руки, ноги, большая сумка с анашой... А попутки все нет и нет. Наконец, показались фары. Это была «Аварийная», с длинной башней для починки лампионов. И они хохотали, как сумасшедшие, а шофер отка-

²³ от виртха (груз.) – крыса.

зывался их везти, указывая на людей в кабине: «Занято, не видите?..» – а они кричали: «Ты же аварийная! А у нас авария!» – насильно сунули ему деньги, вскочили на подножки и ехали так в ночи, сквозь ветер и снег, и руки у них звенели от холода, примерзая к ледяным поручням.

Пилия покачал головой: «Черт побери, как не боялись с такими сумками летать и по аэропортам таскаться!» Теперь он точно знает: аэропорты, вокзалы, автостанции, стоянки – главные узлы города. Если их перекрыть, как полагается, то город можно блокировать полностью.

Можно-то можно, но к чему приведет такая наркоблокада? После перестройки Совмин обязал КГБ взять под контроль оперативную обстановку по наркотикам. Барыг и морфинистов прижали. Но долго в прижатом состоянии держать не сумели, потому что на это, как всегда, не хватало ни людей, ни техники. Цены на наркотики подскочили и потащили вверх уголовщину. Покатилась волна новых указов. Воров разослали из местных зон.

Прижали воров – а уголовщина взметнулась еще выше, потому что зоны без воров взбунтовались, преступный мир вышел из берегов. Цены на кайф поднялись снова.

На смену старым ворам пришла молодежь с автоматами. Начала террор и шантаж трестов, магазинов, базаров, винных заводов и чайных фабрик. Хаос усилился. Сгорело несколько крупных объектов, закрылись на переучет рестораны, цеха, мастерские, повсеместно начались ремонты. Ревизоры, махнув рукой, брали огромные взятки и уходили на пенсии. В рядах сотрудников ОБХСС возникли кровавые распри, угрозыск взбунтовался, напивавшись кровью, и даже дрогнул и раскололся передовой отряд КГБ.

Пилия участвовал во всех этих кампаниях, посмотрелся всякого, многому научился. С самого начала работы в утро он попал в группу к майору Майсурадзе, который не скрывал своих идей относительно будущего: «Скоро, ребята, уляжется пена, и мы будем и полиция, и мафия. Так лучше для всех. И в первую очередь – для людей. Не два раза платить придется – мафии и нам – а только нам. Но в двойном размере! А с ворами мы разберемся. Что делают с крысами и волками, когда они размножаются? Уничтожают! Всеми способами. Стрелять, жечь, травить! Никто нам не мешает этого сделать, а сами себя мы уж никак не поймаем. Вокруг каждого вора кормится группа подворовков. Вора убить – и группа разбежится. Пусть убираются в Москву или Питер! Пусть знают, что в Тбилиси их ждет смерть! Список воров известен: Жужу, Рене, Цаул, Амберг, Нодар Лысый, Чорна Воронцовский...

С самых больших и начинать! Это еще Эдуард Амбросиевич негласно советовал на парт-активе, пока в Москву не взметнулся!»

На главной улице Намангана, у входа на базар, возле чайханы, толпились узбеки в своих нелепых халатах. Было много велосипедистов: проезжали седобородые аксакалы и женщины в спортивных рейтузах и кедах. На женщин, впрочем, никто не обращал внимания – не выворачивали шеи вслед каждому женскому задку, как в родных краях, а даже словно презрительно стремились вовсе не замечать их – так, муха пролетела, мошка хуже мухи!

Автовокзал в Намангане оказался небольшим и пустым, зато за его оградой столпилось множество частных машин и шоферов, готовых ехать куда угодно. Глядя на их одутловатые лица, Пилия опять подумал о том, что все они, вероятно, в кайфе. Он подошел к ним, назвал нужный кишлак:

– Мне нужно в Катта-Курам.

Один, сносно говоривший по-русски, знал это место. Они договорились о цене. Но требовалось найти еще двух-трех пассажиров, чтоб забить машину до предела. Пилия хотел заплатить за четверых, но потом решил не спешить, выпить что-нибудь горячее. Закинул в багажник сумку и отправился на базар, сказав, что придет через полчаса.

Базар делился на фруктово-овощной, скотный и барахолку. Чего там только не продавалось! Вереницей стояли сапоги и калоши, причем можно было купить отдельно голенища, подошвы и каблук, оптом и в розницу. Ряды тюбетеечников, торговавших от копеечных штам-

повок до расшитых золотом и серебром красавиц. Тут же, на земле, сидели продавцы полушубков, безрукавок, овчин и тулупов. Длинный ряд уздечек, подпруг, седел, стремян. Блестели серпы, точила, ножи, кинжалы, сохи, вилы, топоры. В середине торговали чем попало – от иглол и стоптанных тапочек до колес от арбы и плащей-болонья. Отдельно гудел халатный ряд.

Пилия вытянул шею и огляделся поверх толпы. Повсюду черные халаты: горланят, торгуются, спорят... И все, похоже, в кайфе – у всех глаза как щелочки. Да и где еще быть анаше и опиуму, как не тут, в самом сердце Азии! В охотничьем азарте он ускоренной походкой двинулся по рядам, присматриваясь к лицам и внюхиваясь в воздух. Но все было чисто, никто ничего не курил, кроме сигарет. Пилия остановился возле торговца зеленым насваем²⁴.

– Брат, анаша есть? – спросил он узбека.

– Наша?.. Нету, нету наша! – с трудом поднимая веки, отвечал торговец и забросил в рот большую щепоть насвая. – Вот, насфай купи!

– На черта он сдался, этот насвай! – проворчал Пилия, переспросил: – Значит, нет анаши? Курить нет?

– Опасно – оп! – ответил торговец, лукаво открывая один глаз.

– Да ты на них посмотри, они же все в кайфе! – почти крикнул Пилия, указывая на двух стариков, дремавших под деревом.

– Не-е, мы пиросто такой сонный нарот! – нехотя ответил продавец, отправляя в рот очередную порцию насвая. – Очень плоф и сон любим!

И он, молитвенно произнеся что-то по-узбекски, сложил ладони и показал глазами, как узбеки любят «плов и сон». Пилия с досадой отмахнулся.

Тут его внимание привлек старик на осле. Серый ослик шел прямо в гущу толпы, вызывая ее восхищенный гогот. Бронзовый старик в шутовском халате и чалме что-то кричал. В ответ кричали тоже.

Пилия сердито проводил его глазами и направился к плотному кольцу людей, откуда неслись звон, смех и звериные рыки. Расстеленный ветхий истертый коврик. На нем восседал полуголый высохший старик в чалме, перед ним лежал облезлый, старый и тощий медведь. Старик изредка дергал за короткую цепь, продетую в медвежью ноздрю или, высоко поднимая палку, шлепал медведя по худой спине в пролысинах. Зверь откликался тоскливым рыком, что приводило толпу в восторг, а на ковер летели мятые рублевки.

После пяти-шести рыков коврик стал коричнево-песочным от мятых рублевок. Тогда старик сгреб деньги, запихал их в сумку, висевшую у медведя на шее, взял под мышку палку, коврик, подергал цепью. Медведь нехотя поднялся следом, отряхнулся. Толпа двинулась за ними.

Потом Пилия попал на «живой» базар, где увидел гладеньких осликов, степенных буйволов с гордо закинутыми головами, лошадей, пугливых коз, бежевых телят и даже двух верблюдов, которые иногда переговаривались друг с другом низким бульканьем, напоминающим слоги какого-то древнего наречия. Тут уже торг шел серьезный. Возле каждого животного торговались продавец и покупатель, а толпа делилась на две половины: одни помогали купить, другие – продать.

При виде животных Пилия вздохнул. Какие-то неясные воспоминания детства зашевелились в душе... Но очнувшись и вспомнив, зачем он тут, Пилия заторопился к выходу. Выяснилось, что надо подождать еще немного. Шофер искал четвертого пассажира.

– В мечеть зайди пока! – посоветовал он.

– Давай быстрее, а то уже час прошел! – ругнулся Пилия, но совету последовал, в мечети он никогда не был.

²⁴ Никотиносодержащий продукт в виде шариков.

Мечеть оказалась старая, замшелая, сложенная из грубых серых камней, с невысоким минаретом и облупленным полумесяцем. Во дворике сидели нищие. Пилия не без опаски открыл дверь. Увидев стоящие рядами пары ботинок и сапог, нехотя разулся. Зачем его занесло сюда?

Первое, что его поразило, – пустые грязные стены мечети. Пол покрыт дырявыми коврами. Окна завешаны черным. Задернутые темными шторами лубочные картинки на стенах. Кресло муллы тоже закрыто крепом.

Над ним – два скрещенных черных знамени, на ткани зеленеет арабская вязь. Полотнища старые, застиранные, а вязь – тусклая. Вообще все темно и сумрачно... Отдельно, за загородкой, на постаменте, лежала очень большая черная подушка с изображением Мекки – полумесяцы минаретов, диковинные птицы в садах, верблюды с поклажей (небось, опиум везут!) и люди в чалмах. Все обращено к маленькому кубу с плоской крышей; внутри виден камень. Его вышили так искусно, что Пилия невольно потянулся к нему рукой, проверить, не вшит ли он в мутаку, но тут же был остановлен гортанным окриком муллы, пьющего чай за занавеской. Пилия виновато оглянулся и отошел в сторонку. «Противная вера! И посмотреть не на что! У нас хоть иконы есть, музыка...»

У входа в мечеть он купил чай и самсу. Возле машины его уже ждали. Шофер замахал руками. Пилия, кусая на ходу дымящуюся лепешку, уселся в машину, впереди. Сзади на него глянули два узбека, молодой и старый, и женщина в черном.

– Ну, поехали?.. – спросил шофер.

– Поехали! А тут, – Пилия указал на самсу, – один лук, мяса совсем нету...

– Э, дорогой, почему один лук? Много лука, много! – весело отозвался шофер и вырулил из хаоса стоящих машин на шоссе. – Первый раз в Узбекистане? Вот, смотри, это наше сердце, Ферганская долина!

Пилия послушно уставился в окно. За окном летели хлопковые поля, а дальше наседали невысокие, но плотные, какие-то сплоченные и насупленные холмы. «Да уж, не Кавкасиони...»

15

Едва войдя в комнату, Ната вытащила геометрию.

– Все. Сначала заниматься, потом читать.

– А нельзя наоборот? – попросил Гоглик в оцепенелой тоске от предстоящего числа «пи» и ему подобных мерзостей.

– Нет, заниматься. Не спорь! – упрямо тряхнула Ната косичками.

– Нет читать! Там очень интересно дальше!

– А ты откуда знаешь? Заглядывал? – подозрительно взглянула она на него.

– Я ведь слово дал.

– Знаю я ваши слова! – начала Ната, но у Гоглика был такой несчастный вид, что она, поколебавшись, махнула рукой. – Тебе же будет хуже, если геометрию не выучишь! Это тебе геометрия нужна будет в жизни – не мне, не учителю...

– Не директору, не завхозу, не дворнику, – подхватил Гоглик. Миллион раз слыша подобные нотации, он каждый раз недоумевал, где ему в жизни могут пригодиться все эти круги, радиусы, косинусы, диаметры и прочие параллелепипеды, тоскливые, как кабинет завуча.

– Мне-то что? Я и так все знаю! А вот ты пойдешь в ПТУ, а потом без образования будешь на фабрике работать, – продолжала Ната пилить его словами классной наставницы, но потом утихла и сжалась. – Ну, ладно, давай, читай. Да с выражением, а не как вчера – бу-бу-бу, как пьяный пономарь! Пусть хоть польза для устной речи будет... И не надо плюхаться на диван! За столом тоже все слышно! Вон, бабушка ходит, сейчас заглянет! – кивнула она головой на дверь, из-за которой слышались звяканье посуды и шипение брошенной на сковороду картошки. Бабушка тоже была твердо уверена, что без геометрии мальчику прожить вполне можно, а вот без жареной картошки – никак нельзя.

Он извлек из-под матраса текст и попытался настоять, чтобы сегодня читала Ната – у него болит горло от мороженого, которым он основательно угостился в зоопарке.

– Папа там одного типа искал. Хромого Валико, который за зверьми следит.

– Какие дела могут быть у твоего папы с хромым сторожем из зоопарка? – удивилась Ната.

– Не знаю. Они куда-то за клетки пошли, а я бегемота всякой дрянью кормил, – доверительно сообщил Гоглик.

– Как это?

– А вот так: ему руку протянешь – а он тут же пасть открывает. Ты и бросай, что хочешь. Кто окурки кидает, а кто кирпичи. Пасть как чемодан.

– Возмутительно! – сказала Ната. – Оно ведь живое, это несчастное существо! И что ты бросал?

– Так, по мелочи, – уклонился Гоглик: бегемот получил от него всего лишь комок газеты и пластмассовый стаканчик из-под пломбира, от которых большой беды быть не могло.

– Чтобы я больше не слышала таких вещей! Ты в своем уме? Бегемот из-за тебя может умереть!

– Ну и что? Все умрем, – беспечно ответил Гоглик, точно зная, что все, очевидно, и умрут, а он – нет. Ну, и Ната тоже, конечно. Они будут всегда. – Где сядем?

Он тайне надеялся, что Ната все-таки сядет на диван, но она уселась за стол.

«В полете бес попал под радугу. Его закружило, завертело, ослепило, стало бить о яркие лучи. Ему с трудом удалось выскочить из-под сверкающих сводов и в панике помчаться вверх. Но на высоте крылья стало ломить. Уши вконец оледенели. Внутри все скукожилось. Лапы зачленели. Надо искать место для отдыха.

Он приземлился в безлюдной долине. Однако тут ему не понравилось: долина неуловимо напоминала то место, где он впервые попал под заклятье шамана.

Тогда бес кувырчался среди дикого винограда, лакомясь его последними вздохами, исступленно катаясь в толстых ветвях, высматривая самые налитые и сочные грозди и оставляя капли черной жидкости на витой лозе. Какой-то странный человек стоял с посохом на кромке и, казалось, что-то внимательно высматривал в поле. Под его взглядом бес остался сидеть на месте, словно прибитый гвоздем. Шаман вдруг пошел прямо на него, в нетерпении перелетая через виноград и выкликая слова, от которых бес покрылся обильным вонючим потом, начавшим застывать и сдавливать со всех сторон. Он попытался взлететь, но не смог, налитый грузной смертной тяжестью. И тогда шаман, взвившись над ним, ударил его посохом по хребту так, что брызнули искры и затлела шерсть. Бес хотел на четвереньках бежать через лозняк. Но прежде чем он сумел уйти, шаман с проклятием «Айе-Серайе!» еще пару раз огрел его палкой по бокам.

Как же ему не пришло на ум оборотиться камнем или жуком?.. Залезть под землю?.. Позвать на помощь мелких духов полей, которые во множестве шляются в жнивье?.. Или он пытался, но не смог?.. Это был день первого заклатья. Потом было и второе... Шамана сеть, как плеть. Надо лететь! Как бы не накликать беду!

Избавившись от опасного воспоминания, бес поднялся в воздух и стал кружить, высматривая новое место. Увидел деревеньку и сел возле запруды, не спеша подобрал крылья, ломкие от инея. В запруде по горло в грязи лежали буйволы. Они стали двигать рогатыми головами, косить синими глазами. Шумно зафыркали, заревели и принялись с чмоканьем вытаскивать свои нелепые тела из темной жижи. Бес старательно обошел стороной тупых тварей.

В первом дворе ничего не было, только пес с кошкой валялись на солнце. Почуввав беса, пес заурчал, а кошка пошевелила ушами. У плетня старуха возилась с лиловым от грязи младенцем. Другая старуха мыла в корыте овощи. Дальше – дом побогаче. Два мальчика пилили дрова и носили их под навес. И тут поживиться нечем: детям злые духи не страшны до первых усиков и первой крови.

Он повернул к хижине, стоящей на отлете возле рисобойни. Оттуда шел какой-то неясный, но явный знак. Перепрыгнул через плетень. Во дворе прибрано, подметено. Застенчиво тянутся ровные грядки с зеленью. Бес маханул через огород, проник в хижину и оторопел – на циновке сидела полуголая женщина и перебирала рис. В углу громоздились сосуды с зерном, стояли миски и плошки. Старый ларь темнел у стены. На очаге, в глиняном горшке, что-то варилось...

Женщина хороша. Ведьмы тоже хороши, но имеют кусачую ледяную дыру. Покойницы тверды и неподатливы, как камень. Только у человеческих баб можно украсть жар нутра, перекачать в себя и питаться им, когда вздумается. Стара ли, молода – без разницы: ее жар всегда при ней. От запаха живой щели бес стал беспокоен. Шерсть пошла дыбом. Пятки налились тяжестью. Башку повело. Чресла зачесались. Внутри все опустилось, вытянулось.

Он в упор рассматривал женщину, наполняясь злой похотью. Не удержался на лапах, сел на пол. Заглянул ей в самые глаза... Можно не спешить – двойника нет, блуждает где-то далеко...

Она, оторопев, всматривалась в пустоту, не слыша, но ощущая его. Красная точка во лбу потемнела. Бес переметнулся ей за спину, стал лапать за бока и ягодицы. Она в страхе начала озираться:

– Кто здесь?

– Я, я, я, – со смехом отвечал он и начал сковыривать рубаху с ее жаркого тела. – Сосед! Соседище-ще!

– Ты? – ухнула вдруг женщина, узнавая голос соседа, молодого парня, на которого часто заглядывалась украдкой. – Муж скоро будет!.. Что тебе надо?.. Где ты?..

– Всюду-ду-у... – завыл он, повалив ее навзничь и всеми четырьмя лапами хватая за грудь, за ляжки, за лобок.

– Но где же ты? – растерянно спрашивала женщина, отбиваясь и ощущая руками его невидимые, но окрепшие плечи.

Бес, не отвечая, тискал красотку со всех сторон, зарываясь в ее груди и вдыхая их терпкий запах. По ее лицу начала гулять тень истомы. Некоторое время были слышны только испуганные вскрики «Что это? Кто? Ох...» да шорохи лап и волос.

Они катались в исступлении, опрокидывая скамьи и ударяясь об острые углы ларя. Лицо женщины потемнело, покрылось пеленой похоти. Глаза превратились в пятна. Губы раздуло. Глухо закрипел перевернутый стол. Треснул горшок на очаге. Рассыпалась стопка мисок, осколки взлетели до потолка. Зашуршал рис из расколотого ведра.

Красавица вопила, изнемогая, а бес яростно комкал ее тело и толчками врубался в жаркую плоть. Она молила о чем-то. Кипящие укусы жгли ее. Клыки впивались в шею, в груди, в ляжки. Что-то страшное вламывалось все глубже, всасываясь в ее щель и превращаясь в сплошной шершавый ожог. Наконец, под рев, стон и рыки, все было кончено.

Бес еще в возбуждении пометался по хижине, круша остатки посуды, разрывая циновки и тряпки, попадавшие ему под лапы. Раскусывал клыками глиняные плошки, сбивал хвостом со стен коврики. Доломал стол и разбил печь. И постепенно затих, остывая. Стал озиаться на погром. Теперь прочь отсюда, пока не появились домовые, которые обозлятся при виде того, что натворил бес в их владениях! Он свое получил – чего тут задерживаться?

Старуха-соседка, слыша грохот, но боясь подойти, увидела, как из хижины вылетело и ушло к полям какое-то плотное облако. Переждав, она перелезла через плетень и поспешила в хижину, где среди риса, зерна, рваных циновок, битой посуды и обломков недвижно лежала молодая соседка. На голом теле – раны и ссадины от когтей. Все тело залито темной зловонной трупной жидкостью, а меж развороченных бедер дрожит кровавая масса.

Старуха, причитая, выбежала во двор. Ее взгляд упал на землю, где остались явные отпечатки четырехпалых стоп, вывернутых назад.

– Дьявол, дьявол! – кинулась она от проклятого места.

А бес блаженствовал под пальмой, привалившись хребтом к узорной коре. Вопли старухи не беспокоили его. О затоптанной молодке он уже не думал. Излив потоки черной спермы, он освободился от груза, скинул тяжесть, стал невесом и теперь, разнежившись, валялся под деревом, не чуя, как сзади его тихо-тихо обступает ватага местных злыдней.

Первым напал птицеголовый гад с толстым шерстистым туловищем. Широким клювом он стукнул беса по затылку и оглушил. Чешуйчатая ведьма впилась ему в крыло, обвинив змеиным туловищем. Набросились два демона с рыжими от бешенства глазами, стали колоть рогами и бить копытами. Пока бес пытался разжать гадючьи кольца, в воздухе зареяла крылатая тварь. Она мерзко верещала и длинным хоботом норовила стукнуть беса по башке. Какие-то пакостные существа, похожие на поросят с отрубленными головами, начали тыкаться в него кровавыми обрубками.

Он завопил, заскулил:

– Стой-ой-ой! Я такой-ой, свой-ой! Покой-ой-ой!

Но его никто не понимал и не слушал, а птицеголовый гад взвизгивал, отскакивая после очередного клевка:

– Ты враг! Ты раб! Ты чума! Ты крот! Ты скот!

– От тебя несет монахом! – шипела ведьма-змея.

– Не трогай наших баб, не то сдохнешь тут сей миг! – бодали его рыжие демоны.

Вдруг откуда-то из-за хижин взмыл громадный белый лебедь и кинулся на свору. Демоны, присмирев, разбежались кто куда. Безголовые бесенята утробно заскулили и легли на землю с поднятыми лапами. Последней нехотя удалась крылатая тварь, угрожающе вздымая

пишкастый хобот и выпуская напоследок дымные лепешки, из-под которых еще долго слышались вопли и визги бегущих духов.

Бес, припав к земле и зарывшись в грязь, со страхом следил за лебедем. Но тот пропал из вида. Так возникать и исчезать умеют только добрые духи – хозяева эфира, не терпящие драк в своих владениях.

Свернув перебитое крыло и громко ругаясь, бес заковылял прочь от села, безуспешно пытаясь взлететь, озираясь по сторонам и проклиная плешивого демона, пославшего его в такое опасное место. Что-то держало беса на земле. Вдруг ему почудилось, что держит его не раненое крыло, а сеть хозяина, неведомым образом оказавшаяся тут. Он, прерывисто дыша, побежал по тропинке, с трудом снялся и, скособочившись, низко полетел на одном крыле.

Начинало темнеть. Долго лететь на одном крыле бес не мог и неуклюже рухнул под кроны лиан. Джунгли встретили чужака множеством незнакомых звуков и запахов. Жизни тьма и кутерьма.

Его вдруг затошнило. Бросив крыло, он согнулся до земли. С каждым спазмом казалось, что вот сейчас он вылезет из шкуры и голый, с мокрым липким телом, уйдет в землю, превратившись в слизняка, мокрицу, червя.

Джунгли из темноты наблюдали за ним.

– Подыхает, – заметила с дерева обезьяна, беспечно лопающая банан.

– Туда ему и дорога! – зашипела змея.

– Может, рождает? Или рождается? Уже родился? – защебетали птицы, предусмотрительно сторонясь змеи, поблескивающей капельками глаз.

– Они вообще не рожают, – медленно произнесла панда из бамбуковых зарослей, меланхолично пережевывая зеленые побеги. – Они кладут яйца.

– Какие яйца? С чего ты взяла, ленивая? – заспорили обезьянки, запуская в панду огрызком банана.

– Я?.. Да я их столько повидала за свою жизнь!.. – обиделась панда, не спеша, с закрытыми глазами, дотягиваясь до самых молодых побегов. – Один бесенок даже жил рядом со мной на дереве. Иногда впадал в спячку и падал вниз.

– Рождает, рождает! – щебетали колибри, забыв о змее.

– Отойдите – он больной! – резонно посоветовал крутоклювый попугай. – У него чума! Ну его! Чужак! Чумак! Чухарь!

Сквозь мучительные приступы рвоты бес слышал эту болтовню.

– Заглохните! – оскалился он. – Вас не хватало! Разом всех передущу-шу!

Все настороженно замолкли. Только змея шевельнулась на ветке.

– Вот ты нужна! – схватил ее за голову бес. – Веди к папоротнику, не то наизнанку-ку! Скользящая гадища-ца!

Змея стала выкручиваться и отнекиваться, но, получив удар по глазам, бессильно повисла с высунутым жалом, давая понять, что готова подчиниться. Бес двинулся сквозь кустарник. Шел, прихрамывая и ощущая зуд в раненом крыле. Его лихорадило. Болело темя. Было почти так же скверно, как когда-то в трупе лошади, куда он залез, спасаясь от двух сметливых отшельников, которые погнались за ним по чем зря. Джунгли возмущенно шуршали вокруг. Змея упруго двигалась в его лапе, головкой указывая путь.

Больше всего беса злило, что деревенские гады напали без предупреждения. Могли бы просто сказать, чтоб он ушел – и он убрался бы сам, без драки. Мало места, что ли?.. Вон сколько пустых гор, степей, всей нечисти раздолья хватит... Если драться друг с другом – люди одолеют. Да и отвык он в плену от склок и потасовок.

Там, в шкафу, было тесно и темно. Донимали вши и блохи, которых бес травил своим дыханием. Иногда ведьма-крыса, подруга хозяина, засовывала мокрый нос в створки шкафа, оглядывая ярко-желтыми глазами старое окаменевшее дерево, из которого сколотил этот гро-

бовидный шкаф еще Учитель Учителя шамана. Желтоглазая ведьма являлась когда хотела, обычно глубокой ночью, чтобы исчезнуть перед зарей. Не обращая внимания на двойника, она обшаривала пещеру, рыскала в очаге и на полках, потом садилась у изголовья и что-то свистела шаману в спящее ухо, отчего тот морщил лицо, как от мух, а двойник колыхался в злобе, но ничего поделать с наглой чертовкой не мог. Бывало, шаман отвечал что-то во сне. И тогда крыса притихала и слушала его настороженно и почтительно.

Еще, когда хозяин бывал в лесу, а его двойник бродил по ледникам, в пещеру стал навесываться один наглый дьяволенок. Он шмыгал по углам, пытаясь что-нибудь украсть, разбить, изгрызть, но все было заговорено так крепко, что дурачок только опалял себе жесткую шкурку. Бес, запертый в шкафу, через щель просил его сообщить сородичам, что он в плену и просит о помощи, но дьяволенок лишь прыскал со смеха и стучал хвостом по вековым дверцам шкафа.

Наконец, змея зашипела и встала торчком. Впереди – большое болото. Вот среди тростника торчат листья ветвистого папоротника.

– Ищи самые молодые побеги! – приказал бес змее.

Проплутав по болоту, они нашли свежую поросль. Бес отшвырнул змею, принялся рвать нежные мясистые стебли и собирать в кувшинку сок, выступавший на сломках. Стебли он жевал, а соком смазывал раны.

Вдруг он услышал чей-то гневный шепот. Присев от неожиданности, осмотрелся... Невдалеке, в болотной жиже, копошились две ведьмы. Они были чем-то озабочены.

– Не бойтесь! Вы не нужны! – крикнул он.

– Это кто кого боится? – презрительно зафырчала одна, а вторая добавила:

– Бояться надо тебе, калека! Образина!

– Я ранен, помогите-те-е! – миролюбиво сказал он, пытаясь одновременно и удерживать вывернутое крыло, и мазать рану соком.

Ведьмы хрюкнули:

– Кому ты нужен, тухлятина! Нас в лесу живые дровосеки ждут! – и зашуршали прочь.

Бес ругнулся им вслед.

Вокруг гнила болотная топь. Сновали жуки-сорокоходы. Квакали жабы, звенело комарье. Посреди болота что-то подозрительно булькало и чмокало. Где-то постанывали лесные птицы. Сонно перекликались цапли. Потрескивало в траве. Вспыхивали тускло-зеленым светлячки. И совсем рядом шумно ломилось сквозь кустарник прерывисто дышащее существо: кабан ли спешил к воде, олень убегал от своей тени... Не разобрать.

Случайно бес ухватил чье-то мелкое последнее дыхание. Оно напомнило о голоде, который никогда не оставлял его. Он быстро домазал крыло и направился в чашу, то и дело смахивая липнущую на морду паутину. В чаше гуще бесьи кущи...

Просеивая сквозь себя эфир, бес шел на привычные запахи смерти. Он опять начал чутая ночь. Вокруг – одна большая бойня. Жуки, птицы, звери, даже цветы и трава – все пожирало друг друга. Воздух был настоян на смерти.

Эта нескончаемая гибель взбудоражила и повлекла в разные стороны. Здесь есть много съедобного.

Деревья неохотно, даже враждебно пропускали вглубь. Лапы скользили в прелых листьях, влипали в лужи, проваливались в муравейники. Какие-то тени мелькали тут и там. С лиан свешивались сонные, но всегда чуткие змеи. Сновали мелкие гады и большие крысы.

Неожиданно бес услышал шум борьбы, застыл в плюще и стал оттуда вглядываться в темноту. Хриплые рыки усилились. Он почуял аромат крупной смерти и неслышно стал красться вперед. На опушке две пантеры расправлялись с кабаргой: самец рвал оленя за ногу, а самка норовила перекусить горло. Жертва отбивалась. Но самец, урча, уже тянул из распоротого брюха связки дымящихся кишок. Бесу досталось терпкое и шершавое дыхание.

Через бурелом бес выбрался к разлапистым деревьям. Они всей семьей обступили прогалину и по-братски срослись ветвями. Он растянулся под ними, не обращая внимания на гудение корней, которые сразу же недовольно встрепенулись, когда он лег на них. То ли от яда, то ли от усталости, но бес чувствовал себя чужим в этих джунглях, где все избегают его, а он шарахается от всех. Хотелось лежать, не вставая. Слипались глаза. Он лежал без движений, хотя еды вокруг хоть отбавляй...

Так же мерзко было в ту ночь, когда он оказался проклят вторично и попал в плен к шаману. Он летел с шабаша в вечных снегах, где лед плавится от соитий, а в зобу спирает от спазмов. Всю ночь он мучил одну бледную немочь, доведя ее до того, что она под утро в исступлении бросилась с обрыва в пропасть. Наблюдая за нескладным полетом бедолаги, он даже ощутил что-то вроде жалости к ней. Полетел следом, хотел догнать, но она пропала из вида. Покружив над горным ручьем, бес повернул к своему лежбищу и летел до тех пор, пока вдруг не обнаружил, что его неудержимо засасывает воздушный омут, все сильнее и сильнее. И вот он камнем грохнулся в круг, нарисованный на земле. Шаман стоял возле круга, вытирал пот со лба, как будто только что носил камни или переложил очаг. Озираясь и не в силах выползти из круга, бес услышал приказ: «Через Барбале, с Барбале и во имя Барбале – будешь моим рабом! Айе-Серайе! Изыди из круга и следуй за хозяином!»

И тут же крепкая сила опутала его, выволокла из круга, потащила по ухабам и зашвырнула в пещеру, в шкаф, где ждали острый крюк и вечная ночь. Так наступило рабство.

Возясь в ветвистых корнях, укладывая так и эдак больное крыло, кружась, как больная кошка, и воняя прелой псиной, бес думал, что в шкафу было не так уж и плохо – тихо и спокойно. И свобода оказалась не столь приятной, какой чудилась из тьмы. И он в недоумении забылся, сквозь дрему чувствуя, как ноет избитое тело и угрожающе топорщится и вздыхает кора сумрачных гигантов».

– Неужели в этих дурацких джунглях все постоянно жрут друг друга? – с некоторой брезгливостью сказала Ната после чтения.

– А ты как думала? Побеждает сильнейший! – важно объяснил Гоглик.

Но она отмахнулась:

– При чем тут это? Существо рождается, растет, живет, а вдруг кто-то его убивает и жрет?.. Как же так?.. Почему?.. – Ей до слез стало жаль все живое на Земле. – Не мог, что ли, Бог придумать, чтобы никто никого не убивал? Значит, Он злой! Всё! Я решила – больше мяса есть не буду! Вообще! Мне противно! Пусть другие убивают и едят, а я никогда!

Гоглик смутился. Он не знал, что ответить, но, чтобы успокоить готовую расплакаться Нату, сказал:

– Надо было тихо сидеть у шамана в будке, а не таскаться где попало без разрешения, в чужих странах...

– Он же бес – что ему страны? У бесов нет родины... Разве свинья виновата, что она жирная и грязная?.. Это Бог сделал ее такой. Не делал бы – не была бы грязной! – разгорячилась она.

– Или осел виноват, что он ишак? – подхватил Гоглик, вспоминая эпитеты в свой адрес, когда он на спор кинул в спортзал дымовую шашку, купленную за червонец у поддатого солдата, пившего вино в школьном дворе. Хорошо, что спортзал был пуст, а шашка – отсыревшей: напустив чаду, она погасла. Но пол был испорчен здоровым горелым пятном, и завуч пообещал Гоглику, что заставит его родителей платить за ущерб, а завхоз добавил, что заставит их сделать ремонт. «Да отец вас на колени поставит!» – не удержался Гоглик, за что и получил от завхоза легкий подзатыльник, а от завуча – четыре в четверти по поведению.

Он вдруг заметил тонкую золотую цепочку на шее у Наты. Раньше не видел.

– А это что?

– Подарили, – неопределенно ответила Ната.

– Кто? – с болью спросил Гоглик, убеждаясь, что его подозрения относительно соседа, крутившегося возле Натиного подъезда, могут оказаться горькой правдой. – Он? Никуша?

– Какой еще Никуша? – фыркнула Ната. – Я что, у чужих мальчишек подарки буду брать? Ты за кого меня принимаешь?.. Это тетя подарила. В турпоездке где-то была и привезла.

Гоглик обрадовался. Подумать о том, что Ната врет, ему и в голову не приходило – Ната никогда не обманывала, всегда говорила правду, хотя это и опасно – правда может убить наповал, а ложь тянется соплями, как любила повторять мама, когда ругалась с папой.

Ната на геометрии больше не настаивала. Отрывок испугал ее. Заметив это, Гоглик спросил:

– А вообще... Все поняла?

– Да, кажется... – не очень уверенно ответила она.

– Если ты такая умная, то объясни, что он сделал с той женщиной? – простодушно спросил Гоглик.

– Сам не понимаешь? – с гримаской презрения ответила Ната.

– Нет. Побил? Измучил?

– Нет.

– Задушил?

– Нет, – зарделась девочка.

– А что? – мучительно хотел он услышать заветное слово, хотя надеялся на него мало.

Так и есть. Она молчит, кусает губы...

– Ну, что он с ней сделал?

И вдруг, вместо «хватит! получишь!», услышал:

– То, что делает мужчина с женщиной...

– Мужчина? Но он же бес! – изумился Гоглик. – Ведь его чужие бесы побили потом за то, что в их районе бродит.

– Отстань!

Нате было не до дурацких вопросов. Она стала собирать свои вещи. В голове клубилось что-то опасное, непонятное, острое, колени стали ватными, руки – непослушными. Не глядя на притихшего мальчика, она поспешила уйти, а по дороге домой ругала себя за то, что вместо уроков они занимаются посторонними делами.

16

Гуга, Ладо и Анзор выехали из Тбилиси затемно, чтобы к полудню добраться до Кабарды. Если, конечно, по Военно-Грузинской дороге не будут перегонять баранту²⁵, не произойдет обвала, камнепада, оползня, рейда или еще чего-нибудь непредвиденного. На горной дороге машину покачивало от ветра. Иногда Гуга проверял тормоза, слегка трогая педаль, и тогда начиналось ровное шипение, словно нож касался точильного камня.

Дорога была пустынная, сыто урчала под колесами на поворотах. Свет фар выхватывал скалы, столбики по обочинам, пустоту над бездной. Раз перед машиной выпрыгнул на дорогу здоровенный волк, дико оборотился на свет фар, застыл на секунду, исчез в темноте. Анзор встrepенулся на переднем сиденье:

– Видели? Хороший знак! – Он был в куртке с капюшоном на голове.

Гуга кивнул, не отрывая глаз от дороги. Ладо сквозь дрему что-то буркнул. Он чувствовал себя неважно: боялся, что на постах могут проверить вены, а у него руки не только исколоты вдоль и поперек, но и покрыты синяками, возникающими, когда вена пробита насквозь и героин растекается под кожей, что нередко случалось в суматохе варки и ширки.

Несколько шлагбаумов, вагончики и желтые будки встретились по пути. Возле каждого «журавля» гаишники и милиционеры внимательно оглядывали машину, бесцеремонно совали головы в салон, что-то спрашивали, уточняли. Тускло светились в предрассветной тьме желтые «канарейки». Дорога через Кавказский хребет была на замке. Возвращаться по ней с фактами нельзя. Даже сейчас, ничего не имея с собой, друзья чувствовали себя неуютно под долгими и тяжелыми взглядами ментов, которые, впрочем, не утруждали себя обысками, зная, что из Тбилиси на Северный Кавказ ничего, кроме денег, не везут, а вот оттуда....

После Крестового перевала дорога пошла на спуск. Выпрямилась. За Нижним Ларсом поплыла сумрачная Северная Осетия.

Темнота расплзалась. Горы остались позади. Стали видны холодные просторы полей, над ними в полумгле витал туман. Мутное белое солнце высвечивало деревья вдоль дороги, беззвучно летящие стаи птиц, неподвижные силуэты лошадей, черные далекие леса, редкие машины и одинокие фигурки людей на автобусных остановках.

Осетию проехали быстро, отделавшись двадцатипятирублевой бумажкой, сунутой толстому менту в бушлате, заявившему, что есть четкий приказ машины с грузинскими номерами через Осетию не пропускать.

– Вы что, в своем уме? Мы телевизионщики! – запротестовал Анзор, а Ладо для убедительности показал открытое редакционное удостоверение. – Для новостей снимать должны, детский праздник!

Мент проворчал:

– А для меня праздник – когда четвертной дадите! – и, взяв, махнул полосатой палкой. – Милости прошу к нашему шалашу!

В Кабарде ландшафт дополнился невысокими горами вдоль дороги. Анзор расстегнул куртку, скинул капюшон:

– Здесь и растет она, красотка!..

– Где? – окончательно проснулся Ладо.

– Да всюду, где посадят! Кабарда! Балкария! Тут самый жирный план на всем Кавказе.

Ладо жадно смотрел в окно. Близость конопли придавала всему, что он видел, какой-то дьявольско-привлекательный, таинственно-заманчивый оттенок. Он часто представлял себе эти поля, но никогда толком воочию их не видел и теперь лихорадочно вглядывался в каждую

²⁵ Стадо баранов и овец.

мелочь. Уже вовсю светило солнце. Близость гашиша делала тайным не только природу, но и людей, предметы, собак и кошек.

В нужное им село под Нальчиком они прибыли пополудни. Людей не было видно. Бродили хохлатые жирные куры. Гоношились индюшачьи семейства. Сновали уличные псы, вызывая зависть гремевшего цепью волкодава, который вставал на дыбы и царапал лапами забор, желая избавиться от железа и поиграть с уличными сучками. Широко расставив слабые ноги, стояли замшевые телята с агатовыми глазами и одуванчиками усов вокруг пухлых губ. И даже на всех этих мирных тварях лежала печать волнующей тайны.

Ладо хотел сказать об этом Гуге, но, взглянув на затылок Анзора, передумал и опять уставился в окно.

Мимо кладбища они свернули на разбитую дорогу. Анзор скомандовал:

– Стоп! – приоткрыл дверцу и стал вглядываться в ржавые таблички. – Всю жизнь езжу, а каждый раз забываю, какой номер! Все хаты одинаковые... Всюду собаки и решетки... Да, кажется, тут... Дальше немного... Чуть-чуть... – Зорко оглядевшись и заметив, между прочим, что земля сухая, дождя не было, и это хорошо, поскольку дождь смывает пыльцу с конопли, он приказал: – Видишь, в самом конце? Черные ворота! Туда! – А возле чугунных ворот велел посигналить.

Вскоре появился худой длинный плешивый парень в телогрейке и сапогах. Рожа у него была заспанная, небритая, в руке он держал длинную палку, которой гоняют баранов. Это был Байрам. За ним трусил лохматый пес.

– Ну, приехали? – ухмыльнулся он, влезая головой в машину и улыбаясь стальными зубами. Анзора он по старой дружбе похлопал по плечам, а остальным крепко, по-крестьянски, пожал руки и пытливо заглянул в глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.